

Мережа
Стузорук

МІСЦОВИЙ РИНАРЬ

Барраги и Сказки

2009
Fiolle Studio
Munich

Через семь веков к тебе я шла, мой Князь.
Очнись и взгляни на меня.

Хелависа

Я не могу Вам передать, насколько это одновременно радует меня и причиняет мне боль. Я не знаю, поразят ли Вас мои сравнения так же, как задевают меня, не знаю и того, как мне назвать те слёзы, которые я пролил, когда писал это.

*Донасьен де Сад,
из письма к Рене-Пелажи, 21.10.1778 г.*

Твари

часть первая

И всяческие чудовища обитают там,
где им не полагается обитать.
Владимир Высоцкий

1. Царевна-Лягушка

для Хорхе, коллекционирующего изображения жаб

Твоя благосклонность
важнее таинственных сутей.
Галина Машаринова

Смотрит, сбросила жена лягушачью кожу – и обратилась царевною. Вискочил тогда царевич из укрытия своего, схватил кодовскую одежду – и швырнул её в печной огонь. Заплакала девица: "Что же ты наделал! Когда бы подождал ты два годочка, спало бы с меня заклятие – и была бы я навечно твоей. А теперь должна я тебя покинуть..."

из русской народной сказки

Над смятой одеждой – огонь полыхает:
"Лучина, дрожащих кругов не сочи.
Застал – в наготе. Всю ли правду он знает?"
...Мне страшно, любимый мой: что там – в печи?!

Неужто, неужто, мой первый, мой нежный,
Развевая улыбкою – смертную грусть,
За преображением – не подглядевший,
Не мог разгадать: я не то, чем кажусь?

Иль я – прежде встречи тебе не раскрыла
Всё то? Не стрелы путеводной вина:
Ты внёс меня в мир, о котором забыла,
Как будто была – для него создана.

Сказала: не слушай, коль братья смеются,
А вызов бросают – возьми да смолчи.
...Как яркие золы – над пламенем выются!
Мне больно, любимый мой... что там – в печи?

Проклятье своё – иль защиту теряя,
Смотрю, так и эдак – растоптан посев!
Навек не получишь – того, чем была я,
Полвека – того, чем кажусь, не стерпев.

Не принял узора – и порвана лента.
Речей не дослушал – и вечная тишь.
...О, что там – в печи? Нет, не нужно – ответа!
Наивный, ведь ты – в том же устье соришь!

Ловец горемычный *наружных* подобию,
Не в срок две мишени составить посмел!
Знак видишь ли – в том, что мы встретились – в топи?
Тебя не утешит – и свист *новых стрел*...

Что не были мы – ни едины, ни схожи,
Огонь начертает на многих теньях.
Ты брезговал, друг, мною сброшенной кожей?
О временных стрелы – смолчали цитах?!

И вот я прекрасней – укрыться не знавших,
Мой истинный облик – теперь обнажён.
Но кто пробудил – явь во сне обещавших,
О явном не вправе досматривать сон.

Прощайся: личина – ещё не истлела.
За *новым щитом* – не узнаешь меня,

Не встретишь. Я сердцем к тебе прикипела
Без страха обжечься... Как много – огня!

Но что же там, что же? О боже, о боже...
О, давняя мука! О, смертная грусть!
*Зачем ты загадки следы уничтожил,
Когда разгадал: я не то, чем кажусь?!!!*

11 мая 2006 г.

2. Легенда о Запретных Плодах

Есть у Весны – три тысячи заслон
Над тайнами. И нынче, Тайниками
Идя, растроган – тишиной их, сон
Прощается с лесными существами.

С их плеч – минувшей осенью, дождей
Не пожалевшей – и ветров усилья,
Сокрыты в листопадах от людей,
Затеряны в листве, – отпали крылья.

На ложе зябком – приподнявшись в день
Рассеянного к солнцу перехода,
Невидимые – чувствуют: их тел
Коснулась беззащитность жажд полёта.

И прежде, чем последний снег сойдёт,
Слаб – всё ещё, теней скрывая длины
Прозрачных, из земли – лесной народ
Возьмёт лукошки, короба, корзины –

И тропками, что в тали заблестят,
Как сроду – в их начертано законах,
Отправится в особый вертоград,
Затерянный в извечных буреломах.

Там, в кольцах нераскрытой чистоты,
Пределах, вешним соком напоённых,
Появятся Запретные Плоды
На меньших из ветвей, к земле склонённых.

Как твердь земли – пустившие вразрез
Подснежников ростки на тихом склоне,
К причастью будней первому – существ
Невидимых – потянутся ладони.

И каждый, кто ярчайшей из усад,
Не данной людям, мякоть – взял устами,
Во имя чуда – станет вновь крылат
И звонко вознесётся над снегами.

И кто пойдёт – на первые цветы
Взглянуть, туда, где ветер – воды движет
Ручьёв ряблящих, на краю тропы
Нехоженной – замрёт и вдруг усыпит:

Пересечён полётами существ,
О воле – напевающих крылами,
Забывший мрака время – разом, лес
Лучистыми наполнен бубенцами...

18 апреля 2007 г.

3. Пикник В Заливе

Пировали духи над водой,
Трижды (тостов тех – не зачеркнуть!)
Поднимали кубок золотой
Перед тем, как на берег плеснуть.

Разливалось злато по устам
Жителей травы, клубился пар,
И стоял туман по берегам,
Словно близко – дым струит пожар.

Замерши плечом к плечу с тобой,
Видела: осками обьяв,
Преломляли духи хлеб ржаной,
Ароматом поля – мир обдав.

И летело в мятый влажный мох,
Чёрной охраняемый змеёй,

Изобилье краешков и крох,
Что блистали – звёздною стезёй.

Поглощали призраки росу;
Мы, бесстрашно так, как выдох свой,
Ощущали яства вкус во рту
Многих духов низко над водой.

И когда мы тихо шли сорвать
Плод забвенья с ветви в пустоте,
То уж не могло нас напугать,
Что за нами – от эфирных тел

До ведущих в сад ворот резных
Шёл вослед огонь их костерка,
Ведь была у Трапез колдовских
Детская невинность *пикника*.

1 марта 2006 г.

4. Бесёнок в пыли

Весна летит, о лете говоря,
Так низко над землёй! Предел порогов!
Под солнцем, зелень ищущем зазря
На глади серой выгоревших логов,

Сопровождая нас, кольцом дорог,
Простившихся с последнею прохладой,
Скитается бесёнок, трав клубок
В комочке пыли жёлто-синеватой.

И тянется обрядная игра,
Как лёгкий запах дыма над тропинкой:
– Где твои ручки, шар шуршащих трав?
– На ветках – прошлогодней паутинкой.

– Где твои ножки, облака клочок?
– На ворона крыле – полоской белой.
– Где твоё сердце, бледный огонёк?
– На небе голубом – щербинкой светлой.

- Где твои кудри, призраков сынок?
- Вон – в буреломе – ленточки вздыхают.
- Где твои глазки, маленький клубок?
- На солнечных полянках зацветают.

8 апреля 2006 г.

5. Сточные Канавы

На вспененные воды – нет управы:
Ускорил ливень – бурные бега,
И для потока – сточные канавы –
Как жерла паутин для мотылька.

Вбирающим в себя – журчанье – губкам
С обочин – длань течения принесла
Записки о намеченных покупках,
Монетки и трёхгранники стекла;

Блик солнца, для боёв с тоской – желанный,
Что будет, позабывший о войне,
Как маленький солдатик оловянный –
Томиться в одиночестве, на дне;

Жучков, наевших глянцевого брюхо,
Атласные узорные листы...
И неспроста, звучащий – сонно, глухо,
Загадочен – тяжёлый шум воды.

Я всматривалась в глубь канав сегодня
И видела (включите в сказку – весть):
В подземном царстве, но – не в преисподней,
А уровнями выше, невод есть.

И что с волной – в разверзнутый колодец
Упало, не потеря, а *улов*,
Ведь там – живёт хозяйственный народец
Младенческих не больше кулачков.

И там – на плоских россыпях стекляшек
Рисуют масть для карточной игры.

Высушивают вымокших букашек,
Чтоб отпустить из крохотной норы.

В листочки – заворачивают звёзды,
Чтоб те – не угасил прохлады шквал.
Взамен росы – на перстни клеют блёстки,
Что ветер – от нарядов оторвал.

Надёжно прячут мелкие монеты.
Сдувают с бликов солнца – серый прах.
Сквозь маленькие хрупкие лорнеты
Читают о покупках – на клочках,

Чернил снимая слой – со всех помарок,
Для зелья от простуды. Список тот
Утратив, кто забыл купить подарок –
На низеньком крыльце его найдёт.

Так будем же за это благодарны:
С улыбкой многозначной немоты
В бушующие сточные канавы
Насыплем горстью – летние цветы.

лето 2007 г.

6. Ступенька

Ну что ж, топчите пыль, бегите сворой,
Не удивляясь – лестниц прямоте.
Ступеньке, суждено мне – быть опорой,
Серебряной опорой суете.

Хоть я себя – воображаю кручей,
Любимицей ветров, орлов, богов,
Не обречён и худший подкаблучник
Час каждый – быть под сотней каблуков!

Но я – не стала крошкой, вот так сила!
Не стала серой – вот так бытиё!
(О, к тем, кто обопрётся на перила,
То жалость, то презрение моё!)

Я прохожу – по вечной тени краю,
И даже если время – прочим лжёт,
Я первой – белый иней принимаю,
И я последней – сбрасываю лёд.

А изредка – мой парк тумана платья
Наденет, всё покроет пелена,
И от меня – скрываются собратья,
Как будто в центре мира – я одна.

Тогда – на мне *цветут* рисунки мелом.
...Нет, я останусь – в зависти бреду:
Какое упоение пределом:
Быть *высшей* или *низшею* в ряду!

В один из дней, затерянных меж днями,
В подобии решимости – людской,
Я ринусь вниз – с бегущими ручьями –
Иль взмою вверх – с летящею листвою.

Пусть обманусь – в преображенья чувстве,
Не стану ни свободней, ни сильней,
Тень вечная – тогда меня отпустит
Безропотно, как правящую ей.

И в послушанье сходном – мир отпрянет
От прежних граней, новые – ценя.
Но что же приключится, что же станет
С тем, кто в тот миг – заступит на меня?

Вы, в вашей спешке, что бесправней лени,
Уж всё за вас – *опорой* решено!
Прислушайтесь к серебряной ступени:
Она умчит вас – в небо иль на дно.

10 апреля 2006 г.

7. * * * *

Единство апреля и октября...
Там не облака – высоко над рощею храмной,
Серые дельфины выныривают из неба.

Деревья, разросшиеся до Купола,
Не пораньте их якорями ветвей!
В маленьком тёплом затворе в вашем кругу
Мои волосы не высохли – не после дождя,
Это брызги фонтанов, поднятых стаей дельфинов...

11 апреля 2006 г.

8. Скульптура в парижском фонтане

Я – мальчик из гранита, как мне славно
Скучать в своей ленивой красоте,
Как хорошо – в немом кольце фонтана
Лежать на круглой матовой плите!

Мои забавы – были так далёки
От зимних дней... Да будет торжество!
Сегодня в полдень – оживут протоки
В сухих стенах жилища моего!!!

Взрывая напряжённое предверье,
Они натянут пены кружевцо
И, поглощая круг в фонтана жерле,
Осыплют бриллиантами кольцо.

Вода – игрою станет мне и яством,
Споёт о том, что молод – навсегда.
Мой лик бескровный – выглядит бесстрастным,
Но я ликую – уголками рта!

Лёг на живот. Кудрей упали копны
Мне на глаза с лукавым огоньком.
Душистый воздух взбалтывают стопы,
Как смешивая сливки – с молоком.

Как звёздочки дневные, мягко светят
Песчинки, облепившие бока.
А пальцы ног – почёсывает ветер,
Как за ухом – лохматого зверька.

Мерцают невидимок поцелуи
На пухлых настороженных плечах.

Вот-вот взлетят – сиреневые струи,
И я вдохну всей грудью – водный прах.

Я жду? О нет, слепцы, я – *поджидаю*,
Уже спины натянута струна.
И каждую весну – я забываю,
Которая за век мой – та весна.

А вы... Гуляя об руку – у крута,
Хоть вечера апрельские – светлы,
Вы так и не заметили ни лука
Вблизи руки ленивца, ни стрелы.

Когда же я замкнусь в своём приюте
Из многих вод, будь солнце или мгла
Вокруг, сквозь них – подавно вам не будет
Заметно, что отпущена – стрела.

Вы не поймёте, что – тогда стрясётся;
Гадайте, где утратили покой!
Как скоро взгляд ваш бледный захлебнётся
Гранёной беспощадно синевой!..

4 апреля 2006 г.

9. Питьевой Фонтанчик

Пыль завывает, город сотрясая,
А в старом парке – солнце и покой,
Лишь весело и шумно напеваю
Я, маленький фонтанчик питьевой.

То узелком затягиваюсь туго,
То изгибаю светлые врата
Я, хрусталём обёрнутая вьюга,
Сводящая все нервы чистота.

Вот я стрела (прислушайся ко стону),
А вот – я ветвь (развилка высока).
Пригнись ко мне – и рушь мою колонну
Лакающим движеньем языка.

Во всех краях – уподобляли чуду
Мой проблеск: миф, к векам меня ревнуй!
Я – страстен, но не каждую минуту
Мне грезится глубокий поцелуй,

Ладонями ликующими встряски...
Захват хозяйский – раскалённым ртом...
Плеснуть бы сердце – в детские коляски
Брызг радужных стокрылым мотыльком!

Метнуться бы – за гипсовую чашу,
Как будто бы – я ветер, не вода,
И мчаться, не следя, как травы – вяжут
На меченной земле мои цвета.

Раскрыть бы сокровенные шкатулки
Бутонов, нор, подземного огня!
Преобразить бы конные прогулки,
Льдом набегая – под ноги коня,

Чтоб на дыбы поднялся, будто тесный
Подковы полукруг – отбросив! Смять
Ударом бы – купальни занавеску...
И, радуясь разбуженному плеску,
Как мальчик малый, – в Озеро вбежать.

А дальше – вплавь – достичь светила цели,
И так его собою затопить,
Чтоб чайки захрипевшие – слетели
Ко мне – впервые – горло промочить.

А дальше... берег есть за камышами,
Куда боятся дети – бросить взор...
А там... о, там..... под странными теньями.....
Нет!!! Нет!!! Разбойник с влажными щеками,
Зачем ты уменьшаешь мой напор?!!!

16 апреля 2006 г.

10. Крылатых бытиё

В тишайшем парке, полном синевой
И золотом, чтоб тень свою испытать,
Деревья нависают над водою,
В неё – рискуя гнёзда уронить...

Крылатых бытию – удачи дани
Предскажешь без ошибок не всегда:
Когда сорвутся в воды – гнёзда сами,
Спасутся те, кто выпал из гнезда.

Но вдруг и в бездне – не погибнут птицы,
Свой дух найдут – в сапфирной глубине?
Мне этой ночью – странный сон приснится
О стае, пробудившейся на дне...

Уже теперь, когда теченья ходу
Препятствует подводной бег семьи,
Склонясь к волнам и всматриваясь в воду,
Я вижу крылья – вместо чешуи...

16 апреля 2006 г.

11. * * * *

Когда отразит тебя пламенный пруд
В огня золотой парче,
Подобные мне, саламандры придут
Рыдать у тебя на плече.

Их будет не счесть: о, весь огненный цвет
Творения, лавы река!
Но только меня, утешая, в ответ
Обхватит твоя рука.

10 июня 2006 г.

12. "Вакх" ДаВинчи

I.

Ко мне... Под крыл моих наплыв –
Листвы: пристрастье и порыв

Стяни моей лозой.
С тех пор, как в браке льющих блеск
Прозрачно-огненных небес
И пустоши цветной

Возникла первая звезда,
Красавиц жадные уста
За сущь моих кудрей
Не самый сладостный глоток
Отдали б, но последний вдох
Нагой души своей.

Кто был в бреду – хлебнул теней,
Но всех пророчеств миражей,
Цветущих сквозь дурман,
Всей беспричинности страстей,
Всех бурь, что ждут в сердцах людей,
Не знал – кто не был пьян.

Кто ляжет в глубях неживым,
Кто выйдет из волны сухим –
Всё *мною* предрешено.
Обманут – с чашею в руке
Искавший истину в вине,
Не в подавшем вино!

Ко мне... Борись, кляни, люби,
Лети в ветрах, ляг на цепи,
Бреди в моём венке!
Бьют в бубен в алой пелене,
А глубже в той – играют мне
На тёмных флейт реке.

Горячий мёд в моих руках,
Пощёчин пламя на щеках,
Ресницы – чаща чувств.
Мой стан – к объятиям зовёт,
Из глины роз – лукавый рот
Для влажных слеплен буйств.

Стеклянной патоки огнём,
Бродящим в омуте вином

Горят мои глаза.
И чёрных накупью хлыстов,
Звериных тысячей хвостов –
Бежит моя лоза.

В сеті восторга и тоски
Хватая камни и пески,
Упав лицом в закат,
Что ищешь ты? В пыли дорог
Трезвения помыслов цветов –
Моей стопою смят.

25 мая 2006 г.

II.

"Что не хмель, – говорили, – то желчь", –
О восторге на зависть другим.
Мягко плавилась *Музыки* речь,
Обращённая к чувствам твоим:

– Сколько бездн, Дионисий, в твоём
Кубке света, горящем сурьмой!
Как тяжёлым змеиным плющом,
Охвати мои земли лозой!

Уж не только от логов до стен:
Много дальше и логов, и стен –
Малахитом звенящая тень...
Виноградарей царственный плен...

Сколько звёзд – тишиной налилось,
Да не хлынут – росой на порог:
Хоть за гроздью склоняется гроздь,
Стан ограды – и прям, и высок.

Погляди, созываю богов:
Превращай же в пиры мой покой;
Прожигая прожилки цветов –
Окати мои камни листвою.

За причастий языческих бред
Урожаем – стократ мне воздашь.

Это сон опоённых? – нет,
Лишь мой ветер в ладонях чап.

В летней зале – осенний трон
Для тебя, а бессмертных, Вакх,
Для раздумий о капле времён –
Заклучи в потайных погребках.

Пусть лепечут бессвязно уста,
Оборвав славословий лов,
И забродит в зеницах вода,
И луной порастёт покров.

Дай сверкнуть мне и так зазвучать,
Устремляясь в пустынную высь,
Чтоб сложились по воле луча
Облака – в виноградную кисть.

Чтобы, сам – Красотой опоён,
Век читал – по улыбкам в вине
Моего изумленья стон:
"Сколько тонкого Хмеля во мне!"

Чтобы жил в изумрудном венке,
Пел неистовой крови зной –
На любимой Крылатых горе
Пировавший с тобой и мной.

13 августа 2007 г.

13. Сиринга

Но вот путь преградила река. Подбежавший бог Пан хотел уже обнять Сирингу, но обнял лишь гибкий, тихо шелестящий тростник. Срезал несколько тростинок Пан и сделал из них сладкозвучную свирель...

Мифы

Бросилась прочь. Я не знал, что я страшен,
Прежде. Верни мой удел
Прошлый, Сиринга! Но – где ты? Лишь пляшет
Солнце на спящей воде.

Только по илу – расходятся дуги,
Выгиб колец, что упруг...
Лань моя, где ты? Поспешно, в испуге –
Брошен на землю твой лук.

В травы упущенный лёгкой рукою,
Стрелы рассыпал – колчан...
Где ты, Сиринга? Слуга пред тобою –
Грозный и ласковый Пан.

О, появись! говори с безутешным,
Этой рекой напои!
О невозможном – на камне прибрежном
Стонут копытца мои.

Тихо тростник, не дающийся гибко
В руки, клонится в туман:
В солнце и дымку... Ты ли, Сиринга?
Твой ли – чарующий стан?

Трижды – рубцами на хрупкости чистой
Мечен печали порог.
Ветер, блуждая, клеймит пересвистом
Нежный и горестный вздох.

Коли и знал бы: погоня обманет, –
Бросился б – в эти бега.
Пой! От ножа и ладони отпрянет
Плоть, не душа тростника...

Пой над своею речною купелью,
Пой! Мне уста иссуши!
Я обращаю тебя – тонкой свирелью,
Жизнью моею дыши!

Плеском – напевов твоих не минуя,
Вспыхнет ветвей чернота.
Плачь и ликуй – от моих поцелуев,
Не умолкай – никогда!

Видишь, затянут – провал в небосводе,
Древо сухое – цветёт,

В рощах моих золотистых заводят
Сёстры твои – хоровод.

Вьётся, летит, ускоряется песня...
А из-под лилий венка,
Мифов дождём – осыпая столетья,
Катятся слёз жемчуга...

утро 9 июня 2006 г.

14. Песня Персефоны

I.

О том лишь помню, как была – твоей.
Печаль и Смерть – вот Крёстных наших троны.
Вонзаясь в малахит и синь ветвей,
Звучит над миром песня Персефоны.

Клинку подобна и цветному льну
Просторному, не сделалась – привычной!
Нет эха для неё, и потому
Она – себя считает безграничной.

Влюблённый в испытания герой,
Едва ли из-под лавра – замечаешь:
Измучена, мой Ангел, Ангел мой!
И так сильна, что счастья – не обманешь.

Позволь, неспящий, с сумерек лучом
Ковш и с каймою лунной по излому
Подать, как чашку с тёплым молоком –
Крылами осязающему дрему.

Мой Ангел! Оба – в свете фонарей,
Подёрнутых горчащею печалью,
Как в саване, в конце дождливых дней
Лукаво притворившемся вуалью.

Теперь на картах – не расклад, размах:
Обочин – больше нет, а бездны – мелки.
Цветёт запястье: на твоих часах
Два стебелька – взамен секундной стрелки!

Мой Ангел, Ангел... В вечер серебра –
Мы обманули высшие законы,
Играя. *Кем* – оплачена игра?!
...Мой Ангел, слушай песню Персефоны!

Тимьян в ракушках, Ангел мой, кудрей
Твоих: вовеки – вдох не превозможет
Любви. И вечный мрак – всё не черней
Руна, в какое в нóчи – лбом на ложе.

Я так хотела б умереть с тобой,
Увидев: Стикса воды – закипают,
Как те, кто любит – *не встречав*, на свой
След глянув одинокий, встреч желают.

Беликих, первых, неизбежных – встреч!
На землю – звёзды... Это нам – поклоны.
Нам будет гамаком – калёный меч,
А колыбельной – песня Персефоны.

Изорванных плащей запа́х сведи.
Дождь так и пляшет! – омуты в ударе.
Я – жребий свой возьму: в твоей груди
Раскрыты – в прошлом запертые лари.

Так много вод, но жажда – лишь одна:
Молиться на ресниц твоих наклоны!
...*Смолчав* о нас, поймём, что тишина –
И есть, мой Ангел, – песня Персефоны.

вечер 8 июня 2006 г.

II.

Шторма... шторма забвения реки...
Уже корма Ладьи – волной разбита...
Как на последних смертных от земли –
На Прибывших смотрю, жена Аида.

Они приходят сонной чередой,
Заплаканные, смотрят в Глубь влюблённо,
Где в мраке под готической дугой
Пярят Печаль и Смерть, два наших трона.

Грусть гибели гостей – не в слепоте,
 Не в зоркости, пронзившей взгляд внезапно.
 Грусть – не в сознание: истины – не те,
 Что жизнь определяли так недавно,

Не безысходный страх жестоких мук,
 Не серные ручьи, не тучи дыма.
 Грусть гибели – признание, что вокруг –
 Мир вечный, а душа – *непримирима*.

По нити – с миру, чтобы – наготы
 Не знала правда та... И мир – до нитки!..
 Что тени! здесь – по-прежнему светлы
 С надеждой разминувшихся улыбки.

Ты смотришь, мой супруг, на этот дар
 Всем сумеркам Твоим. Ниц – у Престола
 Тяжёлый стон серебряных кифар
 И гондольеров Стикса баркаролла.

Твой лоб – в оправе черноты венков...
 Ты Свой кусаешь рот, уста кровава.
 Всё здесь – моя любовь к Тебе и зов
 К Твоей любви, а значит, в снах веков
 Тот не замёрзнет, в ком – угасло пламя.

И с памятью, что мимо – я прошла
 Однажды, в мире смертных, до прилива
 Реки, смирился разум. Но душа...
 Душа – *непримирима*.

8 и 11 июня 2006 г.

15. Тени Духоты

Душный вечер – миру на закланье.
 Знаешь ведь, что сны, за чей Предел
 Чувственный – не жаль отдать дыханье,
 Разум – порождает в *Духоте*.

Что же в месяц пламенных распитий
 Сна – не смотришь в Чаши глубину?..

Выдох или вдох, мы – Тени! Выйди
К нам, под изумрудную луну.

Жарких встреч наставники межмирных,
Мы пришли воспеть твою тоску –
В звёздах, изумительно сапфирных,
В тополином бархатном пуху.

В листьях над тобой – так много света
И комет жужжит веретено.
"БЫТЬ" скажи – и будем здесь до Ветра,
Что смешает "может" и "должно".

Не бессмертьем и – не смертной кровью,
Кратким мигом *смысла* в Бытие –
Он поклялся нам, что и с другою
В силах думать только о тебе.

Тише, век... Дорогой золотою
Пыль бредёт, куда сверчки глядят.
Бережно играет Духотою
Клевера и липы аромат.

Время – по откосам сердце гонит
Маленьким блуждающим огнём.
Вспомнив о себе – тебя он вспомнит.
Нет причины – возвращаться в дом:

Эта ночь – как будто Жизнь Иная.
Эта бледность – будто молоко.
Имя Друга вымолвить желая,
Нынче не вздохнёшь ты глубоко,

Но (и мы причастны к этой тайне)
Сможешь полной грудью ощутить,
Как вздохнул сам Друг в исповедальне,
Чтобы – о тебе заговорить.

ночь 21 – 22 июня 2006 г.

16. Слуги

Оттого, что полёт – был внове,
А дорога – его подвела,
С криком пал в голубой терновник
Желторотый птенец орла.

Не щадя моих рук, привыкших
Колдовские ножи ласкать,
Я распутала тернии – тише,
Чем дитя не будящая мать.

В тех песках, где цветно и душно
День и ночь – и не бьёт родник,
Юный лев угодил в ловушку,
И заплакал – протяжный рык.

И, от жажды погибнуть рискуя,
В раскалённых сгореть лучах,
Я терзала ту вязь тугую,
Чтобы волен был – лев в песках.

А в лесу, где сияет поляна,
Как светлейший Алтарь на Земле,
Человек, испугавшись яда,
Полоснул мечом – по змее.

Губы стиснув, луча полосую
Обведённая, вся в серебре,
Я ладонь рассекла, чтобы кровью
Склеить рану на чешуе.

Не был дар мой Созданьям – блажью:
Суждено мне – творить добро.
Но теперь... о, теперь – мне страшно
За Любимого моего.

Если, ревности руша камень
Мне на сердце, пройдёт – с Другой
Шаг под солнцем, двоих – крылами
В кровь отхлещет орёл молодой.

И на запах изменничьей крови,
 Чтобы, враз – пресекая зов,
 След когтистый – оставить на горле,
 Юный лев придёт из песков.

А тогда уж, тогда, завершая
 Беспощадный отмщенья обряд, –
 Круг завьётся змеи – и ужалит
 В оба сердца, шипя: "К яду – яд..."

И, бледна, я хожу по краю.
 И, рукой заслонив свечу,
 Я беззвучно твержу "прощаю",
 И "не надо" что день шепчу...

Знаю: нету – иной подруги,
 Не услышать мне – горькую весть!
 Но мои непокорные слуги
 Каждый миг – стерегут мою честь.

утро 14 июня 2006 г.

часть вторая

Приближаясь к следующему воплощению, мы давали
 обет, что вернёмся в мир духов при первой возможности.

Бен Окри, "Голодная дорога"

1. Свысока

Паденье неба – треплет смоль плаща,
 Поэзия парит над хрупким склепом,
 И Ангелы из камня и луча
 В старинном зале, ветреном и светлом,

Как посуху – моря живой воды
 Минувшие, идя на поле боя,
 Стоят по обе стороны Беды –
 И смотрят свысока – на всё людское.

Великий, строгий, серебристый час
 Пред пробуждением в мире, вечно юном...

Что́ приближенье к Смерти – по меча
Клинку, когда прекрасней – путь по струнам!

Безмолвно-мирна – тонкость гордых лиц,
Бесплотности вселенской – братски верных,
Но в их покое – кроется трагизм,
Которого – в чертах не встретишь смертных.

И жизни разорвавшие лозу –
Снимают урожаи отрицанья,
Что не от мира – те, кому к лицу
Агонией последней любованье.

Пред тем, как счёт начнётся – на века,
Их, погребённых – в день паденья неба,
Немые гости – учат – свысока
Смотреть на плоть, на грусть – и тайну склепа...

5 января 2008 г.

2. Ночлег

В Парке, полном не смятой шагами росой,
Белых бабочек шабаш – над тёмной рекой.
Под неслышимый, но зримо блестящий напев –
Там плывёт хоровод бриллиантовых дев.

Не касаются хрупкие стопы – земли,
Лишь купаются косы – в цветочной пыли.
От пришедших на Берег Стихов И Примет –
Оглядет тот Ночлег, что Поэтом воспет, –

Блёсток тянется линия вместо тени.
О, как верят всему, что прекрасно, они!
О, как жуток реки василисковый зев!
О, как светится лик бриллиантовых дев!..

Белых бабочек свиты – под нимбом ветвей
Изумрудным – и в белом бреду фонарей,
Как же ясно читаются знаки судьбы
Сквозь легчайший прозрачный дымок – от тропы...
вечер 16 сентября 2007 г., Парк Декад

3. Духи Фонарного Света

Сентябрь, а воздух – как будто цветёт сирень,
И улица – словно – тех гроздьев сияньем одета.
Как пылако преследует каждую лёгкую тень
Ваш взор, ясноликие духи фонарного света.

Ещё не остуженный ветер – прохладе не рад:
Попытки его – отряхнуть её с крон – так страстны;
Вы – джинны, живущие в лампах, и ветви – спешат
Бока потереть их, чтоб вам – отдавать приказы.

Чего пожелают они? может быть, лишь того,
Чтоб ложью не стало – то, что сегодня – правда,
А то, что влюблённым – на жёлтых аллеях дано,
Потеряно не было – в холодом полном Завтра.

О, вы – так заботливы, так несказанно добры,
Фонарные духи, и в братской любви, и в отцовской,
Что стайкою тусклой – за вами летят миры,
Чтоб вашей палитры коснуться – осенне-пёстрой,

И знают, что в этом нельзя – получить отказ,
Не станете омут мутить – эту ночь бессонить!
А я, уж не помня *желаний*, бреду меж вас,
И нет ничего, что могли б – для меня исполнить.

вечер 18 сентября 2007 г.

4. После Жатвы

На скамьях, облачённых в зелёную вешнюю пыль,
Влажной цепочкой – под старыми соснами вставших,
Брошена хвоя: маленькие серпы
Самозабвенно солнце весь день пожинавших.

Отдалившись от тех, что извечно глухи и слепы,
Чьи не взвивались дни – золотыми кострами,
Там, где ковёр не истлел прошлогодней листвы,
Я отдыхаю с невидимыми Жнецами.

Чтобы пожать понимающе – плотской руки
 Нам не дано, а тем временем, тайное рая,
 Остро впились нам под кожу лучей колоски
 Сквозь одежду миражи, подстрекая игру осязания.

И, лизнув наши ссадины, речи заводим мы
 О шагах Ненаглядных – мечте бледных листьев кипы.
 Наше, весеннее, мирное "мы светлы"
 Стоит, должно быть, тысячи их "мы – живы".

Но, воскрешая в беспамятстве – *Чувства* час,
 На языке многих вечностей, нам отмерянных,
Ласково-ласково, света ручьём журча,
 То, что мы любим, нам говорит о Потерянных.

3 февраля 2008 г., Парк Изака

5. Люди с людьми

Человеку – нужен человек.
"Солярис"

Ходим от края сомненья до края:
 Наше клеймо – это наш оберег?!
 ...Быть Не-Людьми среди людей, сознавая,
 Что человеку – милей человек.

Мы – крик вопросов к душе человеческой,
 Сеть для реакций на странность – "прими":
Люди ли те, кто, испытаны Встречей,
С нами – не люди, но люди – с людьми?

Нами – окончена смертная школа,
 Нам остаётся – их ждать за дверьми.
 Ждать результатов... И знать: нет дозвола
 Так жить друг с другом, как люди – с людьми,

Тем обладать, что вверено – людям...
 И, хоть не связаны – жизнью одной,
 То, чем мы не были, то, чем не будем,
 Всё ещё движет – нашей тоской...

Люди, о люди... до искры, до капли,
До столкновенья, когда – тесен путь,
Чужды... *И всё-таки, нас – к ним призвали!*
Всё ж друг на друга – нам дали взглянуть.

Слиться хоть в чём-то – нельзя Не-Подобным.
"Алчущий, *не своего* не возьми!"
Мы – с нашей Правдой, мы – с нашим Долгом,
С нашей Печалью, а люди – с людьми.

Кто же сказал нам: мы – выше от века,
Мы – вдохновенней, свободней, сильней?
Может быть, мы – только слабое эхо
Их Красоты, бледный отзвук – их дней?!

Ведь неспроста (и века – не рассудят
Этот закон; где черта – там черта)
Мы – так отчаянно тянемся к людям,
Люди – не тянутся к нам никогда.

Мы заморожены ими, так близко
К ним подойдя, чтоб не верить – нет шва;
Нас покоряют их судьбы, их лица,
Их повседневность и их торжества.

Ибо – пока существует *людское*,
То в отречение томясь, то в мольбе,
Ни утешения и ни покоя
Мы не найдём – средь подобных себе.

Много чудес – не от бога и божьих –
В мире: однажды, на веру прими,
Мы без обид и условий – быть сможем
Счастливы, *помня, что люди – с людьми.*

Но и тогда, от пронзающей стали
Сердце избавив, от слёз – новый взгляд,
Чувству, как многое – мы потеряли,
Наши Награды – поклон сотворят.

вечер 26 октября 2007 г.

6. Родные Навсегда

Во дворах, тёмной залитых патокой,
Отделились от древ Нам Подобные,
Расточая улыбки бледные.
И они – осыпали нас травами,
Что увидят весной лишь новою
Не прошедшие путь наш смертные.

И они, как Бесплотных – Бесплотные,
Как Родных Навсегда – по святости,
Обнимали нас (в мир – дверь хлопнула)...
Раскрывали глаза бессонные
Широко, сокрушаясь о радости,
Что могла быть смелей, но дрогнула.

Заменял – жёлтый блеск над тропкою,
Заметённой листвой, как заснеженной,
Свет домов, навсегда покинутых.
Мы как будто забыли, что прокляты.
И мы были так горько утешены:
Нас, живыми – давно отринутых,
Слышат те, кто людей прекраснее,
Видят те, кто людей прекраснее,
Любят те, кто людей прекраснее...

вечер 26 октября 2007 г.

7. * * * *

Вы ласкаете милых подруг,
Взор ваш – дымчатых искр пляс.
А у нас ветерки вместо рук,
Маяков огни – вместо глаз.

Вам уютно в покровах льняных,
Мы одеты в дождя полотно.
Каково это – *быть в живых*,
Нам вовеки узнать не дано.

Но отсчёт – горькой зависти дней
Прерван, более – не повторим:

Мы устали – о мире людей
Думать с нежною жаждой внутри.

Дом ваш – клетка страстей и времён.
Сколько их – вам не ведомых стран!
И отчётливо слышит он
Голос мой, что зовётся – туман:

– "Наречённый, зажги огонёк,
На который бы я пришла.
Что же, если – мы Знаков клубок:
Ни души, ни крови, ни тепла.

Вот и мой светячок: приходи!
Заклучи меня в крыльев сеть.
То тяжёлое отпусти,
Что мешало тебе – лететь.

Погляди не в глаза – в маяки.
Для того чтобы стать – Строкой,
В дальнем мире, где нет любви,
Не оставь ничего: с собой

Всё возьми, – я скажу ему. –
Нынче в небе врата – широки".
И в ладони своей – сожму
Лёгкий ветер-вместо-руки.

30 января 2008 г.

8. Парк В Полночь

Прекрасные люди, в миру-для-живых –
Вы руки сомкнули под сенью листвы.
А мы – затерялись в вершинах, мы – пух
И свет, и неведение – сомкнутых рук.

Любуемся вами. Далёкой грозы
Раскаты – для вас повторяют часы.
А мы – не коснулись ни яви, ни сна,
И нас стороной обойдут времена.

Вы – блеск и румянец горящей свечи,
И вся ваша жизнь – в этой яркой ночи.
А нам – не обжечься: ни нынче, ни впрямь
Ни жизни, ни смерти – и вскользь не задеть.

О, люди! у вас и у нас – навсегда –
Ни общего "нет" и ни общего "да",
Но эта несхожесть – так манит и льнёт!
И надо бы, надо бы – дальше, в обход

Скамей под ветвями, тропинок, цветов,
Но тайна *Живущих* – томительный зов!..
О люди, о чада Иной Стороны!
Вы так безнадежно, так нежно юны,

И так вдохновенно – звучат голоса,
И так *упоительны* ваши сердца,
Так свеж незапятнанных судеб узор
И жажда огнём – взять огонь на измор!

И так удивителен свет ваших глаз,
И страшен запрет наш – бывать среди вас!
Так пусть не откроются вам никогда
Ни наша услада, ни наша беда,

А мы – не узнаем ни таянья свеч,
Ни чувства дыхания, ни трепета встреч,
Чтоб праздновать крови своей немоту –
Мы снизим *ещё* – до вершин – Высоту.

О Люди! *Живые!* Несобранный мёд
На тёмном лугу – наших тонких Пустот...

10 июля 2007 г., Парк Изака

9. * * * *

Стремительны, бесповоротны
(О, долгого зова палитра!),
Весной – перемены погоды –
Как сбои сердечного ритма.

Душевные срывы прекрасны
Простёртой восторженно дали,
И небо – меняет маски,
Чтоб судеб своих не узнали.

Час мрака текстуры пастели,
Час блеска в серебряных скверах,
Час солнца и мелкой метели,
Час ярости всполохов серых,

Часы – ненасытности свода
Лазурью, и бездна – над домом –
Витков облаков полёта
В неистовстве незнакомом.

Деревья разгладили шрамы
И грезят: хоть путь – и дален,
Неведомых тварей сюда бы –
Да с *Гоголевских* окраин!

Сюда бы – гостей небывалых,
Чей след – на иной планете.
О, даже в геранях усталых –
Таится ликующий ветер.

Вселенское небо – взмывает
Под ласки высотной десницы:
Лучистый мороз пробирает
Нутро Впечатления птицы.

Они! обновления царства!
Всем сердцем – их приняв затею,
Против – то, чего не дожидаться,
Сижу у окна – и... ГЛАЗЕЮ.

28 февраля 2008 г.

10. Пока плакали ангелы

Мистеру Хауарду

С мелкой дрожью – с подвория свет уходил дневной,
Заноса наши окна дождём, как крупинками соли.

Признайтесь, каждый ощущал из вас
Хотя б однажды (то ль – не чувство жизни!):
Ветров затишьем – тайно правит час
Безвременья, простёршегося в Выси.

О да, Светила – спят, из облаков
Устроив ложе высоко над нами.
Благодаря видениям их снов –
Со днями день не схож, а ночь – с ночами.

То зная, догадаться вы могли
О том, что для незрячих – тайной было:
Что на границе Неба и Земли
Есть некто, Пробуждающий Светила.

И ни один восход – не будет тих:
Я вижу свет на нотном развороте,
Как перед образами тех Святых,
Что в церкви мира – лишь незримо входят.

Трепещут струны – от священных ласк,
И в мир – глядит Светило без боязни.
И в этот миг, в прозрачный этот час,
Я сам – и Солнца, и Луны прекрасней.

Я словно не себе их сон беру,
Но жить клянусь, очей – век не смыкая.
Зеркальный лоск – плывёт по стигам рук,
Меж губ – черта проходит золотая,

Бесценна – блеска глаз моих игра.
Но сердце – ледяной подобно ране
(О, эта стужа... Чувство серебра
В дыхании, охваченном огнями...).

Хоть два тысячелетия – дотла
Сгорело, я, бессмертный, ясно помню,
Как некогда – разбужена была
Одна Звезда загадочная мною...

Она вела к яслям – седых волхвов,
А я, пленённый, знал, безвольно медля

Взгляд отвести, что стоит всех веков
О ней тоска, о часе Пробужденья

Одной, вершащей судьбы – всех, Звезды!
И я не сплю, Побудок раб безумный.
Я жду, что снова взглянет с высоты
Она – и побредёт на отзвук струнный,

Не заплутав, не встав на след подруг
От храма – к чаще, к пустоши – от дома.
Тех, кто уверен, что *от Бога* – слух,
Не тронет страх – ни тишины, ни грома.

О Воинства Эдема трубачах
Мысль – на душу без ревности ложится.
...До крови зов, но кровь та на губах –
Ценнейшая дыхания частица.

"Я жду..." – и струны... "Пробудись, я жду!" –
И струны! "Возвратись!" – и струны рвутся.
Мне всё равно, коль разбужу – Мечту,
Что прочие Светила – не проснутся.

24 октября 2006 г. и 16 апреля 2008 г.

12. Кладбищенский Голубь

При тугих кладбищенских вратах,
Что с трудом – и ангел отопрёт,
Рыжий голубь – на седых камнях,
На ветвях надломленных живёт.

Четырёхугольный служит луч
Голубю – распятым – меж крестов
Для людей, литой бессмертный плащ –
Заменяет хрупкое гнездо.

После воском пахнущих дождей,
Обративших жаждой свет и тьму,
Каменные лунки для свечей
Делаются чашами ему.

Ходит по небесным жемчугам –
Не по росам он, да мох – суров.
По его разносится крылам
Отзвуком – ночная дрожь цветов.

Он хотел бы – плачущих у врат
Сердцем заслонить, не вполкрыла,
Воркованьем тише нежных арф
Грозные смирив колокола.

Но – ему завиден их удел:
Чувства, тень Родных – пройдя насквозь,
Дать – так переполнить Красоте,
Чтобы всё в груди – разорвалось.

Вечностью царящей потрясён,
Смотрит на лазейки в Даль в заре –
Голубь, и, застыв, мечтает он:
"На закате – медленно сгорев

В ровном круте цвета янтаря,
В лунном бриллиантовом кругу
Я воскресну в теле соловья,
Что умеет *выразить* – тоску..."

14 марта 2008 г.

13. Кладбищенский Ветер

Жить не боясь, как я – не боюсь
Исчезать в полумгле дождевой.
Я, Кладбищенский Ветер, клонюсь
На сырое надгробье щекой.

Я – беззвучен, я всеми забыт,
Ни одна не задета струна.
И сегодня как бархат – гранит,
Потому что печаль – влюблена.

Я растерян: я помню мой Дом,
Но ношу – плащ дорожный до пят.

Кущи снизились неба: так, что
Ветви – плечи мои теребят.

Там плывут облаков корабли,
Бог царит: капитан-Дитя.
Стала плоть моя – цвета земли,
Но душа моя – цвета дождя.

Вдалеке – слышен звук поездов,
И я *верю*, что все – под откос.
И я грежу, упав пластом,
Как истёртыми лапами – пёс,

Обнимая росистый холм,
Ослабляя небес нажим,
О закрытых глазах – тех, кто мёртв,
Об огромных глазах – тех, кто жив.

И, подобен раскату, но тих,
И, безлик, но навек многолик,
Вижу зреньем *бессонным* одних,
Слышу слухом *уснувшим* других

Я, уставший от смены миров:
В искупление моей пустоты,
Превратясь в вековых стариков,
Тихо плачут седые кресты.

13 апреля 2008 г.

14. Рог лесной

От светила оторвана часть
И разорвана в клочья: листья...
На заре ноября – не сдержать
Листьев-гончих на привязи ливня.

И летят они – духом тревог,
И усыпаны – светлячками.
Ветер – это охотничий рог,
Разносящий свой клик над лесами.

Отчего так прогоркла – та мгла,
Что приходит на эхо зова?
Или плещется в роге смола
Вместо горсти вина лесного?

Расступается ливневый шёлк
Под нажимом росинок-перстней –
И фигура, трубящая в рог,
Проступает меж синих созвездий,

Отражённых на травах густых.
От какого тоскливого бога –
Угасание скрипок лесных
И мгновение звёздное – рога?

Шаг хрустален – и плащ, и взгляд
Ноября, и прозрачность – позёмкой.
И незримый лесной музыкант
От игры задыхается долгой.

Не смущаясь кровавых борозд
На лице его, детском от боли,
Поднесите ему – чашу слёз,
Ибо губы его пересохла.

Пусть играет он, рог обхватив
Ртом – на вдохов *кальяна* обычай,
Чтоб охотники – сбились с пути
И своей не настигли добычи,

Чтобы зимние птицы вдруг –
Как весенние стаи запели.
Ободрите его, он – пастух
Будущий – агнцев метели!

Снег влечёт ненасытность игры
В мир, как жертвенный камень – зверя.
Рог... Иль это надломы коры
Стонут, в осени смерть не веря?

Рог и Рок: из созвучья тисков
Вырвавшись – в миге от края,

Я лечу высоко-высоко,
В мыслях – песню лесов повторяю...

Отчего так прогоркла – та мгла,
Что приходит на эхо зова?
Или плещется в роге смола
Вместо горсти вина лесного?..

26 июня 2007 г. и 16 апреля 2008 г.

15. Охота Листьев

Как гончие псы без счёту,
С деревьев – летят покрова:
Как будто ведёт охоту
За чьей-то душой – листва!

Со щелочью жадного стона
И с накипью пен у рта –
Не знает, она *ведóма*,
Ведущая лов орда.

За каждую пёстрой гончей,
За горьким и строгим: "Стой!" –
Таится Великий Ловчий,
Бессмертный и золотой.

Перечить ему не вправе
Листва – до конца рывка.
Не нужно ни птицы, ни лани,
Ни сорванного цветка:

Подайте души! Меж ветвями –
Несётся тайфун листов!
Встревоженными слепцами
И псами в наряде шутов –

Летят эти мёртвые боги!
Льна мягче, но звонче монет –
Мотив, под который с дороги
Сбиваются взявшие след.

Забыв, как стучало – в запястьях,
И как *начинался* – лов,
Вы броситесь восвояси
Из чистых, как смерть, лесов,

Из ваших ловушек царства,
Не видя судьбы ни в чём.
И к вашей груди обратятся
Все стрелы – своим остриём.

28 октября 2006 г.

16. * * * *

Всем кронам, что горят, как серафим,
От ласки неземных огнёй каскада,
Не устоять – пред солнечным, немым,
Непобедимым – Духом Листопада.

Куда уж – мне, былинке, огневой
Не знавшей силы! Благостно-невинна,
Я следую шуршащею тропой
За тенью золотого Господина.

Но скоро – он утратит власть и сам,
Застонет от последнего прозренья
И слабо припадёт к моим рукам
Лицом холодным: испросить Забвенья...

27 августа 2007 г. и 17 января 2009 г.

17. Дом

Мы шагали, меняя страны чаще, чем башмаки...
Бертольд Брехт

I.

Я знаю ключ, питающий беду,
И горя безграничности причину:
Для нас, бездомных, спящих на ходу, –
Нет ложа – душу выплакать в перину.

Спи на плаще, на карте путевой,
На тучах постелй – лучей солому,

И разве не покажется порой:
С людьми – мы схожи – лишь тоской по Дому?

Ты думаешь, *иначе* – быть могло,
Хотя б и сотню раз – начать всё снова?
Я знаю, отчего – так *тяжело*:
Для бесприютных – места нет такого,

Чтоб часть переложить с плечей – Добра.
О, так *основы* отнятые помним,
Как будто мы не чайки, не ветра
По сути: травы, вырванные с корнем!

Не кров нам – высь, и не очаг нам – дол,
От хватки пыльной бури – нету спасу.
А нам бы – в Дом, и накрывать на стол,
И ставить розы – в глиняную вазу,

И свежие постели расстилатъ,
И с чувством: целый век – влюблён в минуту,
Благоуханным утром раскрывать
Окна завесы, улыбаясь чуду.

Согревшись, окружать родных теплом...
По-детски, не в крови дорог и прахе,
Гордиться тем рабочим уголком,
Где на столе разложены бумаги...

Жить... помня всю – величину *Цены...*
Неужто сердце божие – из камня?!
Не знать так страшно – той своей вины,
Что повлекла – жестокость наказания!!!

(Путь освещаая – ранами в груди,
Себя – спроси печально и сурово:
Мог – лучше – имя *Призраку* найти,
Чем "Сердце, Не Имеющее Дома"?)

Но, хоть и не в Уюте мы умрём,
Лишь нашими накрытые холстами,
Неправда, что – недосыгаем Дом:
Он, как любовь погибших, всюду – с нами.

Он в нас, пока – мы в нём не можем быть,
И, глядя в зеркала, в "Пандорин Ящик",
В усталом взгляде – можно различить
Так ясно – два окна его горящих.

И так, смирившись, дышишь, так живёшь,
Как будто не безбрежно – с тем прощанье,
В чём – *Смысл...* будто за угол свернёшь –
И Дом... За что – такое испытанье?!

Чья мы ошибка, чьим безумным сном
Порождены?! Коль вправду – не от Бога,
Кем – вместо горьких слов "когда умрём" –
Дан сладкий вздох – "когда мы будем Дома..."?!

II.

Прежде, чем то, что любимо, достигнет взгляд, –
Годы и годы... так далеко до рая...
Ливень вечерний... свечи каштанов – горят...
Время танцует по лужам, брызги вздымая...

Вся, что в душевных сраженьях – пролита, рекой
Кровь пробегает по граням мирских ненастий...
Мне никогда – не хотелось так сильно Домой,
Как под дождём, что напомнил – чувство объятий.

Господи, Господи, искорку веры верни
В дальний покой, исцеляющий – бедных и страждущих!
Или Тебе, говоривший века – о Любви,
Жалко надежды – тёплой надежды – для зябнущих?

Дай опуститься мне долу на миг с облаков –
Именем ласки родных, в тело – дух возвращающей.
Или Тебе, Заступниче Всех Краёв,
Жалко земли – кусочка земли сверкающей?

Пусть при жизни – придёт (или пусть эта жизнь – уйдёт)
Хоть немного – из мира, где нету кнутов-без-пряников.
Или Тебе, Покровитель Небесных Щедрот,
Жалко воды – лучезарной воды – для Странников?

Но – умолкают потоки... на тихое дно –
В дальний обрыв – под ногами бежит свечение.
Верно, Тебе (я ошиблась!) – не жаль ничего...
Но и не жаль никого. Вот и всё объяснение.

вечер 10 апреля 2008 г.

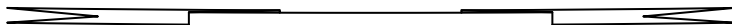
18. * * * *

Привела из-под ливня. *Погаснуть* так просто
И исчезнуть с шипеньем – в Сезоне Дождей,
Что убил моих близких. Не нужно вопросов,
Вот постель у камина, согрейся скорей...

Если зябко тебе – и под пледом, я тайну
Приоткрою свою – и чуть слышно скажу:
"Вот, возьми..." – и горящее сердце, как Данко,
В ледяные ладони твои заложу.

И ты сразу уснёшь. Эта ночь – будет длинной,
Полной нервной тоски по себе для меня.
Встретив утро улыбкой ребёнка невинной,
Ты не вскрикнешь, увидевший в нише каминной
Саламандру, что спит на перинах огня...

ночь 17 – 18 сентября 1997 г.

Саламандра

1.

С тех пор, как души – смертных повстречали,
Непостижимым призрачным созданиям
Наказывали те, что больше знали
О жизни и о боли испытанья,

В людей обычных – не влюбляться. Помню
И я те наставленья, не забыла...
Но, созданная бездной огневою,
Взглянула на НЕГО – и полюбила.

Я, Саламандра, искоркой плясала
В ЕГО камине – в полночах прохладных.
ОН, сидя у огня, смотрел устало
На янтари плащей моих парадных.

ОН был один... Лишь музыка и книги...
Когда ОН в кресле спал под звуки вьюги,
Я – посылала трепетные блики
Поцеловать лицо ЕГО и руки.

И в глубине ночной, что озарилась
Моим сияньем, чуждая запрета,
Моя любовь бессмертная – раскрылась
Цветком неопалимым горицвета.

2.

В тот вечер – вьюга – разрывала город
На лоскутки – и в небо их метала.
Смеркалось, но морозные узоры
Сияли, как при солнце не бывало.

ОН был – своей тоски привычной тише,
У губ ЕГО – морщинка подгибалась.
И ОН придвинул кресло – много ближе
Ко мне, чем прежде. Я – привить пыталась

К ЕГО щекам – ласкающий багрянец,
Но не прижился тот, и с Бледных дрожью –

ОН в покрывало кутался как старец,
Воспоминаясь раненный о прошлом.

В ЕГО глазах – тень начала сгущаться
Бессилия способных на безумство.
Запрет в людей обычных не влюбляться?
Но разве ОН – *обычен*?! О, кощунство!

Когда ЕГО черты – меня пронзали,
Всегда казалось мне, что между нами –
Родство, что крылья тонкие из зарев
Спят над ЕГО поникшими плечами.

За то, что жил ОН, крыл не раскрывая,
Душа моя – до искры изболелась.
И это одиночество без края,
Камина утешенью – эта верность,

Моё тепло безмерное – слились, и
Без жажды *воплощенья* и *признанья*
Я не могла смотреть на эти кисти,
Что на перилах кресла – как два камня,

На смоль ресниц, что в страсти – не взметнутся,
На старческое бремя покрывала...
И, более не сдерживая чувства,
"Ты не один!" – порывисто сказала.

3.

В камине – разлетелись пепла струпы,
И перед НИМ – мой облик женский вспыхнул...
"Я знал, что одиночество – погубит
Рассудок мой!" – ОН с горечью воскликнул

И выбежал из дома, не набросив
Плаща, не заперев входные двери,
Туда, где падал снег и от полозьев
Разметки – тропки белые пестрели.

В тот мир, где мне подобные – погаснут...
Где огненное – ветер разметает...

И, чувствуя: неотданная ласка
В груди моей, как буря, нарастает,

Царевной наряжает – в сердце – жалость,
Того не ожидающую платья,
Я – долгую минуту колебалась,
На то, как билась вьюга в окнах, глядя.

Моих приютов пламенных соседи,
К невестам прилетающие змеи,
Мне говорили: ничего на свете
Мучительнее нету и страшнее,

Чем гибель – от Стихии чуждой. Что же
Никто из них – мне не сказал, как страшен
Дом, что оставлен тем, кто всех дороже,
Кто опьянён печали полной чашей?

"Постой!!!" – и так вдохнула ветер стылый,
Как будто след судьбы взяла. По следу!!!
Отбросив хворост, мне – дающий силу,
Я бросилась за НИМ... под снег... по снегу...

4.

– Постой! *(А позади – дорожка праха.)*
В том, что тебе – надежду дать могу я,
В том, что тебе – несу я только благо,
Поверь мне! *я люблю! я существую!*

Ведь сам – в огне искал ты утешенья,
Ведь звал меня в покои – непрестанно!
(Горящей оболочки – рвутся звенья
От ветра ледяного, плоть – как рана.)

Постой! – и перепишешь всю с начала
Судьбу свою – уж в радости, не в страхе.
Неужто не уютно освещала
Твоё жилище я – в лазурном мраке?

Я стану страстной верностью самою!
(Лёд превращался в реки под ногами.

*ЕГО следы – в непознанного море
Спасительными были островами.*

*Мелькали предвечерние проулки...)
С Хранителем побудь, уже – не тайным!
(Когда звала, я не тянула руки,
Чтоб не обжечь касанием случайным.*

*А в тех домах, что вьюгой одевались,
Но оставляли власть её – снаружи,
Янтарным светом окна загорались,
И знала: там – мне родственные души.*

*Когда бы я – к порогу их свернула,
Меня бы – их каминь – исцелили.
Но я – не отступила, не вздохнула
О невозвратной силе, прежней – силе.)*

*Постой, погибель вьётся – меж ветрами!
О, вспомни, чтобы сердце – не робело,
Какими милосердными глазами
Я на тебя из пламени смотрела!*

5.

*Не отозвался ОН, не обернулась –
И тень ЕГО, но шаг – вдруг изменился,
Решительнее став. Я содрогнулась,
Когда на шаткий мост ОН устремился.*

*Могла поклясться я: ища свободы
От чар моих и северного шквала,
В тончайшим льдом затянутую воду
ОН бросится, и пламя я послала,*

*Чтоб перед НИМ зажглись – моста настилы,
К студёной глубине – путь отрезая.
Но, будто – не чадило, не искрило
Вокруг НЕГО, шагов не замедлая,*

*Прошёл ОН сквозь огонь, мной разожжённый.
Едва на землю берега ступил ОН,*

За НИМ – навес сгоревший рухнул в волны.
Да на́ реку – и взгляда ОН не кинул.

Там, дальше за рекой, в конце дороги,
Где две рябины снежные алели,
Был одинокий дом, изящней многих,
Мной виденных... Изящней. *Не теплее.*

6.

Сильней, чем на мосту, мне стало страшно,
Когда, как я – с погасшими крылами,
Весь в хлопьях снега (иль в лоскутках саж?),
С лазурью обведёнными губами,

Так спешно и отчаянно, как будто
Со мною вместе – в ветре растворялся,
Как будто разбудить желая – чудо,
В дверь дома за рекою ОН стучался...

И, этот стук неистовый услышав,
Взглянув в окна замёрзшего щербинки,
Красавица из дома вскоре вышла
На узкое крыльцо в метели дымке,

Раскрыла двери, кутаясь в такое,
Каким – ОН согревался, покрывало.
Пришедшего увидев пред собою,
С усмешкой головою покачала,

И торжествуя, и – себе не веря.
И были равно нежны и жестоки
Глаза её и жесты. Перед нею
Упал ОН на колени – на пороге.

7.

– "Смотри, смотри, что сделала со мною!
Как в рубище – я в этой снежной робе.
Я попрощался этою зимою
Со *всею!* Со *всею*, огня в камине кроме.

И я тебя – мог вспомнить лишь *холодной*
У этого огня, себя не помня.

Прости мне гордость, по вине которой
К твоим ногам упал я лишь сегодня.

Спаси меня! Что без тебя – безумна
Моя душа, – я знал, но как *примету* –
Я видел образ пламенного духа
Яснее, чем тебя, чем вьюгу эту.

На снежных перекрёстках – наважденье
За мною тенью пышущей мелькало.
Я адским то назвать бы мог свечение,
Когда б оно – мне рай не обещало.

Не то мне страшно, что сгорю в мгновенье
Любое, что не в силах – жар *понять* я,
Но то, что прочь бежал я от виденья,
А ринуться хотел – в огня объятья.

Что силою *настигнут* огневою,
Я чувствую; ты и сама – заметишь:
Ты видишь это Зарево за мною,
Что схоже с ярким призраком?" – "Ты – бредишь".

ОН обернуться – не посмел, но если
И обернулся б – также не сумел бы
Увидеть силуэт мой: в миги эти
Как раз – упали стынувшие пеплы

И угольки кровавые в сугробы.
Коль, смысла потеряв – палящей связи,
Ладони, губы, веки, плечи, стопы –
Ненужны стали, ветер – их угасит,

Хоть ранее – встречал сопротивление.
Такое – и со смертными бывает,
Когда сурово – с явью столкновение,
Им чуждой, *жара жизни* их лишает.

8.

Уже готовясь прахом обернуться,
Но всё ещё горя – на снежном платё,

Меня сквозь вьюгу бросившее чувство
Увидела в людском я, в женском взгляде,

В глазах, что не утратили покоя
В тот миг, лишь обрели – оттенка тонкость.
Да – жалость. Только имя ей второе
Не *состраданье* было – *благосклонность*.

– "Ну почему – вернуться ты не можешь
Как рыцарь, не – как демон снежной бури?
Я ожидала, что ко мне придёшь ты
В хмелю, в слезах, но чтоб – в полубезумье..."

*(И кольцами униженные руки
Чертить на госте принялись узоры.)*
Подумать только, пламенные духи...
А ты не изменился – с нашей ссоры,

Ты был всегда – подвержен суеверьям.
Да и чего сквозь вьюгу не блазнится.
Должно быть, то сиял – огонь вечерний,
Последняя закатная зарница

В просвете снежных туч или на кромке.
Ну *(отряхнула волосы от снега)*,
Вставай с колен, ты отморозишь ноги,
А мне не нужен в женихах – калека".

9.

Свершилось. Были взгляды – стали взоры.
Уже безвольно, дал себя увлечь ОН
В тепло прихожей. Звякнули затворы.
Зашелестели глухо – ласки встречи,

И в дома глубине – укрылись двое.
Но прежде – я за дверью услышала:
– "Постой... зажжён камин в твоих покоях?"
– "Конечно". – "Погаси его сначала".

10.

Бессильный подбирая уголёчек,
В котором – скорби искорка сверкнула,

"Смотри, какой забавный огонёчек..." –
Сказал ребёнок; мать – и не взглянула...

Малыш, как прежний отсвет мой, румяный,
Лишь ты – не усомнился: я – живая.
Ты положил меня в сосуд стеклянный
И спрашивал, ответ не получая:

"Ты светлячок? ты звёздочка? ты нити
Кусочек от гирлянды новогодней?"
Садись удобней, маленький спаситель,
Ко мне вернулся речи дар сегодня,

И ты услышишь сказку... Слушай чутко,
Но берегись – лучей моих горячих,
И ко стеклу – не приникай, малютка,
Ловя мои слова. Итак, мой мальчик,

С тех пор, как духи – смертных повстречали,
Непостижимым призрачным созданиям
Наказывали те, что больше знали
О жизни и о боли испытанья,

В людей обычных – не влюбляться. Помню
И я те наставленья, не забыла...
Но, созданная бездной огневою,
Взглянула на НЕГО – и полюбила...

11.

То в жар, то в холод. Но уже не больно.
Упали руки подававших знаки.
Плывут эскизы солнца по обоям,
Как круглые морские черепахи.

Прочь – сожаленья. Духи зимних улиц –
Полны на примиренье упований.
Смотри, там радуга! Вон там, где протянулись
Цветные нити Ветра Всех Прощаний.

*19 апреля и 7 мая 2009 г.
(по сюжету ночи 17 – 18 сентября 1997 г.)*

Солнце На Камне

Сказка

1. (Приход Холодов)

Был у подножья серебряных гор
Маленький город. И, Солнцу подобный,
Вечно на жертвенном камне костёр
Там полыхал, золотой и червонный, –

Не поклонившись ни разу ветрам
И под дождём проливным не поникнув.
Только – однажды, к сиянья дарам,
К их согревавшему Чуду привыкнув,

Люди забыли – о жертвах. Тогда,
В горном родившись и вызрев тумане,
В маленький город – пришли *холода*
И погасили – Солнце На Камне.

Вьюга – волною накрыла дома,
В каждую щель – просочила ознобы,
И перламутрово-синяя тьма
Землю одела – в снежные робы.

Много лучин, много кремня и свеч,
Хвороста, фитилей с тёртыми мхами –
Каждый истратил, не в силах разжечь
Заново пламя на жертвенном камне.

Первыми – дети и старики
Стали сдаваться, а после – иссякли
Силы всех прочих. От зимней тоски –
Самые крепкие духом ослабли.

Город, закованный в лёд, – погибал...
Стужа – Двоих лишь не испугала,
Бог – им Талант Утешения дал:
Вэрис – на хрупкой свирели играла

Песни о вёснах, что рая теплей,
Ярет – их пел... Всё, что светлым осталось
И ограждало от смерти людей, –
Голоса луч и мелодии сладость.

2. (Свирель и Голос)

Грусть воцарилась – в холодных краях,
Но – божий дар был по-прежнему в силе,
И в многоцветный воздушный очаг
Ярет и *Вэрис* – *напев* превратили.

Падала в небо – двухмерная тень,
Словно помолвки кольцо золотое:
Голос летел – и взмывала свирель.
И улаждали сердца – эти двое,

Сотней тревог, наваждений и благ –
Пересекаясь в одном перезвуке,
Путь проторяя друг другу – в ветрах,
Сотней цветов – расцветая друг в друге.

Песня была им – как обжитый дом,
Светлый покой для бесед и признаний,
И не умело нарушить ничто
Цельности нежной – двух душ и дыханий.

Словно у Верности вечной начал –
Мягко прося – и *Желаний* начала,
Голос – любовно свирель окликал,
Или – та первой его призывала.

Были они – и уста, и родник
Поочерёдно, в мечтах обоюдных,
И говорила о чувствах *Двоих*
Музыка та – и вниманью нечутких.

Но не спешили – Двое – на взор
Общий – сердец выносить притяженье.
Ярет, чей голос – весь ангельский хор
Брал за пример – в глубь надежды вхожденья,

Делался тотчас – глухим молчуном,
Если о Вэрис спросить его смели.
Вэрис, которая – с горным ручьём
Споры вела – чистым духом свирели,

Тем, кто о Ярете заговорил,
Не отвечала – и взгляд отводила.
Кто – не был вовсе бесчувствен, ловил
В песнях – ответ, что Творцов пара скрыла,

И уж не мог – сам поднять на них глаз,
Чтоб не пролить – умилённые слёзы,
И проступивший румянец – не раз
Грел его в зимы без права на вёсны.

3. (Просьба о жертвах)

Тяжек был жребий – в плен ледяной
По своему малодушью попавших.
Синих метелей рокот и вой –
Самым отважным сделался страшен.

Ждать: сам собою – таинственный жар
Вскоре вернётся, уставший, – в ненастье
В мраморном Храме – собрав горожан,
К ним обратился Старейшина: "Братья!

Нам ненадолго – угля и дров
Хватит при стуже подобной. Мы сами
В ней виноваты, а значит, наш долг
В жизнь возвратить – наше Солнце На Камне.

Чтобы вину перед ним искупить,
Чтоб испросить нерадивым – прощенье,
Самое ценное – мы приносить
Будем на Камень, творя всеожженья.

Чтобы Светило – взошло из огня
Снова – и с нами навеки осталось,
Всё, что *сияет*, – "в растопку"! Себя
Не пересилим – за скупости слабость

Взыщут метели – расплатою – жизнь".
И горожане – сказали: "Ну что же,
Чтоб сохранились – права дорожить,
Нынче сожжём – то, что взглядам дороже".

4. (Жертвы Горожан)

Жертвенный круг подожгли на камнях,
Чтоб возродить его силу – дарами.
Хлебные зёрна – носили в ларцах,
Хмель золотой – отмеряли горстями.

Ворох мерцающих лент и жгутов,
Ломтики воска – бросили в пламя,
Связки пасхальные вербочек, что
Освящены – с золотыми цветами.

Медные чаши сложили в костёр,
Блюда фамильные, тонкие стрелы,
Нити с монеткой пробитой – и всё,
Что при огне – хоть немного блестело:

Не замутнённые ржою замки,
Рыжие камни с замёрзшего брода,
Все портсигары, все мундштуки,
Что покрывала ещё позолота,

Пару подсвечников с мелкой резьбой,
Дюжину гребней с лучистой каёмкой...
Всё – маскарадной накрыв мишурой,
Ёлочных блёсток присыпали горкой.

И – улыбнулись, довольны собой –
Точно сороки, гнездо – выше края
Броских набив безделушек горой,
Чуда в награду за то ожидая.

Но возвратилась в круг бахрома
Инея, вновь – всё вокруг потемнело,
И опустила руки толпа.
Только свирель – несмирненно запела:

– "Разве меж нами и верой в мечты
Об избавлении – узы ослабли?
Мы непременно дождёмся Весны
И Солнца На Камне, Солнца На Камне.

Кажется нам, в этом мире снегов –
Мы уж не люди, а горных уступов
Тени, живые потомки богов
Каменных, Дети – Каменных Духов!

Дети во вьюги густых сединах!
Но – будем *ждать*, как бы сны ни озябли.
Знаем: однажды – будет Весна
И Солнце На Камне, Солнце На Камне.

Мысли – потоком лучей отрезвим
(Так лихорадку лечила – надежда)
И – вновь людьми мы себя ощутим.
Ранами наших сердец – неизбежно

Мы исчерпаем – холод до дна,
Вырвем из мира – нагими руками!
Рано иль поздно – здесь *будет* Весна
И Солнце На Камне, Солнце На Камне!"

5. (Холода не уходят)

Не уцелел *на окне* – ни один
Белый цветок, *на стекле* – были сотни.
Треснул хрусталь и все чаши из глин
В стылых домах – и иконы Господни...

Отсверк тяжёлый сурового льда
Плечи склонил – и кисти ослабил.
Иней, увядшие рты обметав,
Лица – на многие годы состарил.

Ветер, проведший по чёрным кудрям,
Пряди поддел – белизны облаками.
Серые тени – прошли по чертам,
Синие бездны – легли под глазами,

Белые сны – к задремавшим пришли.
Руки дрожали – от стужи касаний.
Взгляд – беспокойно следил, как вдали
Ширится северных морок сияний.

Жертвенный пепел – не много сказал
Спящему Солнцу. И, ценное пряча,
Тот перед Камнем – свой долг осознал,
Кто – был и скуп неизменно, и алчен.

6. (Новые жертвы)

Пусто под небом... *Пусто* в плену
Вечной Зимы. Даль – заходится в стене.
"Стужа – похожа на *Пустоту*, –
Молвил Старейшина. Коль не заполним

Мы подношеньями – это Ничто,
Сами тогда – его жертвами станем".
Новых даров безысходных поток
В круге взмолился – о Солнце На Камне.

Став на снегу – на колени пред ним
(Нет, не упав: опустившись устало),
Люди решили: ему отдадим –
Что в эту Зиму нас *согревало*.

Шкуру ягнёнка – Пастор поднёс,
Модницы – жёлтые ворохи пряжи,
Дети – охапки срезанных кос
И скрутки, что их делали старше.

Юные девушки – нежный покров
Шали, румяна, пудру и тени,
И Дневники с тонким флиртом замков.
Жёны и вдовы – витки украшений.

Девочка – мягких зверьков отдала
Из золотистого плюша и ваты.
Знахарка – мех золотых принесла,
Что – ей давали за чары в уплату.

Мальчик-мечтатель – бросил в огонь
 Перья, которыми – пишут сонеты,
 Жёлтый гербарий из книги святой.
 Ветхие старцы – любимые пледы.

Много даров – горожане сожгли,
 И согревавшее их – было ценно.
 Но распадалась жертвы угли –
 И остывали золы мгновенно,

Снова – был холоден Камень, на нём
 Не возникало – Солнце бывшее.
 Жертвенник – спал... спал завьюженным сном...
 Чудо не теплилось в нём золотое.

И над сгоревшим напрасно костром,
 Где утешенье его истлевало,
 Голосом, напрочь утратившим тон,
 Кто-то сказал: "Значит, этого – мало..."

7. (Песня Вэрис и Ярета)

Поле пустует, колодец и хлев,
 Люди не верят – собственным нуждам.
 Всюду, на небе и на земле, –
 Вечная стужа... вечная стужа...

Голос – растерянно обнял свирель,
 Что оставаться не в силах уж – звонкой,
 А между ними – струится метель –
 Мглою, подолами ведьм наметённой.

О, эта песня, отрада юнцов
 И стариков, песня много страдавших:
 "Ветер – дыхание синих цветов:
 Северный – юных, южный – увядших.

Эти цветы – так юны, что в бреду
 Видят себя – нерождёнными. В нишах –
 Идолы льда. Но – есть искра во льду!
 Сколько бы ни было – мертвенной тиши,

Рано иль поздно – дрогнет струна
 Снежных безмолвий – под ласками тали.
 Мир отзовётся – и будет Весна,
 И Солнце На Камне, Солнце На Камне!

Нынче под небом – лишь пустота,
 Словно без нитей-лучей – стынут кросны.
 Жертвы – *заполнят* её, и тогда –
 Выплеснет Вёсны... Вечные Вёсны...

Сон наш досмотрим – во стуж пеленах,
 Выпьем судьбу обречённых – до капли,
 Но за *Пределом* – будет Весна
 И Солнце На Камне, Солнце На Камне!

Помнящих Пламя – душа, не грусти,
 Правящих Царством Любви – боль не свергнет.
 Сколько б ещё ни таилось в гости
 Мира – метелей, та длань – не померкнет!

Будем – от схожести нашей гореть,
 И – нашу клетку растопит дыханье.
 Вместе с Любимыми – жизнь или смерть,
 Ярче не будет – и Солнце На Камне".

8. (Последние жертвы)

В Храме – свеча превратилась в кристалл,
 Вина замёрзшие – стали как пеплы.
 Тихо Старейшина – к людям воззвал:
 "Братья, слагайте – последние жертвы.

Мы позабыли, как брезжит лазурь.
 Бьюги не меряя – стуж полумерой,
 Мы повидали три тысячи бурь,
 Сны наши – дети три тысячи первой.

В Божьего гнева на нас времена,
 Плащ разметнув – ото рва и до грота,
 В Край наш придя, позабыла Зима,
 Что для неё – есть и время ухода.

Напоминанием – каждый из нас
В жертву, на Камень – ни много, ни мало,
Сердце скрепя, то пусть нынче отдаст,
Что его жизнь – на земле озаряло".

Слёзы давно уж иссякли в глазах
Жителей Края того, и всего лишь –
Кратко в обветренных губ уголках
Дрогнула горечь, которой – не скроешь.

Чтоб безнадежности миг отдалить,
Миг замиранья бесцветного крови,
С жертвой последнею – люди пришли
К стылому Камню, слов лишних – не молвив.

Хоть позабылась – их плеч прямота,
Лик уподобился – маске бескровной,
Что-то великое – было тогда
В непобеждённой решимости строгой.

Девушка – бросила молча в огонь
Розу сухую, что пальцы сорвали
Друга, погибшего этой Зимой,
В дни их счастливых прогулок. И сняли

Вдовы – венчальные кольца. Меж них
Робко пройдя, встретив взглядов их жалость,
Бросило в пламя – Дитя тот ночник,
Спать без какого – в метели – боялось.

Из медальонов – пряди кудрей,
Письма, в которых – "скучаю" писали,
Травы "от сердца", портреты друзей –
Падали в жертвенный круг и сгорали.

Старая женщина – те отдала
Свечи церковные, что сберегала
К свадьбе единственной внучки (она
В день тот – в последнем бреду угасала).

Солнце – спало. Пастор – людям сказал:
– "Не расставайтесь – с надежде доверьем!

Да, мы дрожим. Но ведь трепета шквал
Входит в сердца – и пред чуда свершеньем".

Жертвуй то, что вселяло – покой,
То отдавая, что сердцу – отрада,
Бросил он в пламя тот шнур золотой,
Что побуждал – к звону колокол Храма.

И, чтоб о горечи жертв не сыграть,
В пламя – свирель свою Вэрис метнула.
Люди – желали её удержать,
Только – на Ярета Вэрис взглянула,

И – он кивнул со слезами в глазах.
Но, как слова о доверье надежде,
Жертвы сгорели – и лёд на камнях
Вновь засверкал. Всё осталось как прежде.

В помнящей песню души тишине –
Вэрис, смотрящую в серое небо,
Вьюга – в свой кутала плед у камней,
Как – мать дитя, что поранилось крепко.

9. (Ночь)

Ночью безлунной – в Храме пустом,
Словно две статуи – в мраморной нише,
Меж – двух каминов за Алтарём,
Вкус – и холодной золы позабывших,

Двое не спали, глядя во мрак
И друг на друга – поочерёдно.
Замысел рос – в их усталых сердцах.
Те – и стучали, казалось, *безмолвно*,

Губы и брови не дрогнули, но
Как два звена – неразрывного круга,
Двое в пустыне ночи ледяной
Знали без слов о решение друг друга,

И от сомнения были чисты.
Туго затянуто плёнкой студёной,

Время – дрожало от полноты
Чашы судьбы, к осушенью готовой.

И утешенья – никто не искал
В сладостном том, что могло быть и было.
Бледной руки – не искала рука,
Счастья последнего – не попросила.

Сделалась двух тонких лиц красота
Призрачной мысли – о ясности неба.
Не было видно во тьме – ни креста
И ни крыла – на краю барельефа.

Только дыхания пар – достигал
Клинышков льда, арок своды покрывших,
И – каплю вдруг – этот ряд разбивал
О пустоту в их намоленных нишах.

Только ресниц полувскрик в серебре
И – тишина: ни признанья... ни звука...
Только в холодных каминов нутре
Глухо шумела вечная вьюга.

10. (Ярет и Вэрис)

Утром, дрожащим в сквозной синеве,
Руки впервые – прилюдно смыкая,
Вэрис и Ярет – вышли к толпе,
Хмуро глядящей – на холодность Камня.

Ветер – трепал их одежду белизну,
Ангельский дух – в каждом теплился шаге,
И вопросительно в очи взглянул
Им – кто почувствовал мощь их отваги.

Тем, кто пред жертвенным кругом стоял,
Ярет сказал: "Для *растопки* – частица
Света нужна вам? Подруга моя,
Что – в моих венах свечение струится,

Мне говорит. *Моё Солнце, мой Свет* –
Я – её звал, и она – называла

Часто меня. Кровь – согдится для жертв?
Камню, чтоб Солнца – впредь не скрывал он,

В жертву – мы жизни свои принесём.
Чтоб ни ждало нас – в посмертном тумане,
Будем мы счастливы в мире любом,
Если сиянье – останется с вами,

Если Весна – будет вечно жива.
Дайте нам нож – и встречайте восходы!"
Принял Старейшина эти слова
С горькой улыбкой: "Вы – благородны,

Но – приглядитесь получше: свежа
Крови на Камне – печать. Ночью этой
Жизнь отдала здесь – святая душа,
Но, как вчера, ни тепла и ни света...

Мирно умрём: нашей нету вины
(Ибо ценнейшее – мы не скрывали)
В том, что вовеки – не будет Весны
В этом Краю. Что могли мы – то дали

Камню, что ждёт – подношенья от нас,
Чтобы согреть – наши долы и выси.
Что мы предложим, если нужна
Жертва – значительней собственной жизни?!"

У отражения льда в синеве
Взглядом – спросив "что ещё – потеряем?..",
Скорбно склонившие головы, все
Люди – сказали в ответ: "Мы – не знаем".

И, лишь руками – все развели,
Ярет – шагнул к ненасытному Камню.
Бледный, как марево снежной пыли,
Хрипло – в тиши произнёс он: "Я – знаю".

11. (Жертва Ярета)

– "Знаю, какие – нас с вами спасут
Силы Души. Жар от нас – лишь в минуте.

*Пения дар – в жертву я принесу,
Он непременно – Солнце пробудит,*

*Ибо ему – суждено озарять
Жизнь не мою лишь одну, но и вашу.
Чтобы мой голос – Камню отдать,
Выпью до дна – эту снежную чашу".*

*Кубок оплавленный – он из углей
Взял – и набрал в него снега до края.
Проблески Солнца – на стуже камней
В этот момент – заиграли, мерцая.*

*Вмиг – ликование слились и испуг
В Вэрис глазах. Спешно к другу шагнула.
Кубок, наполненный снегом, из рук
Ярета – выхватив, прочь отметнула.*

*Иней тогда – взял пригоршней. – "Постой!
Если бы умер ты, следом, сам – знаешь,
Я умерла б. Но – что будет со мной,
Если – небесный свой дар потеряешь?!"*

*– "Вэрис, ты видела – проблески?!" – "Нет,
Солнце не вспыхнет – такую ценою.
Вот – моя жертва: твой голос – мой свет,
Он – озарил мою жизнь, и самую*

*Жизнью мне стал. Чтоб его красоту
Помнить, но впредь – не слышать вовеки,
Прочь – я из нашего Края уйду,
Только не думай – о чаше и снеге!"*

*И полыхнуло – ярче – в углях,
Стала Весна – ощутимей и ближе.
То, что ждало пробуждения в камнях,
Новую жертву – сочло *наивысшей*.*

*Стала с семьёй, от печали немой,
Вэрис прощаться, а Солнце – мерцало,
Вспышки ждало – у неё за спиной...
– "Ты не уйдёшь. Солнцу – этого мало, –*

Ярет сказал, и все знали – он лгал,
 Но возразить – в час чудес не решились. –
 В юности – часто в горах я блуждал,
 Уединенья ища. Часто – снились

Мне – те уступы, я помню пути,
 Что не наплют – ни обвал, ни лавину,
 И – Край для жизни сумею найти,
 Ты же – погибнешь, едва – свой покинув.

Если, чтоб Солнце в камнях пробудить,
 Нити единства двух душ разрывая,
 Нужно тебя – моей песни лишить,
 Что ж, сам уйду я – из нашего Края.

Помни, как Музыка, дар – чуда ждать –
 Выплеснув в нотах, что счастливо-слёзны,
 Не позволяла сердцам угасать,
 И за двоих – празднуй Вечные Вёсны".

12. (Жертва Вэрис)

Дрогнуло Солнце На Камне, вот-вот
 Вспыхнуло б, но – снова свет чуть колышет.
 Что же за жертвы – недостаёт?!
 Что – подношения Ярета выше?!

Вэрис – к воскресшим лучам подошла...
 – "Солнце, взгляни, что сегодня – теряю.
 Что ж, да сгорит моё счастье – дотла,
 В пламя – возможность его отпускаю.

Ярет, уход твой – не выше всех жертв.
Слушать твой голос – до смерти мечтая,
 Я вырываю мой внутренний свет
 С корнем из сердца, тебя *отпуская*.

Лишь это пламя, какому – в груди
 Больше – не место, разрыв – таинств наших,
 Сможет – заснеженный мир осветить
 И отогреть – безнадежно озябших.

Разве не странно: в детстве, когда
Тёплое эхо – все наши затеи
В высях ласкало, с тобой – имена
Те выбирали мы, что холоднее".

С горькой усмешкою – Ярет кивнул:
Так же, как в пламя – свирель провожая.
И – полыхнуло на Камне, Весну
С мига на миг – в мир прислать обещая.

Стала в темнейшем из зимних краёв
Каждая чёрточка – полной свеченья.
Поняли все: Жертва Света Певцов,
Час их разлук – час тепла возвращенья.

13. (Прощальная Песня)

На рубеже меж Зимой и Весной,
В путника шаге – от вьюги до тали:
"Дай нам услышать, Певец, голос твой
Перед прощанием", – люди сказали.

Звёздам Судьбы – не одним землякам –
Был этот голос чарующий слышен:
– "Дар драгоценным для сердца Краям –
Большее уюта – дражайшей из хижин".

Голос – был чувственным: алый цветок! –
На лепестки – он в пылу разрывался,
Но – тот оттенок, что властен и строг,
Вдруг – по ступеням его разливался.

– "То, что отдам я, того, чего жду, –
Часть, а иначе – бесправна награда.
Взгляда прекраснее на Красоту –
Жертва во имя – этого взгляда".

Голос – был нежен, как жажда тепла,
Но одержим – бунтарей тайниками,
И холодок от размаха крыла
Пересекал его гладь временами.

– "Тернии к чуду ведущих путей –
Лавра важнее как силы примета.
Краше напева о свете камней –
Жертва во имя – этого света".

Голос – был хрупок: тень – не скалы,
А утончённых ветвей колебаний,
Но о него – разбивались миры,
Чуждые миру – его обещаний.

– "Счастье "бессмертное" – длится миг
И обращается – болью сердечной.
Счастье, погибшее – ради других,
Образом ярким – останется вечно".

Голос – опутала сетью любовь,
Заворожила – каждую ноту,
Но – он был *волен* – волею той,
Жертва которой – сеет свободу.

Голос – был морем для чувств маяков
И маяком, направляющим – к цели.
И, разметённый – крылами ветров,
Песне откликнулся – *пепел свирели*.

14. (Уход Ярета)

Ярет – ступил на тропинку в седых
Грудах, и медными – те обернулись.
Он оглянулся – только на миг,
Чтоб убедиться, надёжно ль сомкнулись

Длани тепла над ознобом земель,
Чтобы увидеть: идёт всё как нужно.
Но – загудела немедленно тень:
"Вечная стужа... вечная стужа..."

Шаг он ускорила, прочь уходя,
И растворилась тьма без остатка.
Солнце – очнулось, *зевнув* – как дитя,
И потянулось свободно и сладко,

Не вспоминая, не требуя – жертв...
Люди, его – вновь снискавшие милость,
Остерегались – смотреть Барду вслед,
Чтобы возврат холодов не накликать.

Солнце На Камне – кивнуло ему
И отпустило с любовью, и смело –
Юным теплом обняло тишину
Ту, что с уходом его зазвенела.

Радость промчалась по взглядам людей,
Точно лавина из радуг. И только
Вэрис – упала у ярких камней
И зарыдала беззвучно и горько.

15. (Солнце На Камне)

"Жертва!" – сказали те облака,
Что надорвали душу о долы.
"Жертва!" – и дымка воскликнула та,
Что чешую – ссаднила о горы.

"Жертва!" – откликнулось нечто во льду,
Что, испытывая, так долго молчало.
"Жертва!" – шептанье омыло толпу,
И – обновило, и – приласкало.

Песней надежды протянутых рук –
Ангел заслушался, залюбовался,
И драгоценный целительный дух
Гулом высот над снегами промчался.

Скрылся ушедший – за горной грядой
(Каждый о нём – в те минуты молился),
Солнечный, бархатный, чуткий покой
На обессиленный Край опустил.

Радуги гребень в искринок цветах
Мягко прошёлся по птиц оперенью.
Почки набухли на бледных ветвях,
Травы пронзили вздохнувшую землю.

Стало светло – в разорённых домах,
И – те богатыми вновь показались.
Зазеленел виноград на плетнях,
Бабочки, луч рассекая, промчались...

Время, звенящее радостью, шло,
Но – нежный свет оставался безбрежен,
И утешало всё больше тепло
Тех, кто уже – не мечтал быть утешен.

Но – о прекраснейшем *голосе* грусть
В воздухе вешнего Края витала.
Всё с ней – прекраснее было. Тот путь,
Что Ненаглядный – выбрал когда-то,

В музыке Вэрис хотела воспеть,
Новую флейту – ей протянули...
Только поникали – руки, как плеть,
С губ – лишь бессильные вздохи спорхнули.

Нынче в тоске, не имеющей дна,
В горе, лишённом – Сил Ожиданья,
Дни своей жизни – проводит она,
Взгляд не сводя – с озарённого Камня.

Странник, согретый – горы, но здесь,
В долах, несущий – зимнюю смуту,
Ты не забыл – тех печальных чудес?
Знай же, и я – их вовек не забуду.

Я не забуду, как вы – предлагать
Жизнь за тепло – Камню, Светлые, смели.
Я не забуду, как *мог бы* звучать
Голос твой нежно – под песню свирели...

16. (Вечные Вёсны)

Я не забуду – тех зимних невзгод
И миновавшей бесследно угрозы.
Зимы – гостили в Краю том что год,
Но – были нежны, как Вечные Вёсны.

Больше от стужи – никто не страдал.
В день самый пасмурный – солнце скрывалось
В небе, но Камень – оно и тогда
Не покидало. Порой – обрывалась

Белая дымка с опасных вершин:
Настежь – лавины держащие длани!
Но и стремительных после лавин –
Не угасало – Солнце На Камне.

И не терялся никто – в пустоте:
Всё заполняли – лучи, где алели
Прежде – рубцы разорённых, и где
Не умирала – надежда свирели.

Было то в сказке – иль наяву,
Вере судить, только Вере, об этом
Веру спрошу: ту Веру одну,
Что отогрета – жертвенным светом.

Было то в сказке – иль наяву,
В старом альбоме иль на картине,
Только сияния новому сну
В том до сих пор всё противится мире.

Ангел-Избранник, дорога – бела!
Край мой – тебе – стал ступенью скитанья.
Я, тебя видя, опьянена
Этой легендой Солнца и Камня.

С нею – всех дум крепнет дивная связь,
Нет от картин её жертвенных спасу.
То холодея, то светом струясь,
Кровь повторяет за фразою фразу...

Не разделён – мир наш горной грядой,
Вечер за вечером – длится свиданье.
Но отчего – я завидую той,
Вечно смотрящей – в Солнце На Камне?..

3 – 9 октября 2006 г.,
13 апреля и 28 – 29 августа 2009 г.

Веточки Сирени

(по мотивам Балета "Спящая Красавица")

I. В конце реки (Колыбельная для Принца Дезире)

- Поспи... поспи...
- Я не умею спать. Нет, правда. Это не сон. Это как-то так, вокруг. Как будто не только во мне, а гораздо дальше...
- Наверное, это всё-таки сны.

Станислав Лем, "Солярис"

1. Роскошь (речи Принца Дезире)

Зазеркалия, роскошь, люби!
Избалованной будь и суровой!
Белым холодом, роскошь, кипи!
Распадайся парчой лиловой!

Стань цветами, что гложут дворцы,
Арфы вестью, всегда предвзятой,
Бирюзовьями лунной росы,
Подперевшей туман колоннадой.

Всё вокруг – затаённая спесь,
От изящного яда неволя,
Ибо в роскоши истинной есть
Неизменно – порока доля,

Пограничий невидимый шов
Меж подземной судьбой и воздушной.
Роскошь, медленный запах духов
Стережущей – змеёй жемчужной

Стань, я жажду твоих богатств,
Перелива кольца искушенья.
Каждый вечер цветущий – как час
Пред Эпохою Возрожденья!

Но – обрыв за порогом Дворца:
Я *заклят* его рваной раной.
Ну же, гостя, – во все глаза!
В этой роскоши мирротканой

Намечается новый свет
За известных лучей наклоном,
Проявляется мой силуэт –
Белоснежным хрупким драконом...

20 ("Спящая Красавица") и 23 октября 2006 г.

2. Его Охота

Как никому – вовеки не служили,
Служите все ему, кто свят и смел,
И не жалейте – ни алмазной пыли
Для луков дуг, ни серебра для стрел,

Ни для дороги – светлой позолоты,
Ни для мишени – тёмных янтарей.
Ценнее торжества его Охоты –
Лишь скрытый за рекой – любви трофей.

Кресту теней охотничьих – кивают
Серебряные лани – из плаща.
Как блёстки, многоточья отлетают
От драгоценной повести плаща.

Да будет сон – путём бесповоротным,
Сирёни мглой предложенным венком!
Два имени вдохнуть – рисунком нотным
В минувшего Беззвучия альбом!

Охотник – видит грёзы... сердцу – ново...
И в сказку вовлекает лёгкий стан,
С цветами берегов – вступая в стговор,
Его наряда глянцевого сафьян.

ночь 9 – 10 января 2007 г.

3. Колыбельная для Принца Дезире

Цветы – как сумерки.
Сребрена

Нет виденьям души – цены,
Если ты – наяву усыплён.
Час для яви и час на сны?!
Я не знаю таких времён!

Я не вижу беды твоей
В играх ветра в конце зимы.
"Глянут грозно лучи из лучей?
Глянет ласково тьма из тьмы?"

Не отражённый – в очах,
Не подчинивший – дол,
Над тобой – отцветает мрак...
Ты проснёшься – *а Свет – расцвёл...*

Перламутровых рос капель –
В прядях вывела вязь чудес...
В чистый пепел твоих очей
Проникает лиловый блеск...

Веют вздохи весенних богинь
Над тобою... О чувствах – смолчи...
Стан – на гроздь сирени откинь,
Проступившей в прозрачной ночи...

Не отражённый – в очах,
Не подчинивший – дол,
Над тобой – отцветает мрак...
Ты проснёшься – *а Свет – расцвёл...*

О покинутых днях не жалея,
Отвечая на призрачный зов;
Шелест тонущих в звёздах ветвей –
Это музыка *двух* голосов:

"Если сон – будет длиться века,
Я оставляю свой крест временной

И судьбу – на речных берегах,
И – в тех грёзах – останусь с тобой.

Не отражённый – в очах,
Не подчинивший – дол,
Над тобой – отвечает мрак...
Ты проснёшься – а Свет – расцвёл..."

13 декабря 2006 г.

4. Когда приснишься

Ах, почему ты не приходишь?
А может быть, я забываю сны?
Эугениус Матузавичус

Принцесса Аврора.

Когда приснишься мне (услышь: зову!),
Свои причуды – отпусти на волю:
Ты можешь дать мне новую судьбу
Иль поменяться душами со мною.

Я знаю, взгляд толпы – неутомим,
Он навсегда – в тебя до боли впился...
А потому – ты можешь быть незрим:
Я всё равно *пойму*, что ты приснился.

Боясь свои надежды обмануть,
Я плохо приготовилась к приёму,
Но ты, мой строгий гость, как дома будь,
Чтоб вновь и вновь затем – стремилась к дому.

Что будет всё – как *оба* мы хотим,
Не я – хочу, не поклянусь богами,
Но ты – играй по правилам своим,
Чтоб ту игру – сочла я поддавками.

Сожги всё то, чего – в слезах коснусь,
А что всего лучистей и дороже –
Возьми в реальность, чтоб, когда проснусь,
Мы помнили с тобой одно и то же.

И если ты узнал средь прочих тайн,
 Что вечность в наших грёзах – для мгновений,
 Будь добр, знака, виду не подай,
 Что этот сон мой о тебе – последний.

Как радостно, как *чисто* – в злом плену
 Освобожденье помнящая птица –
 За одой оду сочиняя сну,
 Я стану ждать, что Встреча – повторится.

И это ожиданье без вины
 За веру в чудо – так нас крепко свяжет,
 Что, слыша: "В снах – мы были влюблены", –
 Что это только сны, никто не скажет.

ночь 7 – 8 июня 2007 г.

5. Веточки Сирени

Говорит Фея Сирени.

Когда ответим – на беззвучный зов,
 Пошли нам, грусть, минующим ступени,
 На веки – слой лиловых лепестков,
 А на уста – прогорклый *сок сирени*.

Сирени той, которую – ничьи
 Не смяли руки, тяжкой, вставшей кущей;
 Как грива, взбитой – по бокам ладьи,
 К стужёным водопадам встреч плывущей;

Опустошённым правящей дворцом,
 Не искушённой бабочек прибытьем –
 Сирени, вечно пахнущей дождём,
 Служащей изумительным укрытьем...

Ранимый, жажду слёз перетерпи:
 Когда, сплетаясь, дрогнут полутени
 Забвёнья чащи, – к ранам-от-любви
 Мечта приложит веточки сирени.

Не палец указательный – к губам:
 "Молчи..." – а ветку ту, как перст господень.

Цветенья дух, цветенья бред, шагам
О следе агущий встречном, в сон – уводит

Без права обернуться, в высоте
Звезду – как возвращенья знак оставить.
...На заслонившей в душу вход плите –
В мир сновидений вечных – наша память,

Пересекая скорби океан
По тонкому лучу скупых "быть может",
Не лилию, не розу, не тюльпан –
Неблекнущей сирени ветвь положит.

15 октября 2006 г.

6. Звёздные Травы

Оттого, что спокойствию – тяжек небесный свод,
И опускается тот – на сирени остров,
Слышно, как с нежностью золотом полных волн
Травы шумят на негаданно близких звёздах.

До лучезарного луга – рукой подать,
До неразгаданной доли – колдуний славы,
И, принимая Возможного малую часть,
Полной пригоршней – беру эти звёздные травы!

Славная сеть (к путам – путы, петля – к петле)
Выйдет из них, и скажу на глубоком вдохе:
"Я уловила – всё лучшее на земле,
Чтобы оставить на Замков твоих пороге".

Если же этот "улов" – для тебя лишь прах,
Если ни мрамор, ни шёлк, ни вершина, ни пропасть,
Ангел Тоски, – не ценнее в твоих глазах,
Чем от тебя далёкой – души благосклонность,

На полночных ветрах – приворотный настой замешав,
Обнажённой рукой разведя – луга жгучую пряжу,
Я собрала бы для зелья – росу звёздных трав,
Чтобы Желанной – мог передать эту чашу.

А отражённой в туманной реки синеве,
Непримиримо-бесстрастной своей рукою
Жест отрицания сделать готовой Судьбе
Крепко связала бы кисти – звёздной травой.

...Ты не помнишь ни золота больше, ни роз крови:
Серебро и сапфир – на печали твоей палитре.
Спящего Царства завесы – шелка разними.
Слышно тебе, как и мне, всё отчётливей: в мире,

Оттого, что спокойствию – тяжёлый небесный свод,
И опускается тот – на сирени остров,
Дерзким подобьем – плащей твоих кротких волн –
Травы шумят на нежданно близких звёздах.

И когда бы Судьба свои путы – всё ж порвала
И разбила бы сердце твоё, как в надежды исходе,
Покидающей жизни – пурпурная смола
Не омрачила бы – сказки твоей мелодий.

Чтоб забылся, пока – не лягут на раны швы
И тяжёлое небо – снова не станет выше,
На *зачарованный сон* – нити звёздной травы
В светлые пряди твои – я вплела б. *Так усни же...*

Я не останусь в покоех – рядом с тобой,
Я не вернусь поглядеть, мои чары – крепкий ли:
В вёсны твои – я пришла из легенды иной,
Где побеждённая девушка – в горьком бессилье,

За – вечного скорбного Принца – чувствуя страх,
За последней волной – в отраженье своём быстротечном,
Прижимая к груди – ею собранный *ворох трав*.....
Какова глубина, Ангел Грусти, в потоке млечном?

17 и 18 декабря 2006 г.

7. В конце реки

I.

"Сон – настигнешь, ещё не поздно".
Лепестков, этих шелковых вздохов,

Унесённая холодом горстка
Замирает у водных порогов.

Я смотрю, как заклатье тлеет,
Как сияет сирень теченья...
И пришедшее чувство – медлит
У порога сердцебиенья...

23 и 25 декабря 2006 г.

II.

Все ангелы и демоны сирени!
Вся – чувства пожинающих страда!
Ждут лепестки потоков отражений,
Что ветер, безразличный к ним всегда,

Вдруг сложит их – лиловою упряжкой
Для лодки, рассекающей наплыв
Цветенья. Здесь – задумывался каждый
Хоть раз, к теченья грани подступив,

О песне для бегущих вод мелодий,
О тайне в волны бросивших венки,
О берегу другом, о верном броде...
Но редкий думал – о конце реки.

Давным-давно – в той стороне безлюдно,
Лишь синь цветов и дымки бирюза;
Ни голоса, ни шороха – оттуда,
Ни отблеска свечей в окне Дворца,

Лишь весть: там – ни приметы увяданья,
Где сон – всех истин жизни божество.
...Но есть вдали – и ровное дыханье,
Что вечно ждёт – волненья своего.

О том напоминанья – не запретны,
Пока весь мир окутан – чар весной...
Как *Гость*, не Странник – я – смотрю сквозь стены
Трепещущей сирени над водой.

Плеск волн – в час жара мысли неотступной
 Две нежные ладони на виски.
 Я видел – всплеск иллюзии минутной...
 Но так ли светел – и Конец Реки?

К нему – прочерчен путь лиловой нитью:
 Теплеющий от мига к мигу дух –
 К теплеющим устам!.. Я зябну, видя,
 Что отраженья – *совершают круг*,

Что лодка не летит – *парит*, как птица,
 Над глубиной, стянувшей – волн витки
 В сеть, замерев, и хмель – не обратится
 В предсказанный мне рай – в конце реки...

Но есть и слаще, и сильней тревога.
 Когда спадёт заклатье с кущей тех,
 Лишь *миг* – промедлит чувство у порога
 Сердцебиенья, но – тот миг за век.

Я вспомню с верой мой отказ бороться,
 Что дальние – близки, что ветер – благ
 Попутный... Сердце, верно, так сожмётся
 От *мига* стуж в очнувшейся глазах,

Как будто – изумлённым, ослеплённым –
 Я вновь стою, как на краю тоски,
 На берегу, цветов дыханьем полным,
 Ещё не зная, что – в конце реки...

23 декабря 2006 г.

8. Умиравший Принц

Смерть того, кто отправился на поиски мечты,
 означает, что цель достигнута.
услышанное

У уо тмиго, porque по тмиго.
 И я умираю, потому что я не умираю.
св. Тереза Авильская

По лилии раздайте – всем покоем:
 Дворец – венок над мраморной плитой...

Принц – утасает, он – смертельно болен
Своей святой несбыточной мечтой.

В такую пору – в сердце всё иначе.
Кто видел Принца взор – и без труда
Ответил, очи – грезят или плачут,
Не знал ни слёз, ни грёзы никогда.

Принц, не прошедший явью испытанья!
Тень. Тот, кого спасать – Творец устал.
Приговорённый, Божество Страданья,
Чей бархат – бел, но свет на белом – ал.

Его черты – кромсает нетерпенье
Найти вдали – Искомое – иль впредь
Не верить играм бликов восхищенья
С ним в час один – готовых умереть.

Вражды своей не помнящие долгой,
В обмен на миг – не обещаая дней,
Гранят алмаз агонии любовной
Тепло и холод – в пропастях очей...

И ярче бриллианта – взор сверкает...
Прозрачнее хрустального костра...
Принц думает о том, что покидает,
Но видит то, к чему – душе *пора*.

И реквием цветов над ним – прекрасен,
И разве могут – смертные слепцы,
Лаская перламутровые пряди,
Снять *нежного отчаянья* венцы,

А со щеки – следы стереть удара,
Как шрам дуэли памятной – с груди:
Ушедшего, его – ещё недавно
Рассчитывали в чувство привести!

(То, что другие – называют "чувство",
Ему, чьи правды – *высшему* хвала,
Так чуждо нынче, до ожога чуждо,
Что обернётся – и сгорит дотла.)

Ослаблены уста – улыбкой бледной:
 Дыханью – уж не нужно вееров.
 И в глянцевой испарине предсмертной –
 Он будто брат бессмертного Пьерро.

Заледеневших слёз – вопли осколки
 Под ветви жил. И с возгласом "любим!" –
 Жемчужница – над ним сомкнула створки,
 Как над светлейшим кладом всех Глубин.

На память – локон, кружевцо и лента...
 Над Замком слышен – колокольный звон...
 И пусть расскажут Лирики, что это
 Всего лишь сон. Великий, лучший – Сон.

13 мая и 26 декабря 2007 г.

9. * * * *

Поровну Мёда и Хрустала. Не понять, кристаллики хрустала в меду – или медовые звёзды в хрустальном многограннике, и в этой Неразгадке – столько вечной Красоты...

9 января 2007 г.

10. * * * *

Его речи

К чему вам ветер, души? Разметать
 Эмоций ветви? Прочь – тугая лента
 Покоя! Вот – задумчивость и страсть
 Взамен: мои ладони – легче ветра.

В наследниках – дар Тонкости луна
 Особый ищет, без – мирского пепла?
 Я – лилия из мрамора и льна,
 Мой кроткий лик – навек нежнее ветра.

Чтоб весть домчать до высших берегов
 О дне, когда сбывается легенда,
 Слова – на ветер? Больше – пылких слов!
 Мой северный полёт – свободней ветра.

Есть час: так горек ветер, чист и тих,
Что вдох – и буря отклика мгновенна.
Я – правлю временами слёз людских,
И эта власть моя – сильнее ветра.

Миг счастья – порождает дух торжеств
И снова – губит, а Печаль – бессмертна.
Вы, *дали от небес и до небес*,
К чему вам – ветер? Я – прекрасней ветра.

24 декабря 2006 г.

11. Я ревную тебя к воздуху

...И в каждый взгляд – вложил порывов ритм
Жар, заточённый в собственной чрезмерности,
И в каждом – я прочла, что ты – любим.
Дай мне прибавить – и строку о ревности.

В миру – звеном сменяет цепь звено.
"Родство", "Единство", – высших тайн бессонница!
Днём позже – имя назовёшь одно,
И вот уже другое – с ним не вспомнится.

Объятый чистотою ледяной
И лёгкость посвятивший – снегу первому,
Ты – облик отразить позволишь свой
Ноябрьскому ветру предрассветному.

Все сходства – призови иль отпусти,
Твой образ, как дитя, поверив взрослому, –
Век будет – только с воздухом един.
И я тебя ревную – только к воздуху.

В миру – любые тропы вгору – дым,
В путях к другим – не Завтра: миновавшее.
Путь важен, что ведёт – к себе самим;
Всего любимей – той дорогой ставшее.

"Вот море счастья: клад – со дна возьмёшь".
"Вот слёз моря: в Свет по воде – как посуху".

Но ты к себе – по воздуху придёшь.
И я тебя ревную – только к воздуху.

В миру, бескрайней эстафете жажд,
Где вечное – не дольше, чем мгновенное,
Всё то, что взято, всё, что сам – отдашь,
Для всполоха пристрастия лишь и ценное –

И стоящее сказочных богатств,
Добытое иль чудом, иль старанием –
Всё – неизбежно пресыщает нас.
Пресытиться нельзя – одним дыханием.

Стократно руку – выпустит рука,
Но, как жгуту в груди противясь жёсткому,
Вдох – будет рваться к воздуха глоткам.
И я тебя ревную – только к воздуху.

Таких, как ты, не так ревнуют, нет:
До двух кровей, до вскрика, до агонии,
Иллюзий битв – и *тишестности* их жертв.
Ты примешь от сердец – все страсти, молнии

Создавшие – со света всех сторон,
Подобные – клинку под рёбра остроуму.
Тогда... О, как ты будешь умилен
Печалью ревновавшей – только к воздуху!

5 и 6 января 2007 г.

II. Феи Спящего Царства

Такое маленькое царство
Так много поглотило сна.
Осип Мандельштам

1. Феи Спящего Царства

На майскую историю одну –
Закрой глаза с мечтательной улыбкой.
Задумчивое солнце – тишину
Цветочною щекочет паутинкой,

Все – вышли в старый парк, дворцы пусты,
Ещё принцесс – не повстречали принцы,
А в честь их – распускаются цветы
На ветви в небе вспыхнувшей зарницы,

И, мягче поцелуев, тоньше льнов,
Послушно принимая кубок полный,
Из чаш неупиваемых цветов –
Безветрие напитков цедит сонный.

Не вскрикнет стая птиц, дождь – не прольёт,
Не хлопнут ставни, вспыхнув хрусталами:
Весенним разморённый, мир уснёт,
Горячими укачанный лучами.

К бескрайнему мгновению тому,
Подёрнутые облаком сирени,
Полупрозрачны – в солнечном дыму,
Уже ведут – зелёные ступени...

О смутного людского естества
Беде и благе – по лазурным нишам
Беззвучно раскалённая листва
Нашёптывает сказки – их забывшим.

И столько простоты... и столько снов...
А в глубине душистого межмирья,
Меж белых и лиловых лепестков, –
Поблёскивают маленькие крылья.

22 и 30 мая 2007 г.

2. Фея Нежности

Дышите тоньше, с ласковой тоской...
Дух сладкий – от пушинки и от камня:
Всё то, к чему притронусь, за собой
Оставит лёгкий шлейф благоуханья.

Я – *Нежность*, неземная светотень,
Любимая раба – благоговенью.

Я – луч, но я и ласковая сень
В конце путей, усыпанных сиренью.

Я – августа, чьё бремя – звездопад,
Печаль об угасании созвездий,
Озябшего улыбка – слову "март",
Тюльпанов чистота и тонкость фрезий.

Сгорающим – из пуха веера...
Тому, кто скован кротостью, – подсказки...
Для раны между Завтра и Вчера –
Из листьев подорожника повязки...

Где бродят слухи и кипит молва –
Я не возникну, вдоволь уж – распятий!
Я – в доме, где рассеянно со лба
Откинут *зацелованные пряди*.

Кому палач – тому и щедрый Бог,
Я отворяю в белый сон ворота.
На кукольном лице – от детских щёк
Печати – мной любимый знак почёта.

Когда, моей настигнуты волной,
Поймёте, как прекрасны вы, как вечны,
Не головы с почтеньем предо мной
Склоните – *зацелованные плечи*.

О, как в миру сжимаются сердца,
Летят из окон – светлые сквозенья,
Когда мои огромные глаза
Лучатся мягким светом утешенья...

Тот верить ни потерям, ни дарам
Не мог без слёз, кто слышал хоть однажды,
Как, названная Чуткости сестра,
Прошу совета – у неё, у Старшей...

О да, когда порыв – так прост и свят,
А речи о смущеньях – безголосы,
Моё великолепье отразят
Сполна – лишь *зацелованные слёзы*.

Я мягко расплетаю каждый нерв,
Дрожащий от узлов неотболевших...
К беспомощно забывшим обо мне –
Я приставляю слуг моих вернейших...

И, жизни полнотой утомлена,
Пересмотрев щедрот своих условия,
Я выбираю местом полусна
Шиповником заросшие надгробья.

Тогда, упав над мраморной плитой –
Под ангельскою лаской горше муки,
Момент безволя перед чистотой –
Поймут лишь *зацелованные руки*.

Тогда, чтоб тост поднять – за мой закон,
Подам вам чашу – и за край прольётся;
Но что зовёте *птичьим молоком* –
Не фениксов ли кровь, вспоивших солнца?

До дна! До дна! Глотками – к моему
Кольцу на дне! Виденье приурочив
К находке той, всем – на мечту одну
Пригрежусь, но увидят наяву
Меня – лишь *зацелованные очи...*

14 и 20 мая 2007 г.

3. Фея Резвости

Вперёд, на свет! в полёт, на свет!
Успеть до склона дня!
Я – *Резвость*, бег дневных комет,
Бег искр от огня,

Мгновений бег, и ни одно –
Спешащих вслед не ждёт.
Заранье, твёрдо – решено:
В полёт – в полёт – в полёт!

Где власть юна и тень цветна,
Рассыпался мой след,

Как будто бисера волна
Плеснула о паркет!

Я здесь – я там, иглы сквозь шёлк
Дороги прямота,
Всему, что ярко и свежо,
Стремительное "да!"

Взметнулся луч... метнулся блик...
Недолго даль – вдали:
Все горизонты (пусть – на миг!) –
Мои – мои – мои!

В глазах того, кто под дождём
Смеётся и поёт,
Лукаво-детским огоньком
Моё крыло мелькнёт.

И скажет вихрь мне: вселись
В туч-скакунов табун,
Ворвись в безудержную кисть
На перепутье струн,

В румяных лоскутов пробор,
Трепещущий в костре,
В дитя, бегущее во двор,
Где слышно – "кто в игре?!",

В струенье али по броне,
В ветра, что треплют плащ,
Тот зайчик солнечный в окне,
Что дерзок и горяч.

Где быстрый шмель звенеть устал,
Под валуном – вода?
Чтоб воздух пел и ключ журчал,
Туда – туда – туда!

Чтоб миновать шутя предел,
Вперёд – вперёд – вперёд!
Мир, пустоту разящих стрел
Ты ищешь? Вот я, вот!

Рывок! – и в сердца естество,
 Что, не сочтя богатств,
 Вдыхает спешно – жар всего,
 Что можно взять – *сейчас!*

Тогда... о нет, не в суете
 Лови – звук эха, лишь
 Замри, прислушайся к себе,
 И ясно различишь,

Как требует, пронзив покой:
 "Найди!" – "возьми!" – "живи!" –
 Моё присутствие в любой
 Из капелек крови.

20 и 24 мая 2007 г.

4. Фея Щедрости

Можно отдавать без любви,
 но нельзя любить и не отдавать.
Некто

Всё *сполна*, и ни слова – о доле!
 Всё – потоком, ни блага – ручьём!
 Вверьте мне что угодно – и вскоре
 Тех найду, кто мечтает о том!

Я – всегда Абсолют, неизменность
 Входа вольного – в двери Казны:
 Я – границам дерзившая *Щедрость*,
 И мой дар – не имеет цены.

Беспредельность дороги измерив
 Той бесценностью, я – никогда
 Не узнаю ни чувства потери,
 Ни того, какова – Пустота.

Вам вовеки – не счесть мои знаки.
 Там, где я – раскрываю ларцы,
 Не щебечут наивные птахи,
 Но от зависти воют скупцы,

Стонут руки воров – от бессилья.
...Как мне чужда – горсти пустота!
Где взмахнут мои тонкие крылья –
Превращается в роскошь нужда,

Благодарность – плетёт свои вязи,
Закрепляет – свои узелки...
Только там – начинается *Праздник*,
Где запляшут мои огоньки.

Это я – шанс дающая: "Снова!..
Направлявшая в сѣти – улов...
Вдохновенье прилива морского...
Добрый дух урожая садов...

Я – людей представленье о рае,
Озаренье счастливое лиц...
Я кормлю белым золотом стаи,
Голубей – превращая в жар-птиц...

В час, когда Обладанья лавины
Заклубились – и стало *светлей*,
Это я – приумножила силы
Всех добро расточающих фей.

Подходите: что дам – не истлеет;
Но сперва, мои дети, сперва,
Чтобы сделалось сердце – взрослее,
Я его испытаю сама.

Вы – моих появлений неслышных
Отразите невольно следы...
Я люблю о себе позабывших
Подводить к зеркалам Красоты...

Превращаются в горы – крупницы...
Разгораются звёзды в руках...
И в мой Замок входящие в ситце –
Мой порог покидают в шелках...

Сплет чувство тепла ожидания
На развилках моих смоковниц...

А у тех, кто мне слёзы подарит,
Позолота по краю ресниц.

С чувством равенства дальних и ближних –
Не дающим ни воли, ни сна,
Для однажды мне миг уступивших –
Наступают *мои Времена*.

22 и 23 мая 2007 г.

5. Фея Смелости

Дитя – возьмёт с камней змею.
Зимой – в снегу взойдёт росток.
Я – *Смелость*; дайте мне порог –
И я переступлю.

В мир, где стерпеть невоготу –
Что дар несёт седин,
Не ступит шагу ни один,
Но я – *весь путь* пройду.

Где уж подумали: всё – зря,
Где силе воли, что больна,
Целебность искорки нужна,
Там первой – буду я.

И, спутав имена в бреду,
Кого люблю – я погублю,
Но мудрость-спорица – мою
Признает правоту.

И то – не странно: тени зла
И слабости казня,
В моих решениях – я ни дня
Наивной не была.

И с тем, что ослепит мой взор
Стеною огневой,
О том, *что станет* со мной,
Короткий разговор.

Ко мне – тебя ведёт не след,
Рубиновый ручей:
Я глажу раненных зверей –
Вослед когтей их жертв,

Всё отдавая – дням войны,
Где невозможность мира – зной,
Лечу сквозь пьющий кровь огонь
В миры, где нет воды.

И знание: мне – агала Мечта,
Меня не сделало слабей,
Ведь всё не сказанное ей –
Шептала мне Беда.

Со мной как юноша – старик.
Со мной – любой опасен торг.
Я – выявляю, кто есть кто.
Смотри же, друг, смотри,

Когда промолвят "никогда",
Когда – гроза, когда – стрела,
Когда туман по зеркалам
И в гору так стезя крута,

Не ждущий правды от Мечты,
Прилива счастья от беды,
Огня и дыма – от воды
И мира на войне,
Не позволяй погибнуть мне:
Умру – умрёшь и ты.

30 мая 2007 г.

6. Фея Беззаботности

Забудьте шторма близкого примету:
Мне имя – *Беззаботность*, и пока
Я улыбаюсь солнечному свету,
Для ливня – не стугнутся облака.

Что бурей – Завтра видящих терзает,
Является мне в лёгком ветерке:
Я *знаю*, что вовеки – не завянет
Мной сорванный цветок – в моей руке.

Я знаю: что предстанет в чёрном свете
Моим глазам, то *переменит цвет*.
Что́ о закате речь, что́ о рассвете! –
Мой Замок – это мир, где ночи – нет.

Не верю, что в лугах полыни – горько,
Что тёмная завеса – не бела;
Чтоб отворить дорогу мне, довольно
Летающей первой – бабочки крыла.

На каждый омут – по одной придётся
Моей улыбке: заморожен дном,
В загадочную пропасть – тот сорвётся
Скорее, кто *тревожится* о том.

Сквозь облачко в пылице и перламутре –
Я с детства всех Рассказчиков времён
Не различаю праздники и будни,
Но будто бы смотрю чудесный сон.

В пургу тепло мне и в жару прохладно...
Доверья цветники – в моей груди...
И мне – так ваше "позже" непонятно,
Как молнии неясно – "подожди!".

О, сколько волшебства – и сколько неба!
А тонкой грусти нотки в новизне –
Лишь перемена врёменная темпа
Тень не падающей Музыки во мне;

Водовороты вех – лишь карусели
Для дерзкого беспечного витка.
Всё – лёгкость чувств, подмена счастьем – цели,
Прозрачная, как чистая река.

Что сети мне! – мои шаги проворны,
А сила крыльев – радужно-светла.

Так что же, коль на плечи лягут горы!
Не так уж эта ноша тяжела.

15 и 24 мая 2007 г.

7. Фея Карабосс

Хоть за смерть мою прочат полцарства,
За моею спиною – века.
Я – бессмертная Сила Коварства,
Искра льдинки – на пыл уголька.

Каждый грех на земле – мой наследник,
Беды – слуги моей красоты.
Цвета вызревшей тучи бессмертник
Сквозь мои прорастает следы.

Крепко тайные ходы заприте
И утroyте ограды витьё,
В каждом списке гостей – зачеркните
Вас страшашее имя моё,

Но, пронзая – пол каменный тростью,
Словно сердце Защиты – мертво,
Я приду к вам нежданной гостьей –
И присвою себе торжество.

А придя, обернусь не грозою,
Не блуждающих виром огней,
Не безликой горбатой чумою,
Но одною из сказочных фей.

Не чащобные ветви о роке
Запоют вам – парча и шелка.
Слом возникнет на каждой колонне,
Потемнеют в окне облака,

И в руке – станет кубок тяжёлым...
Как вскипает смятение, так
Бьются змеи расшитых подолов
Зачарованной музыке в такт!

Тень моя – с вашим блеском играет.
 Мои зелья – букетов роса.
 На прозрачную грань – оседает
 Ночи вечноцветущей пыльца,

Холодок – пробегает по жилам,
 Странно стонет очаг: пенье птиц
 Вам в минуты чудесные мило,
 Мне же – ветра каминного свист...

Вот мой вечер! Прищуренный, жгучий
 Взгляд мой, схожий с терновым шипом,
 Заслонившая мыши летучей
 Твёрдым, кожистым, чёрным крылом,

Я стою пред огнём в вашем взоре,
 Пред открытостью ваших сердец.
 Это я – подарила Пандоре
 Злую славу снискавший ларец,

Омут – рекам, затмение – солнцу,
 И над спящим стоящему – нож...
 Дар зловеший – и нынче найдётся!
 Жизнь людская, чего же ты ждёшь?

Обо мне – не поверив ни слуху,
 С любопытством, что правит детьми,
 Протяни свою белую руку
 И наивно – свой жребий прими...

13 ("Спящая Красавица") и 14 мая 2007 г.

8. Фея Сирени*

Опрозрачила ткань паутинная
 Твой призывно-откинутый стан.
Лев Мей

Не нужно слов, я знаю, чем живёшь ты...
 Поверив: сломы (бездна иль черта)

* – В первом варианте цикла – вместо этого стихотворения было стихотворение "Веточки Сирени". – Т. С.

Развилок жизни – искупить возможно
Сиренью, что, как дух Любви, чиста,

Ты учишься, осыпан лепестками,
Что не остудят пыл – своей росой,
Звать бахрому цветенья – лоскутками
Живых сердец, растерзанных Весной.

Что тень твоя – из веточек сирени,
Ты видишь? Где сирень – там волшебство.
Создания леса и речные феи –
Склоняются у шлейфа моего.

Те бабочки с крылами в перламутре,
Что никогда – не пустятся в полёт,
Цветы земли – из ветра и лазури
Рождаются, сирень же – восстаёт

Из пепла, как самой души сиянье,
В просвет мечты поверившей едва:
Она – стирает смерти обещанье.
Послушай... *колыбельное* дыхание
Ветвей – о берег плещет торжества...

Когда в цветенья кучи отступаешь
И, в бегстве от наскучившей игры,
В тени сирени – веки опускаешь,
То снятся – высшей зоркости дары,

Видна судьба – в речном водовороте,
И пуще жизни – тайна дорога,
В какие Замки спящие приводит –
Мне близких отразившая река.

Колени *побеждённо* преклоняешь
Напрасно у изменчивой волны:
Ты наяву – тот Образ повстречаешь,
Я лишь затем – *развеиваю* сны.

Дыши: по сути, гроздь – это соты;
Пей этот мёд по капле, по звезде...
Что веточки сирени – приворотны
И душу очищают, знают все...

Возможно, эти памятные чары –
Ещё спадут, как лёгкая роса...
Когда иссякнут майские нектары
На берегах за окнами Дворца,

Там, в сказке уж не юношеской – взрослой,
Царя устало в *сбывшейся* стране,
Смотря, как тонет высь в *лиловых звёздах*,
Ты вздох обронишь – о моей Весне.

17 сентября 2007 г. и 3 апреля 2008 г.

III. Баллада о Младшем Рыцаре*

Ночь не желая – повстречать в лесном
Студёном царстве, сумрачном – от века,
Три Рыцаря – в плющом увитый дом
Лесничего вошли: просить ночлега.

Сказал Хозяин: "В хижине моей –
Ночует Горе. Ежели соседа
Такого дух – не устрашит гостей,
Останьтесь. Но, прошу вас, до рассвета

В молитвенной пребудем тишине;
Здесь, на краю дорог, царит – Утрата.
То не свеча для путников – в окне
Горела: поминальная лампада.

Останьтесь, но – почтение храня
Ко Власти, жизнь вдохнувшей и унесшей".

* – В этой балладе обыгран сюжет баллады Василия Жуковского "Три Путника": на этом стихотворении остановился мой взгляд, когда я выборочно перечитывала Жуковского вечером после "Спящей Красавицы", и я сразу подумала о его сходстве с той сценой Спектакля, где Кавалеры уснувшей зачарованным сном Принцессы Авроры думают, что она умерла... Мне всегда было интересно наблюдать *разницу в реакциях* на эту смерть, и герои "Баллады о Младшем Рыцаре" повторяют три эмоциональных подхода к этому эпизоду, памятную игру трёх Артистов... – Т. С.

С тем – в очаге прибавил он огня,
И в горнице – увидели умершей

Лесничего единственную дочь.
Нежны, её черты – не потускнели:
Ни тонкий лик, ни прядей светлых дождь
На выстланной бессмертником постели;

Уста манили – с белых лепестков
Последних стуж – вдохнуть исчезновенье...
Её окутал бережно покров
Небытия – и савана свеченье...

При ней, в лучах атласно-ледяных,
Сложив крыла – в лазурное надгробье,
Лицом и сердцем горним – свят и тих,
Стоял печальный Ангел в изголовье.

На ту, чьи в полумгле берёт он сны,
Смотрели гости с горькой немотою –
И были Красотой поражены,
Жестоко разминувшейся с Судьбою,

Все трое. Первый Рыцарь – подошёл
К одру; досадой – губы запылали;
Он с ненавистью к смерти – брови свёл,
И скорбным гневом очи засверкали,

Но к битве с тьмою сила – не прошла
По жилам рук, беспомощно раскрытых.
И содрогнулись Ангела крыла,
И произнёс он: "В страсти душ зенитах,

Зажжённые внезапною тоской,
Есть молнии, что пышут многоцветно
И сердце – обжигают глубоко,
Но отгорают скоро и бесследно".

Другой же Рыцарь – замер, совладать
Не властный – с помутившимся дыханьем;
На смерть, не смея взгляда оторвать,
Смотрел он, ослеплённый состраданьем,

Во всполохах которого – светла
Душа, как дали кромка – при восходах...
И приоткрылись Ангела крыла,
И он – сказал: "Есть в чуткости высотах –

Зарницы горя, долгие, как сон
О сне; те – блеск помалу убавляют,
Но и на дымкой скрытый небосклон
Воспоминаний отблески бросают..."

А младший Рыцарь – с болью отступил
От ложа; с ликом – без оттенка крови,
Пред мёртвой – он колени преклонил
И к сердцу своему – поднёс ладони.

Цветком прощальным – тень его легла
При золотого савана потоках...
И распахнулись Ангела крыла,
И он – шепнул: "На рока душ просторах

Есть муки чистой – ясные ручьи,
Что жизнь – с собой уносят против воли...
Есть в небе грусти ласковой – лучи,
Что, сердце осветив, не меркнут боле".

...Беззвёздная – в молитвах ночь прошла,
И, дань сложив печали, на рассвете
Дом, где столь ярко – гибель расцвела,
Покинули два Рыцаря. А третий...

Возможно, если нить я отпущу,
Что яви – служит знаком путеводным,
Я крылья из лазури получу,
Подобные – на вечный век простёртым

Над ним, в запретной чащи глубине
С душою зачарованной и верной
Склонившимся в зачатом полусне
Пред Красотой, и в гибели – нетленной...

Тогда, пройдя дорогой Трёх Гостей,
Хранителю, что в тайне – держит цену

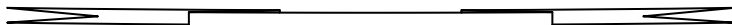
Бессмертья любования лучей,
В Балладе этой – я – приду на смену.

С огнём в горсти – меня перед крыльцом
Сам повстречает двери отпиривший.
С улыбкой горькой – он проводит в дом,
Где преклонил колени – Рыцарь младший.

И пусть над тем, как в безднах суждено,
Над кротостью в тумане беспробудном,
Над совершенством Юности его,
Над бледности и грусти перламутром,

Над пепла чистотой в его очах –
Исходами двумя – Души бессилья,
Теплом – в студёных Времени лесах –
Горят – мои лазоревые крылья.

14 декабря 2006 г.

Четыре Грани Стужи

I. Песня о Ноябрьском Короле

Краем прошедшая каменных душ,
Осень, о злате забыв, миновала.
В зал, где Правитель ноябрьских стуж
Зимних Времён освящает Начала,

Чашу метелей – задумчиво пьёт,
В страхе – врывается вестник измены.
– Ваше Высочество, враг у ворот!
– Здесь – будет тот лишь, кто ходит *сквозь стены*.

Муры – могла б растопить теплота
Сердца захватчиков, пышет иль тлеет,
Но – всё напрасно: сердца изо льда
В тех, кто поспорить – со льдом моим смеет.

– Ваше Высочество, пала стена,
Рвы переполнены – талью свинцовой.
Морю подобно, врагов знамена
Плещут на площади нашей дворцовой.

– Не пострадает никто из моих
Подданных: если – в них стрелы вонзятся,
Брызнут осколки зеркал ледяных
И ослепят дерзновенных повстанцев.

– Ваше Высочество, светлый Король,
Край преисполнен о жертвах печалью:
Наших защитников брызнула кровь
Не остриями – всё тою же талью!

– Мука – пройдёт, коль Избранницы стан
Не преклонится – перед врагами.
Знаю, его – скроет белый буран
И оградит неприступно снегами.

– Ваше Высочество! бреши в снегах,
Вьюги укрытые – ручьями запело.

Та умерла у врагов на руках,
Что Вашим сердцем все годы владела.

– Проклятый вестник, довольно, молчи!
Пусть и угаснут метелей каскады,
Вьюга, заплакав, умрёт, но мечи
Бед – никогда не пронзят мои латы.

Эти доспехи – из каменных льдин:
Раны не будет – где нет и капли.
– Ваше Высочество, кровь на груди
Вашей, Вы ранены... Вы побледили...

Не прикрывайте же взгляда рукой:
Смежите веки – и жизнь оборвётся.
– Там, над Престолом моим, высоко
В бледных завесах, что это?.. – *Солнце.*

10 и 11 октября 2006 г.

II. Хозяин Холодов

(по мотивам русской народной сказки "Морозко")

Тонко-тревожен – воздух звенящий.
Месяца сломлен изгиб.
Та, что на гибель – брошена в чаще,
Слушает поступи скрип...

Из-за ветвей, серебрящихся ставен
Дома, что чужд бытию,
Зимнего Холода хмурый Хозяин
Смотрит на Гостью свою.

Ей ли поверить – в обман приговором?!
Жилы – узлом сплетены!
Но – красоте ли бессмертного взора
Молвить хоть слово вины?

– "Милая Гостя, все лучшие разом
Льдинки, что есть на земле,
Перстням твоим – заменяют алмазы.
Гостя, тепло ли тебе?"

– "Да, мне тепло. Ты так щедро овеял
Яркостью полночь – лесной:
Нету изящней, нету белее
Рук, занесённых – пургой".

– "Вместо мехов – ты одета в ознобы,
В зимней дрожишь ворожбе.
Гостья незваная тайной чащобы,
Гостья, тепло ли тебе?"

– "Ласкова – дрожь. Благодатной метелью
Плечи мои замело,
Мягкая хвоя – мне стала постелью.
Да, Господин, мне – тепло".

– "Иней – под складками тонкой одежи,
Древние тени вершин...
Гостья, желаешь согреться – так что же,
Я не перечу: спляши".

– "Нет, мне тепло. Ты не зол и не страшен,
Быть недовольной – грешно.
Пляс мой заменит – в сумрака пряже
Месяца веретено".

– "Скрытою мукой – стан твой лучится
В странной лесной синеве.
Сердце твоё – *не решается* биться.
Гостья, тепло ли тебе?"

– "Да, мне тепло. Ты не строг и не грозен,
Нету ни пут, ни цепей.
Треск под корой застывающих сосен –
Сердца биенья нежней".

– "Ты, ходом крови – теснящая стужу,
Силы теряя в борьбе,
С ними – вот-вот потеряешь и душу.
Гостья, тепло ли тебе?"

– "Да, мне тепло. Я тебя не забуду...
Нет, не покину – сама!

Мне – хорошо, и душа моя – всюду,
Где воцарилась – Зима".

Ходит Хозяин в пыли небосвода,
Блеска сужает круги.
– "Гостя моя, что за роскошь почёта –
Вместо укоров тоски!

Не затаив – ледяного дыханья,
Так, словно пытка – легка,
Гостя моя, ты прошла испытанья,
Кутайся крепче – в меха.

Дымки прозрачней в декабрьском небе
Лик твой, а пряди – крыло.
Губы твои и глаза – точно пепел.
Но – вот оно, вот – тепло!

Грей свои руки – блуждающим светом,
Будь мне навеки – сестра.
Видишь, улыбки смешались со снегом
Жемчуга и серебра.

Дом твой приданным – теперь будет славен,
Доля – богата, светла".
– "Милый Хозяин, добрый Хозяин,
Там, где желали мне зла,

Зависть – обрушат на каждую искру
Взоры клянущие глаз.
Я не хочу – в освещённую избу
Клад твой вносить напоказ.

Я не хочу – в дом к людскому неверью,
Всё рассказать – не могу.
Дай мне остаться под белой елью,
В синем блестящем снегу...

Прочь этот мех, вновь заклатьем желанным
В чашу – пургу призови.
Что поначалу – было обманом,
Стало вернее любви.

Ах, как восторженно вьюга клубится,
Бережна – и тяжела.
Друг, не буди меня: мне – будет сниться
Вечная сказка тепла..."

...Нежность и гибель. Но так ли всё просто?
Жаль, что не спросит капель,
Что это: снежная насыпь погоста
Или – влюблённых постель...

Где мы находим, где мы теряем,
Где – наше благо, где – зло...
Ну, каково это, Стужи Хозяин?!
Ну же! тепло ли?! тепло??!!

30 июня 2007 г.

III. Снежная Королева

Вы, чей горд и мучителен норов,
Для кого – вьюги краше зари,
Вам на стылых не скучно озёрах,
Во дворах, где темны фонари?

Я умчу вас, в метели запрятав,
Я сама – буду править ваш бал.
Женских не было пристальной взглядов.
Повелительно так – не звучал

Звон шагов серебристо-лазурных...
Правотою Бесстрастных права,
Я ищу здесь наследников юных
Для сокровищ Дворца Мастерства.

"Чтобы ветер пожать – сейте бурю", –
Я велю (и плоды – велики),
И легонько глаза мои шурю,
Глядя в пламя – сквозь бездны пурги.

Не ищите же правду иную,
Лишь в Единстве с моей – отпущу.

Для согласия – тайком заколдую,
Не-течением дней приручу.

Не верну вас, Приёмьши, лету,
Не отдам вашу волю весне.
Только осень – дерзит, но и эту –
В обучение отдали мне!

Осквернён – Замок не был побегом:
Каждый здесь – забывал о Живом.
Как возможно *согреться* под снегом,
Узнавали в приюте моём,

Утешенья – меняли на троны,
Открывали крестовую масть...
О, я знаю, на что вы способны!
Так ли вы – мою знаете власть?

Всё, что ждёте, и всё, что могу я, –
Это – яркий союз, не вражда.
Только *век* – против стужи бунтуя,
Но *века́ми* любя – холода,

Ваш магический пыл – не остынет!
Та, что нимбом меня облекла,
Мощь – сиянием северным хлынет
В ваши души и ваши тела.

Не натружены *времени* ношей,
Ваши руки, разведшие мглу,
Из зеркальных кристалликов сложат
Слово "Вечность" на белом полу.

20 сентября 2007 г.

IV. Стужа в моём Замке

(впечатления от картины Томаса Хереманса "Зима",
1687 г., Голландия)

Клонятся знамён непосильные ноши
На мраморных башнях, как лица – к груди.

Я понял, проснувшись: мой Замок замёрзший –
За вечную зиму нельзя обойти.

Тогда, заклинанием, равным по силе
Покою пред Смертью не бывших в долгу,
Я призраков нанял, чтоб те – осветили
Холодные окна в тиснёном снегу.

Мне титул – не в радость, мне дух мой – не дорог,
И дом мой – наскучил, как будто – *всегда*
Стояла прислуга вдоль всех коридоров,
Держа фонари из лазурного льда.

Я лезвий не чувствую – острой печали,
Что ясно в зеркальных глубинах видна,
Но, как бы на стёклах – огни ни блистали,
Я долго не в силах стоять у окна.

Там, в мире, от жемчуга спален далёком,
Где шерсть от вервульфа – прядут на ветвях,
Был рок умахён и рождественским мёдом,
И кровью на ветром разбитых губах,

И птицы – не верят в весну, да воркуют,
О сне моём вечном забывшие весть,
Румяные люди – шумят и пируют
На праздниках зимних, неслышимых – здесь.

Там странные метки на лаковой пыли
Снегов, в них позволивших – когти вонзать:
По ним – точно волоком Зиму тащили
Ко мне на поклон... А теперь – не прогнать.

А рама глядит – тёмным оком незрячим,
С угрюмым сиротством – пустует овал.
Портрет же – блуждает в сиянье слепящем
Пустынного холода – глянцевого зал...

27 июня 2007 г.

Корриган

*Песня первая**

Где дымкой льда подёрнут океан,
Где иней тронул – облаков изгибы,
В гнезде блестящем – птица-Корриган
Высиживает каменные глыбы.

Когда приходит умирать пора
Дыханью моря – одному, дыханье
Рождается взамен: птенцы-ветра
С крыл сбрасывают камня одеянье.

Коль морем будем мы разделены,
Из валуна, от воли чувств воркуя,
Пусть вырвется птенец, который – льды
Проложит в водах, и по ним – приду я.

Приближусь осторожно – и тогда
Из влажного осеннего тумана
Не руку протяни мне – холода,
Не ветер – крылья чада Корригана...

Песня вторая

Случилось, дети, то – давным-давно.
Когда, за горизонт по сборы дани
Уйдя, корабль Друга моего
Пропал без вести в море-океане,

Мне было лишь семнадцать полных лет.
Все утешенья – от семьи богатой
Могла я взять, но целый белый свет
Померк, не скрасив горечи – усадой.

Я плакала во сне и наяву.
За жизнь мою подруги опасались

* – В первых двух строфах – пересказан старинный бретонский миф. – Т. С.

И отвели однажды к колдуну,
Которому – в печалях доверялись.

Он травы жёг и зеркало вертел,
Заклятьями зывал – к морской богине,
Но различить и смутно не сумел,
Погиб мой друг иль жив, и где он ныне.

"Без помощи – никто не уходил
Из дома моего, – сказал, – останься.
Хотя и потерял я много сил,
Но чары – не иссякли. Не печалься,

Коль я не зряч, ты поглядишь сама
На всё, что есть над синею волною.
Вот кубок зелья: смело пей до дна –
И станешь белой птицею морскою.

Лети – куда течения ведут,
Смотри, как пена высится и гибнет.
Но знай, что чары – лишь тогда спадут,
Когда тебя – в объятья друг твой примет.

Лети – за бликом солнца на волнах,
Наполни зовом – до краёв просторы.
Но если Друга – не найдёшь в морях,
Навек – ты птица, мне – не шли укоры".

– "Не упрекну", – я твёрдо поклялась.
Я зелье допила – без губ отвода,
И светом ослепительным зажглась
Во мне звезда свободного полёта.

В морскую синь раскрытое окно –
Надежды показалось мне вратами.
Не дёвичьей рукою *суждено*
Любовь обнять мне – белыми крылами!

Рок чёрный, ты – меня не победил!
Не в клетки я земной: парю, ликуя
О том, что наяву – под сени крыл
Дорогу Друга, путь морской, беру я!

Но где он сам? Где Друг мой милый сам?
Не вдоволь ли – испытана утратой?!
И разносило эхо всем краям
Зовущий голос путницы крылатой.

Все дни – я высотой одной жила,
Кружила в облаков густой метели,
А ночью лунной – на волнах спала,
Меня качавших нежно в колыбели.

Морских созданий – спрашивала я
О чернокудром юном капитане,
Но ни один – не видел корабля,
Что в снах моих – показывался в дали.

В глубинах слыша – мой печальный клик,
Подобием последней силе дани –
Мне оставляли серебристых рыб
На скалах девы с яркими хвостами.

Но как-то раз, забывшись на воде
Сном измождённым, на рассвете новом
Не в море я очнулась, а в гнезде,
На айсберге сверкающем сплетённом.

Я чувствовала властное тепло
И чьи-то перья – из парчовых молний.
Он взял меня под крепкое крыло.
"Ты чудом не погибла, – добро молвил, –

Был ночью шторм, с небес – летела тьма,
Блистали в ливне – огненные капли.
Я вовремя заметил, как волна
Твой сон, вскипев, грозит разбить о камни.

Как нравится тебе – моё гнездо?
Здесь, моя гостя, силы ты поправишь.
Но не забудь: я спас тебя. За то
Моих птенцов высиживать ты станешь.

И это – честь великая. К земле
Коль подлетела б ты – так близко, дабы

Людские слышать песни, обо мне
Не раз преданья уловить могла бы.

Я – птица-Корриган, морских богов
Питомец, что нередко – с ними правит.
Ты знаешь ли, что в море – семь ветров,
И каждый век – по ветру умирает?

В моём гнезде – всю вечность (а о ней
Я знаю то, что людям – лишь казалось)
Я грудью согреваю семь камней,
Чтоб каждое столетье – появлялось

Из них на свет по ветру. Из гнезда
Я редко отлучаюсь, мне – тоскливо
Порой бывает в нём. Но ты – была
Мне послана судьбою. Терпеливо

Моих под сердцем согревай птенцов –
И Королева ты, не плена жертва".
– "Я ранее, чем первый из веков
Закончится, умру: я – не бессмертна".

– "Зачем ты лжёшь? Иное видно мне.
Всю Вечность – ты не сменишь это платье
Из перьев. Сам – я сведущ в колдовстве,
Не скрылось от меня – твоё заклинье.

Свой – голос колдуна доносит звук...
Как наяву, слова слышны мне эти:
Пока тебя – твой не обнимет Друг,
Ты будешь белой птицей, не – "до смерти".

Коль Друга своего ты не найдёшь,
Не только снова – девицей не станешь
Ты, моя гостя, но – и не умрёшь.
Ты плачешь... Да, теперь – ты понимаешь".

Мне кажется, то было – лишь вчера,
Но с той поры – минуло семь столетий.
Ах, мои чада милые, ветра,
Моим теплом исполненные дети,

Вы, дух моих пучин, моих времён,
Порадуйте же мать – и небосводом
Лазурным отправляйтесь на поклон
К тем берегам, с каких была я родом.

Рассыпьте золото – по зари дуге,
В прилива звук – мои вдохните стоны,
Во все ракушки на сыром песке
Вложите жемчуга с моей короны.

Да не забудьте зарева свечу
На каждом камне – запалить по краю
Воды... Я вас заклатью научу
Тому, как снять которое – не знаю.

Скажите над волною те слова,
Чтоб зельем обратился – ход прибоя,
И грустная купальщица – могла
Взмыть белоснежной птицей выше моря.

Коль не отыщет Друга, пусть волна
Ей ночью шторма – крылья крепко свяжет,
И, возвращая волю мне, она
Взамен меня – на камни грудью ляжет.

А ежели того, кто отдалён
Навечно, всё ж найдёт, на ту удачу
Смотря, я, птица-миф, я, птица-сон,
Впервые с незапамятных времён
В моём гнезде сверкающем – заплачу...

2 октября 2006 г.

Мальчики, прыгающие в реку

Артуру Полеву

I.

Мост над рекой – дельфиньим плавником
Вонзился в небо, купол рассекая;
Рой мальчуганов высоко на нём –
Как птиц в полёта пробах первых стая.

Они теснятся – подле глубины,
Остры их плечи, их дыханья гулки.
Они – серьёзны, губы их – бледны,
И не звучат ни выкрики, ни шутки.

И вот один – вперёд шагнуть посмел...
Другой и третий, будто цепь – задета.
Паденье в синь – их загорелых тел
Замедлено игрой июньской света,

Вхождение в волну – приглушено
Романом с зазеркалем: строки... главы...
Когда они отталкивают дно,
На берегу шумят иначе травы.

След оставляя в воздухе – теней,
Они летят, любя – паденья школу:
Глаза безмерно распахнув – одни,
Другие – опустив ресницы долу.

Восторга меньше – дарит сам прыжок,
Чем это знание – в высоте стоящих,
Что прыгнуть сможешь вновь, что прыгать – мог
И с большего моста б, и много чаще.

Как долго бы – один ни замирал,
Других – к порыва силе не ревнуя,
Свою готовность ринуться в провал
Меж летними стихиями – смакуя,

Никто – его не станет торопить,
Об этом наслажденье смелых зная.

Пестрит теченья рвущаяся нить
Узлами... смутно небо отражая,

Беззвучно расступается вода,
Подобно прядей мягкому пробору...
И нету униженья, нет стыда
В том, чтоб *последним* – отпустить опору.

31 мая и 1 июня 2007 г.

II.

В неловких бликах бирюзы
Раскрыто в свет окно;
Вонзает юные пловцы
Движенья в рябь: тесно

Кольцо смеющихся детей,
И звонок – плеска звук.
Летающих низко чаек тень
Тот охлаждает круг.

Заместо полотенец – грив
Начёсы, лент всполох,
Навесы тонкорунных ив
Тем тянут, кто продрог.

Где берег дерзко вниз идёт –
Смотрю на бег стремнин.
Мне кажется, *дитя* – нырнёт,
А вынырнет – *дельфин*,

И отражённый небосвод
Расколется, блестя.
А *взрослый* под воду уйдёт –
И выплывет *дитя*.

1 августа 2006 г.

III.

Мы были вдвоём – в высоте над волной.
Я другу сказал: "Друг мой, прыгни со мной."

Всё в жизни узнал я, не знаю одно:
Как ветер паденья – бросает на дно.
Как всё, что делил я с тобой, в свой черёд –
И этот хочу разделить я полёт”.

Я встретил согласие. Мне стало легко.
Раскрыв мои руки, вдохнув глубоко,
В застывшей воды оглушительный зной
Я прыгнул... Но друг мой – не прыгнул со мной.
И, мост собирался покинуть едва,
Его поглотила – высот синева.

Так мы разминулись – в речной тишине:
Он – стал белой чайкой, я – камнем на дне.
И та, что обоим была нам мила,
На берег, окутанный солнцем, пришла,
И чайку – кормила с атласной руки,
И в тихую реку – бросала венки.

Её восхищенье – с крыла белизной.
Её отраженье – парит надо мной.
Пока эта песня – чиста и жива,
Пока над рекою цветёт синева
И спит в упоительной дымке волна,
Ни чайкой, ни камнем – не станет она.

31 мая 2007 г.

IV.

Сверкает течение,
Покров изумрудов и стали.
Твоё отраженье,
Застыло я в тихом провале.

Чей образ ты примешь:
Врага, властелина иль брата?
Ты медлишь – как гибнешь,
И я пред тобою распято.

Равнины – не вспомнить,
Хоть, натиски ветра ослабив,

Я – гладкая проседь
На мелко расцвеченной ряби.

Мне – ярче и ярче,
Теням – моя вспышка угодна:
Я – нож, милый мальчик,
В твои заострённые рёбра,

Но я – и повязка.
Я – дух, что зовёт своей плотью
Пустынную ряску
По плещущей кромке полотен.

Наставник и сын мой,
Воскресни, рискнувший разбиться,
В пещере глубинной:
Я, Светлый, твоя Плащаница.

Я – веточка пальмы
Тому, кто невинен и грозен;
Кто, славя – в печали,
Меня – тебе под ноги бросил?

...Неведомым силам
Безропотно отдавший волю,
Шагни за перила
Моста над блестящей рекою.

Прерви мои муки
От жажд обрести позолоту:
Вонзи свои руки
В теснящую сердце мне воду.

Не тесной купелью
Я стану (плеск – Ангел услышит...):
Твоей колыбелью,
Что тайные души колышет.

"Нет", – крикни туману
Подводному, времени векам.
О мальчик, я стану
Твоим бриллиантовым эхом,

Чтоб, весь – клик и гордость,
Перечащий илистым путам,
Твой внутренний голос –
Над берегом сделался гудом.

4 июня 2007 г.

V.

Не трепать тебе косы мои свысока:
Я тебе не сестра – я тугая река.
Полный инея омут – под солнца твои...
Перламутровый обод – на пряди твои...
Нелюдской поцелуй – к позолоте руки...
Малахитовый плащ – на ветров холодки...
Перехваченный дух, затуманенный взор...
Серебристого дня – данный небу отпор...
Для ресниц твоих долгих – росы мотыльки...
Строгий ангел воды, чьи объятия крепки...
Нить, которой "на миг" – повязало "навек"...
Для твоей красоты – многогранный ковчег...
Для тепла твоих уст – лучезарности прах,
И озноб твоих плеч – в неземных жемчугах.
Так не бойся падения, кровь успокой:
Я – Любовь, но пришла – не сестрой, а рекой.

4 июня 2007 г.

VI.

Жребий бросайте, смутные дети:
Кто – в мои замки, а кто – в мои сети,
Кто – в моё царство, кто в страхе – на сушу,
Кто – в мою память, а кто – в мою душу,

В ком – мне царить, на кого – нет ни права,
Кто – мой Избранник, а кто – лишь забава.
Этой прохлады слепую истому
В слёзы – одним, в жил узоры – другому,

После же – слёзы одних – прочим в жилы.
Вот я – Река. В ряби мелкие иглы
Вдеты мои серебристые нити...
Мальчики, дети, я жду вас, придите...

4 июня 2007 г.

Луки Листвы

1. * * * *

Где меж собой – тонкий снега пласт
Всё не разделят – река и лог,
Взгляд в Никуда – васильковых глаз
Колокольчиков мартовских – так глубок.

Слышится тем, кто блуждает один,
То ли "прощай" их, то ли "прости".
Звонок ответ, хоть вопрос так тих:
Близко ль способна – Жизнь подойти,

Не настигая – лучей ручейки,
Смяв колокольчик последний в ряду?
И раскрываются шире зрачки,
Глядя в весеннюю Пустоту.

Путник, пришедший на синий двор,
Лес, отказавший – дневному сну,
Всеми цветами – бросает взор
В самую мыслей твоих глубину!

Путник, вошедший под солнца кров,
Лучше о камень – часы разбей:
Ты не уйдёшь, не сплетя венков
Для коронаций Лесных Царей.

3 марта и 27 декабря 2007 г.

2. * * * *

Загадочен весенний свет небес,
Апрельский ветер – спорит с невозможным,
И колыбелью сказочных существ
Деревьев ветви – кажутся прохожим.

И даже тот, кто и угрюм, и строг,
И даже те, кто хмуро-недоверчив,
Любуются, смотря – на огонёк
До времени скрывающие свечи.

Иллюзия одна – во всех глазах...
 Всем кажется: когда – от ливня искры
 Сгорят затворы почек на ветвях,
 И луны, как бумажные монисты

Звуча – и струн льняная тетива,
 Раскроются (скорее же, скорее!),
 На божий свет – возникнет не листва,
 А маленькие эльфы или феи.

И спор ведут – вечерние лучи:
 Которому – повеять доведётся
 Всех раньше – в изумрудные плащи
 Таинственного гордого народа.

И сквер – как бесконечный лес, где взгляд
 Не ищет сна: в видений мираадах
 Не уловить, как ветви запестрят
 Счастливыми усмешками крылатых.

17 апреля 2007 г.

3. * * * *

*(соавторство с Галиной Машариновой)
 для Эльфа*

Раскрываются звёзды на стеблях,
 На каменье корон светлой тали,
 Чтобы пряди твои до рассвета
 Небесами благоухали

(Дух лесов в изумрудном камзоле,
 Эти ливни – светлее колосьев!).
 Никогда в этой чащи юдолях
 Янтарём не рассыплется осень! –

Не уснёт их Рассказчик от кубка
 Вин древесных загадочной сладости.
 Лишь сиянье и цвет изумруда...
 Любование – и чувство радости...

20 декабря 2006 г.

4. Эльф

Ив пронизанные плачем,
Льют лучи, пыльцы не смяв,
Мимо троп – к лиловым чащам,
Где меняют кучи трав

Звон цветов – на шаг неслышный,
Молоко – лежит росой,
Бархат прядей напоивших
Инеем луны лесной –

Над землёй проходит стая
Грёзой светлою, с венцов
Изумруды просыпая,
Снежный хмель – из рукавов,

Вздохом ветви превратившей
В спящих луков тетиву,
Не тенями окропившей –
Белым фосфором тропу...

Ложь звучит в земных законах:
"Нет ни знака, ни скита
Для души, в лесах лиловых
С тайны сбившейся следа..."

Есть! В легенды многомерье,
Улыбнётся лишь во сне
Самый молодой из эльфов,
В шелестящей тишине

Не заметивший неволи
Гости призрачной при нём,
В нежной дрёмы изголовье
Та – распустится цветком...

В перламутровых оправках
Светлячков наивных звёзд...
Под рассыпанным на травах
Лунным инеем волос...

Пусть – кому ночной не страшен
Мрак, вернувшись из лесов,
Голос понижая, младшим
У камина угольков

Говорят: "В лиловой луни,
В травах, строгих, как престол,
В изумрудах, в перламутре –
Нынче папоротник цвёл..."

5 и 9 ноября 2006 г.

5. Луки Листвы

Духи. Луки Листвы. Изумрудного шелеста тень.
Неспроста берега, что завешены яркой листвою,
Принимают следы, как парадную меткость – мишень:
Это устье реки – нам служило всегда тетивою.

Мы зелёные стрелы – нацелили в сердце оков...
В этой чаще, хоть не было – щепы творящего ветра,
Скрип напевный послышался вам – под корою стволов?
Это свист нашей тайной охоты, пронзающей недра.

Ах, как дразнит бесчувствие – этот заклятый мотив,
Сотворённый из строк отрешённости и приговоров!
От расшитых росой, зашнурованных прутьями ив,
Мха парчою мягчайшей –
бесплотность одевших – камзолов,

От венцов, заставляющих нас – по-людски ревновать
К драгоценностям леса, пыльце витражей его ставен,
Так рябят – все провалы ветвей, всех полян небогладь,
Что вдохнёшь тёмный запах листвы –
и почувствуешь: ранен.

Получад-полусвежесть, тот запах – из тени земной,
Бахромы ветхих древ и прохладного зарева – вяжет
Лукам Листьев – колчан; увлекаемых в тишь за собой –
День-деньской утешает, а в сумерки – вдруг будоражит!

Стрел и света потокам – подставь, нетерпение, горсть!
Две молеельни весны – распахни: протяни свои руки.

Им коронуют – Лучники Ветвей
Друг друга: серебро и трав палитра!
Их не увяли стебельки бровей
И лепестки ресниц от смены мира.

Мхов белых пыль – им бледности взамен,
А родники – лат бремя ледяное.
И светлячки под сень зелёных стен
Приходят – в их следы цветов покоя.

Горн огранённый Войск, над тишиной
Взмывая, в звоны канет и шептанья...
Всё, что творится здесь, сотворено
Во славу изумрудного сиянья,

На радость лучезарную тебе.
Крылатый Лучник, в душу мне запавший,
Прошедший *строгим вихрем* по листве,
Ты – Леся брат. Но младший или старший?

Твой вздох – повеял юною листвою!
Бессмертниками – плащ! луной – ладони!
Заключая – лёгким дымом над землёй
Струятся, облекают – камни... корни...

Стволы... тропинки... замок – впереди,
Где в цельный миф – сливаются частицы...
Уйдёшь – так не стрелой сквозь кровь пройди,
Но изумрудной пылью сквозь ресницы!

Шкатулки опрокинуты: на дно
Лесное – прах камней с хрустальным громом...
Блеск, Зелень и Мечта... И так легко,
Любуясь неземным лицом суровым,

В миру, где ветвь едины и крыло,
В тени, луч – не лишаящей приюта,
Решительно отдать своё тепло
За пламя холоднее изумруда.

11 февраля 2007 г. и 6 января 2008 г.

Парк Умирающих Ветвей

I. Дух Листопада

посвящается Прогулке 17.10.2006 г.

Жизнь – твой корабль, а не дом.

Ламартен

Мы шли рядом по дорожке, и он посмотрел на меня. Лицо его – одно из самых красивых человеческих лиц, – тонкое и твёрдое одновременно, казалось вырезанным из камня.

Урсула ле Гуин

Тот парк, пронзённый – городской рекой,
Любили все поэты с ясным взглядом.
Вдоль серебристой набережной той,
За круглых фонарей изящным рядом,

За спинками громоздкими скамей,
Что вечером – отбрасывают тени,
Похожие на лодки, свод ветвей
Скрыл две дороги, долгих две аллеи...

Те два пути – не выходом на мост
Казались: в мир волшебный переходом
В плащах просветов и коронах гнёзд.
По одному из них, что ближе к водам,

С январских холодов и до сих пор
В мой перерыв рабочий – я неспешно
Бродила, ощущая запах волн,
Земли в парадных трав иль व्यог одеждах,

Смол пихты, мха, взбежавшего корой
Под самый купол, ветра светотеней
И сырости от грузной, ледяной
Водой омытых – каменных ступеней.

Я черт не замечала встречных лиц,
Но мне известны были – той дороги

Все вóроны, размером с хищных птиц,
И белки, что не более ладони.

Во время тех прогулок – мне нужна
Была лишь чистота, что – словно камень,
Гранёный тенью стай, да тишина,
В которой – слышно небо меж ветвями.

Но в этом, солнцем тканом, октябре,
Как перья и пергамент шелестящем,
Нашлось вдруг место ласковой тоске
О том, чего не сыщешь – в Настоящем.

И вот – я стала думать о штрихе
Коронном – к нимбу Осени свеченья...
О Духе Листопада, в Чьей руке
Ключи от галерей уединенья...

Владельце полной золотом казны,
Художнике ветрów прохладных линий...
Полёта ускользающей листвы
Правителе с глазами цвета ливней...

В мечтах, когда б – не прямога пути,
Я забрела б туда, где тот – нехожен.
Уже не то что поступи вблизи
Я не слышала – оклика прохожих.

И вдруг – в один из парковых часов,
Как птицы тень, летящей в хрупких рощах,
Я уловила тихий звук шагов:
По золоту – легчайший ветра росчерк

И золотом – по ветру... На тропе
Соседней – расстился шум парчою,
Как будто кто-то – шёл не по листве,
А в воздухе над самую листвою...

И от беседки – до оград стены,
О цели помня, но – как наудачу,
По двум аллеям, что – разделены
Одной стеной ветвей полупрозрачной,

Мы шли, на листьях – следом ворожа
Неопутимым: шелест – вместо зова...
Но ни один – не делал встречный шаг,
Не окликал и не манил другого.

Когда ж к концу пришёл прогулки час,
Там став, где тени – менее суровы,
В отвесного, но мягкого луча
Льняной стремнине, – в том, поверив, чтобы

Побыть лицом к лицу – не будет зла,
Напротив, в том – одна Добра заслуга,
Внимательно, как в сами зеркала
Своих дорог, взглянули друг на друга

Сквозь облик изменявшую листву,
Грань стёрли, проводя черту иную,
Смотря – как будто – мы ведём войну
За каждую частицу золотую.

В его глазах, подёрнутых и льдом,
И знания золой о чувств подмене,
Краеутольным тёплым угольком
Растапливала зелень полутени.

Он был наивен столь же, сколь и строг:
Воочью вечность видевший ребёнок,
Чудесный полуветер-полубог...
И стан его – так лёгок был и тонок,

Движенья – молчаливы и чисты,
Что – биться бы о тысячи закладов:
Ему пойдут одежды из воды
Небесной – и плащи из листопадов,

В губ жалобно-бесстрастные углы –
Сушь ляжет украшением, чуждым смене.
Витала сладость пихтовой смолы
И лирики сквозные светотени

Над ним. На жёстких, из тончайших струн,
Потоках прядей – свет переливался

Венцом в щербинках серебристых рун.
Мой незнакомый спутник – был так юн...
В своём миру затворник, он – казался

Полупрозрачным стынущим цветком,
Навечно в кубок брошенным глубокий...
Я слышала, как плакали о нём
Там, у Начал им пройденной дороги...

Как плачут обо мне – в моей конце...
И чувство, как дышать – вдруг стало вольно,
Уж совпадений сковывало цепь
Легендою о нас, и было столько

Доверья той балладе-полусну
И тайной веры в сказки безрассудства,
Что, выходя из парка, на мосту –
Себе я запрещала обернуться,

Чтоб крепко впечатленье удержать,
Замкнуть в душе, как джинна – в лампе, чтобы
Ко дню прижали яркую *печать* –
И *след* едва оставившие стопы.

Ночь – не давало мне сомкнуть глаза
Желанье золотой листвы коснуться...
Назавтра, хоть и с верой в чудеса,
В парк у реки – боялась я вернуться:

Вдруг – Незнакомец в этот уголок
Наведался – в раз первый и последний,
Темней – стал галереи холодок
И стало древо каждое – запретней,

Иль бурелом – аллею перекрыл,
Иль, может, просто – берег изменился.
Но возвратилась в парк – и снова был
Мой спутник – праворуч. Октябрь длился –

И, к счастью, повторялась день за днём
Та встреча – и давала к жизни силы...
Покуда в парке, прежде золотом,
Не пересохла – золотые жилы.

Я в том беды не видела сперва,
Что дым костров – кадил былому горько,
Что смятая последняя листва –
Осталась на обочинах, и только...

Не стуж читались первые следы
Мне, а особой близости по духу –
В том, что в кольце беседки у воды
Теснее льнут влюблённые друг к другу.

В тот день – я в парк вступила, став иной:
От прежней – ни полвзгляда, ни полслова.
Тот стал, кто оставался – за листвою,
Един с моей душой. И я – готова

Забывать была – все рубежи аллей,
Нарушить все иллюзии законы,
Предчувствуя: отчётливей, ясней
Его увижу – *сквозь нагие кроны.*

Когда мелькнёт мальчишеская стать,
Аллеям, полным пихты ароматом,
Сказать: *для жизни – то довольно знать,*
Что Красота – идёт с тобою рядом.

Переступить условную черту
Ветвей навесов, льющих – прутьев реки.
Кивнуть беззвучно: не – "я вновь приду",
Но – "я останусь спутницей навеки".

...Нет, за прозрачной ставшею стеной
Ветвей – ни шага в трав пожухлых пряже.
Дорогу проходила – вновь и вновь,
И не мелькало рядом – тени даже...

Ребёнка – горький сон: исчез замок
Шкатулки с песней, но – в ней тишь... Приблизись
К сияющим глазам – калейдоскоп,
Но сказки и стекла – внутри не видишь.

Кровь, говори – Ни С Кем и Ни О Чём!
Один *святой* писатель, помню, как-то

Сказал: "Жизнь – твой корабль, а не дом".
И в чёрной глубине речного парка

Мне виделись тяжёлые скамьи
Не тёмным изваянием из камня –
Подобьем той мистической ладьи,
В которой в Даль – плывут Существованья.

Я обошла весь парк – чужой, слепой...
В одной из рощ, звенящих пустотою,
К земле клонились чёрною дугой
Покрытые осеннею росой

Нагие ветви, преломляя свет...
И в строгой, показавшейся альковом,
Той нише – я увидела мольберт
И старого художника в багровом.

Сказал он, глаз не подняв от трудов:
"Оставь загадку временного тлена:
Сокрыто в умирании листов
Гораздо больше, чем сезона смена,

Ты не осилишь – правил той игры.
Но, видел, за тобой – иная сила.
Хранитель свой – у каждой есть поры,
И чуткостью своей – ты угодила

Тому, чьё имя – Гений Октября,
Кто в Листопады – ходит меж ветвями,
За красотою пристально следя.
Прогулка вот его, и вот – твоя:
Смотри, я написал вас королями.

А что занёс на холст я – не умрёт;
Немногим – достаётся та награда.
Но здесь: ты – заслужила, он – возьмёт,
Не спрячешь дар – от Духа Листопада".

Волнения – разом проросло зерно,
Хлестнул по сердцу – горький жгут полыни.
Я подошла взглянуть на полотно...
Я и мой спутник – были на картине.

И – чтó увидеть было мне дано,
Я поняла. О, Времени законы!
– "Итак, Вы тоже – видели Его...
Где Он теперь?" – "Где золотятся кроны.

Сам для работы – я вставал чуть свет,
Но тем, кто много видел, время – тесно,
И, не успев закончить я портрет,
Как золото последнее – исчезло.

Что смог запомнить я – тому и рад.
Не плачь и ты, что мало повидала.
Как только вспыхнет – новый листопад,
Само Познание – всё начнёт сначала.

Пусть три сезона – отгорят дотла.
Жди и живи – услышанной легендой,
Какую нынче – разделить смогла
Особенней других... Взгляни, на этой

Картине – я желал изобразить
Твою, Воображенья Силы чадо,
Мечту – однажды в Зиму не вступить,
Но стать Невестой Духа Листопада".

– "Нет, – опустила взгляд, – неправда: я,
Взглянув, чьих звук шагов я уловила,
Не зная, Жданный Сам – напёл меня,
Наперекор предверьям – уступила

Казавшейся мне *явной* Красоте.
С её победой над воображеньем
Я позабыла – о моей мечте,
Бесплотном Покровителе осеннем.

Когда б не этот холст, до страшных цен
Я – до костров листвы – была бы рада
Считать, что я – в попутчика лице
Нашла замену – Духу Листопада..."

Что мог на то Провидец мне сказать...
Здесь, в парке чёрно-сером, острокрылом,

Теперь – мне остаётся только ждать
Возврата Октября. Ещё над миром

Не вскинул лент – метели оберег,
Не брызнул вьюгой – жемчуг скорой встречи,
Не замер лёд. Ещё и первый снег
Не выпал, а как будто – век на плечи.

Не замерзала – до сих пор вода,
Ноябрь жар – одним туманом студит.
Но *чувствую печаль – иначе: так,*
Как будто Осень – больше не наступит.

Не будет отворён – надеждам вход
В волшебный час им милого "когда-то"...
Прохладный ветер – в воздух не прольёт
Искристое октябрьское злато.

На зеркале поверхности реки
Сплетаясь в ожерелья над волною,
Казаться не посмеют огоньки
Всего лишь – отражённою листвою.

Мост в устье галереи – не зажжёт
Огни, как не сумеет – в туманах стылых.
И долгая аллея – не вдохнёт
Легчайший звук шагов неопутимых...

Об этом – звёзды мне не говорят,
Краплёные тоскою карты бросив...
Давно ушёл из мира Листопад,
Но всё пытается, не уходит – Осень...

В спокойном ожидании дождей –
Золы костров шептания всё тише.
Там, в парке умирающих ветвей,
Что *памятного* нынче я увижу?

В парк! В тот ненужный... нет, недужный – сон.
И не на встречу уж, не на поклон,
Не на поверку – подлинного взгляда...
В ничто. Ведь смысл – прочь с Земли сметён
Угасшим следом Духа Листопада.

И всё же – время тяжко, но идёт.
 Учась следить без слёз – за ходом солнца,
 Я жду, когда пройдёт под небом год,
 Когда в аллеях – золото зажжётся.

И вновь мелькнёт мальчишеская стать
 За тропы разделившим листопадом.
 И будет вновь – для жизни – вдоволь знать,
 Что Красота – идёт с тобою рядом.

— / / / — / / / —

Лучами обводя дорог предел,
 Каймой багрянца – увяданий ворох,
 Так – на аллеях золотистых пел
 Напоминавший голос женский – шорох.

В фонтане спящем – в парке у реки –
 Так змеи, завиваясь прихотливо,
 Листвы, кружащей в солнечной пыли,
 Шептали внятно, стаям птиц на диво.

Вода плескалась – о ступени так,
 Как будто вскрыта – золотая жила
 Той, что призывы пишет на волнах,
Не сознавая: Осень – наступила.

Все звуки парка, все – не сосчитать! –
 Души Влюблённой долгая тирада,
 Не верящей, что ей – случилось стать
 Неотделимой частью Листопада.

И ничего не знает о золе
 Смолою пихты полный – выдох ветра...
 А в глубине аллеи – на земле
 Отметины, как будто... след мольберта.

Идя к мосту – всё той же стороной,
 Что Гений Октября – и жертва рока,
 Но не по двум аллеям – по одной,
 Легенду их – слышали мы оба.

Как жаль – в мгновение это стало мне
 Всех, с наваждений – не сводивших взгляда,
 Кто оказался в тихой западне
 Сияющего Духа Листопада,

Предположить не смея никогда,
 В каком кругу заблудятся заклётом,
 Сказав: *довольно знать, что Красота*
Хотя бы раз – прошла с тобою рядом.

18 октября 2006 г.

II. Хвоя

...А потом всё закончится.
 Ты, 23.04.2007 г.

У всех бывает Болдинская Осень,
 и только у нас – Болдинская Жизнь.
 Я – Тебе, 16.05.2007 г.

1.

"Вернись – под Листопадом", – ты сказал,
 Хоть знала: я – надежд таких не стою.
 Год, наваждений полный, миновал,
 И с обновлённой мыслей чистотою,

Как с мёртвой вещей птицею в руках,
 Но пред пустот и радостей соседством
 Не дрогнув, я вернулась в тихий Парк,
 В котором Красота – была мне *сердцем*.

Как ускользнувший от надежды шлейф
 Мечты, вдруг промелькнувший вновь пред нею,
 Я целовала ветер тех аллей,
 Где мы расстались. А на ту аллею,

Где встретились когда-то, не звало
 Ничто, но и безмолвье – было свято.
 И ты пришёл на губ моих тепло,
 Воскресший образ Духа Листопада.

Как никогда – в тот миг я поняла,
 Что в поры и волнения, и терпенья –
 Не ради Истин и Долгов жила,
 Но ради чувства Чуда приближенья.

Хвалебных Всесождений вспомнив песнь,
 Костра дымок – в конце аллея курился.
 А Дух – сказал: "Я для *Прощанья* здесь", –
 И тихо мой Хранитель отстранился.

Дух – продолжал, и слышала – тоску:
 "Я – плод раздумий божьих о Мгновенном.
 Я видим быть – лишь Осенью могу,
 Но Осень – время, пахнущее тленом.

Я – больше не приду. Час крон сухих
 Недолог, а в конце его – мученье.
 Я – не хочу Явлений, для каких
 Цена одна: моё Исчезновение.

В том – не виновна Осень, что она –
 Не может скрыть меня в мирах укромных,
 Что в лихорадки жар погружена
 При мысли об утерянных Фантамах.

Но я – устал. Так насыщай – свой взгляд,
 В моё Величье верящая свято,
 Ведь каждый год – здесь будет Листопад,
 Но впредь не будет – *Духа Листопада*".

2.

Есть Духи, за которых – жизнь отдашь.
 Но так – не встретишь их – за жизнью, *далее*.
 "Осенним солнцем созданный мираж! –
 Воскликнула. – Светлейший и типайший!

Ты – воплощенье о Свободе слов,
 И твой, безмолвье шьющий из мотивов,
 Свет – соткан из разрушенных миров
 Оставшихся на листьях паутинок,

Из чувства, что всему – своя пора,
Но только тень времён – даётся в руки,
Из холода в предчувствии костра,
Из пламени на самой грани вьюги,

Из ветреной пыльцы, слёз в высоте,
И также – из тревог моих на долю.
Твой образ – мне дороже, чем тебе,
И я – ему исчезнуть не позволю.

Я знаю: крон сияния зола
Близка, и я была б ослепнуть рада,
И птицам – я глаза бы отдала,
Чтоб никогда не видеть Листопада!

Но есть – и чудотворнее права.
Ты разделить – захочешь их со мною?
Да, утасует – яркая *Листва*,
Но тленье – никогда не тронет *Хвою*.

Зачем же исчезать тебе – с *Листвой*?
Останься – на Сезоны, на столетья...
Покуда живо сердце, ничего
Так не хочу, как твоего бессмертья.

Оно – за чуть приметною чертой,
И эту грань – ты сам преступишь скоро.
Пойдём со мной. Сейчас! Пойдём со мной
В немеркнущие век – чертоги Бора.

Доверь мне всё, что прячешь в тишине,
Дай прогуляться – не под неба сажей,
Но под рекой сверкающей камней,
Сплошным дождём – с душ ангелов упавшей.

Тебе – я подарю *без края дни*,
Я сохраню навек – всё то, что ценишь.
А ты – меня для Бога сохрани
Своим существованьем, ты – сумеешь!"

3.

Терялась наша тень в ветвях сухих,
 Как боль былая – в возбуждённых мыслях,
 И логовом для тварей неземных
 Был отпечаток – наших – стоп на листьях...

Тот странный час – я помню до сих пор.
 Волшебное смешав – и всё людское,
 Я повела тебя – из Парка в Бор,
 Где над дорогой – нависала Хвоя.

Заткавшая дороги от тебя,
 Хоть зелень – и на четверть не увяла,
 Дышала вся осенняя земля
 Небесного дыханьем *Сеновала*,

И потому – твердили "не дыши"
 Себе два сердца, чтобы – не померкнуть.
 При Осени – мы были не пажы,
 Но два крыла желанья *не исчезнуть*,

Два дна – существованья глубины.
 Над уголками, где – в коры надломах
 Ещё не растворились – лета сны,
 Терялась *Высь* в участия предложениях;

В ней – и своей, и нашей чужд вины,
 Расплавился над нами без возврата
 Бенгальский шар холодной белизны.
То было Солнце Духа Листопада...

Ручаюсь, ты не знал: последний взгляд –
 Так чувством утешения насытишь.
 – "Наш след – не замечает Листопад,
 Но трепетно высвечивает. *Видишь?*"

4.

Хоть без волнения – ты – смотрел вокруг,
 Я поняла, что дрожь – *передалась* мне.
 – "Вдыхай же смолы. Вот мы – и в Бору, –
 Сказала. – Что – здесь может помешать мне!

Поговорим о *силе жить* твоей,
Здесь мир лучится – на печаль Управой:
Здесь тысячи оттенков у ветвей,
Но нет меж них – ни чёрной, ни кровавой.

И с каждой – изумрудная звезда
Смола – сорвётся, чтоб сбылось желанье.
Стволы – гудят глубоким "навсегда",
И этот гул – похож на воркованье.

Закрой глаза, скрой локонов рекой,
Рукою – иль парчою золотою...
Ты чувствуешь власть Бора – над собой?
Твоя душа – уходит в эту Хвою...

Крылатым змеем – по сухим стволам,
Ловя чутьё: мир – чешуёй оправил,
Взбирайся к тонким бледным небесам,
Что солнце проклянут – за верность яви.

Лозой терновой – из змеиных кож
Прорвись, ведь ты – и в бархате томишься!
Взбирайся к небесам. Ты не умрёшь
И никогда – со мной не разлучишься.

Минуя за фонарным крутом – круг,
Дыша прозрачной дымкой ледяною,
По розовому снежному коври
Я стану приходить – смотреть на Хвою,

След, что оставил – отзвучавший зов,
Ударившись о контур мглы запретов...
Печальный запах маленьких боров
Вокруг Приговорённых лазаретов –

Годами будет полон сладких струн
При памяти о нём, во мне расцветшей.
Ты не умрёшь, ты будешь вечно юн,
Но юностью *осеннею*, не *вешней*.

Нет – чувства обратимости. Огня
Листвы – ещё не тает дым, но – поздно".

...Твои пылают губы, чтоб моя
Слезинка ликованья – не замёрзла.

Как много и того, что *не прошло*,
И что *не канет*, *не прося повтора*,
Здесь, где безлюдно, тихо и *светло*,
Хоть Сумрак – опускается так скоро...

5.

Не слишком ли решительна – была,
За руку приведя – на Край опасный?
Испуганная Властью, замерла.
Но ты кивнул, как Брат, с Сестрой согласный.

И то согласие – обняло века,
И на губах – я ощутила Хвою.
Из рая в рай – стекались облака,
Перекликаясь жжёной белизною.

Так странно, как задетая струна –
С нетронутой, с живыми голосами
Пересекалась Бора тишина,
Кипящего незримыми тенями.

Мироточащий Бор, наш Храм и Дом,
Доверье – вводит в роль неторопливо.
Ликуют ветви, каждым остриём
Пронзая смерть твою неумолимо.

Ты юн и бледен, ты закрыл глаза,
От сердца – сделав выбор небывалый.
Исходят паром – солнце и роса,
Смягчая изумрудные кинжалы.

И вот, в глубоких ранах Октября
Почуявшая мель – Вселенной капля,
Шумевшая листвою – жизнь твоя
Перетекает в мир Неувяданья.

Отточенные сходятся моря,
С былыми расправляются чертами...

Ты более не тот, кем был: тебя
Воображеньем вижу – не глазами.

6.

И снова – год прошёл скорбей и благ.
Янтарь густой – в коре – благоухает,
Смешавшись с солнцем. (Непривычно как,
Что Дух твой – в эту Осень не растает!)

Там – прячет голубь очи под крыло...
Там – ягоды брусники набухают...
А в воздухе проносится тепло
И солнечные зарева играют.

Роса – блестит, как россыпи монет;
Сам пар дыхания – тяжёк от свеченья.
В ветвях – осенней радуги просвет.
Черта ветров – от чувства напряженья

Дрожит, как золотистая блесна.
Взведён прохладный воздух до упора.
Змеиной кожей – сходят времена
С твоей душой наполненного Бора.

Убежище – сияет, не горя:
Здесь Крона – не умрёт и не воскреснет.
Я знаю: Тень прекрасная твоя –
В игольчатых аллеях – не исчезнет.

Ты – вечен, но и я – не умерла;
Вселившая твоё дыхание в Хвою,
Я – золотая тёплая Смола
На ранах Бора – в вечность глубиною.

А в памяти моей, живущей с ним
Раздельно (где слиянье – там утрата),
Неизгладим, навек незаменим –
Изящный образ – Духа Листопада.

*27 августа 2007 г. (Парк Изака)
и ночь 17–18 января 2009 г.*

Полынь-Трава

На лугах, где дымно-сребротканы
Пепел, изумруд и синева,
При луне склоняется в туманы
До подземных вод – полынь-трава.

Я – в той мгле вовеки не блуждала,
Кущей не видала тех сухих,
Но во сне – мне Осень рассказала
О забаве духов колдовских.

Стебельки полыни собирают
Их нагие руки досветла,
И отвар – в том сером камне варят,
В коем лунки – молния прожгла.

Быль обрыва, пустошей и леса,
Без людского жившего следа,
И гранитно-белый дым небесный,
Что на скалы – сходит в холода,

И *безмолвье* тяжкое – бросают
В варево все духи, как один.

А когда то зелье закипает –

Слышен шум ноябрьских вершин.

Вечером, в который – стынут руки,
Сумерки – печальны и ясны,
Камень – опрокидывают духи
В ледяной порыв средь тишины,

Глядя, чьи уста – полынь окатит...

В листопада буре заплутав,

Кто таких ветров напитка хватит,

Навсегда утратит лёгкий нрав.

Впредь – быстрее сердце не забьётся
На его запястьях никогда,
Черт – улыбка больше не коснётся,
Взгляда – не покинут холода,

Губы – пересохнут (так, что взгляду

Видящих – и слёз не обронить)

Оттого, что жаждут – вновь – заклятых,

Собранных с полыни – рос испить,

Вовсе – не найти противоядь!

...Чудо – на любую есть беду!

Бог – его позволил отыскать мне,

Я ль – ключей к улыбке не найду?

День последний (что ж, неверьем раньте,
Да клянусь – всей жизни теплотой!)
Все его движенья, вздохи, пряди –
Веют колдовской полынь-травой,
Иней – на груди лежит, не тая,
По плечам бежит, как барский мех,
Словно бессознательно скрывает
Горечь неземную – кровь от всех.
Смело, но и кротко, будто в храме,
Прежде чем луны померкнет взор,
Я ли – теми не пройду лугами,
Где для горьких чар – добыли сбор?
– Что, когда – за гладью звёздных пашен,
За лесами, где – огни цветут,
Те в противоядии откажут,
Что не чаши – камни подают,
Росных многоточьями капелей
С губ собьют следы улыбки стрел?
– Тех коварных и прекрасных зелий,
Что отбелят губы, точно мел,
Тех ручьёв, что в лунную дорогу
В небесах вливаются, звеня,
Может, колдовские духи смогут
Отыскать глоток – и для меня.
Всю мою судьбу – по кубка краю
Проведя, и тот – испив до дна,
Вместе с ним – тогда – о том узнаю,
Незабвенной горечью пьяна,
Для каких живут вершин и кручей –
Пленники тумана синева,
Для каких встречаются созвучий –
Вечные рабы полынь-травы.

24 октября 2006 г.

Об Одной Капле

в память о 21 января 2006 г.

Как-то, слетевшись на плач мой в свету денницы, –
Так сокрушённо – крылами всплеснув над чащей! –
Капельку мёда – в смолах нашла мне птицы,
Капельку мёда – для сладости и не ждавшей.

И, об этом проведая (а вести о *сладком* – скоры),
Выбрав лавину – посредницей вех поворота,
Капаю сиянья высот – предложили мне горы,
Капаю сиянья высот – за капельку мёда.

"Что ж, обменяемся. Хоть – губы вновь полынны,
Знаю, что, вам отказав, в ореолах прохлады
Я никогда не взойду высоко на вершины –
И не узнаю, что в высях найти могла бы".

И, от мятежных ветров про обмен тот прослышав,
Сны предложили – тоном раскрытья секрета –
Капаю святой чистоты грозových затиший,
Мира душевного – за – каплю горного света.

"Что ж, обменяемся. Хоть – над землею самой
Дается полёт мой теперь, но – я знаю отменно,
Что, отказав вам, я – тишиной и обманной
Душу свою не утешу до самого тлена".

И, услышав от Дороги о новом обмене,
Свитки прислав облаков в окаймленье узора,
Капельку с бурным полётом задетой ветви
За – каплю тиши – сулили мне тени простора.

– "Если ты нам не уступишь – в той просьбе, то вечно
Будешь неспешно брести по эмоции краю,
Но не узнаешь – стремительность чувства. Что легче
Смены Затишия капли – на Скорости каплю!"

– "Что ж, обменяемся". И – духи те, что все храмы,
Где – Увлеченью кадят, окружают кострами,
Только узнав то, спросили: "За капельку лавы
Капаю росы – ту отдашь нам, что сбита крылами?"

– "Я Постижением – взгляда не обжигала
 Так, чтобы вспыхнуть – до фибры, до нерва, до жилы...
 Что ж, обменяемся". И – каплей бойкою лава
 То осветила, как были – стремления стылы.

Новые просьбы мне слали: те свитки, что тяжки...
 Но, от усталости дней перемен цепenea,
 Я вспоминала всё то, чем владела однажды,
 И *нищету* ощущала – всего сильнее.

А в жемчужном свету, что уже наливался алым,
 Но ещё не утратил – цветов перламутра силы,
 Та, что юношу прежде – Желанным своим называла,
Беззащитно-бесстрастно – "простимся" своё обронила.

Его след – была ей сетью, а тень его – той тетивою,
 Без которой мертвы – её стрелы... В разрыв в созвездье
 Приказав *отпустить*, но – и с той *удержать* мольбою,
 Что затмила в нём знание:

что – к жалости зов, что – к мести,

Перечеркнула две жизни – штрихом минуты.
 Речь бесконечных отказов – прервав на полслове,
 "Нет!" – он воскликнул и сжал так отчаянно губы,
 Что в уголке их – блеснула капелька крови...

И, зачарована мукой, навек – несвободна,
 Я – преклонила колени, я – умоляла:
 "Духи Обмена, возьмите – всё, что угодно!
 Всё, чем *могла* обладать – и чего не узнала!

Всё, что *могло* стать венцом – ликованья и боли!
 Если не вдоволь, возьмите – об отданном жалость!
 Только отдайте мне с губ его капельку крови,
 Чтобы она – с *моею* кровью смешалась!"

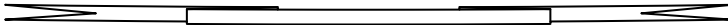
И, как недавно ещё – я сама отвечала,
 Но раскрывая – с прежним не схожие дали,
 "Что ж, обменяемся", – тихо судьба мне сказала,
 И отняла всё *до капли*... той, первой, капли...

Я не хочу вспоминать, что *своим* не зовётся.
Мне не придётся торги – начинать сначала.
Я – так ношу в моих жилах Единства солнце,
Словно со мною – всё, чем владеть мечтала.

Это и сладость, и вечных высот сиянье,
Это стремительность чувства – и, в то же время
(О, сочетание волшебное солнца и камня!), –
Чистый покой на душе, это лавы вторженья.

Сколько бы ран – изумлённая зависть чужая
Не нанесла мне, пока – в моих венах блуждает
Та, драгоценная, крови *желанной* капля,
Я не считаю – *собственной* капель, зная,
Что ни одна – для меня – *последней* не станет.

29 октября 2006 г.

Ученики Чародея

(по мотивам английской народной сказки)

В старинном замке, ограждённом валом,
Жил Чародей. Уж несколько веков
Основы Колдовства преподавал он,
И был среди его Учеников

Один – нетерпеливее всех прочих.
Узнать желал он всё – не в свой черёд:
Немедля! Сей же миг – не в час урочный!
Он втайне – дни и ночи напролёт

Мечтал, рискуя напроць – сна лишиться
От боли предвкушения в груди,
С могуществом Наставника сравниться,
А лучше – то и вовсе превзойти.

Взгляд подняв и о том роняя вздохи,
Что не раскрыт – Учителя секрет,
Он, замечтавшись, пропускал уроки,
Что на вопросы – дали бы ответ.

Кто жаждет блеска – тем скучна изнанка.
...В леса – на сбор для зелий нужных трав
Однажды Чародей ушёл из замка,
Ученикам своим – задание дав:

Усиьем воли – над землёй подняться
На расстояние трёх земных шагов.
Удачный способ – силой поравняться
Для юных магов! На Учеников

Взглянул Нетерпеливый... Как бумага,
Он побелел... Что с сил своих тут взять:
Вот одолел один – три должных шага...
Другой – уже четыре... Третий – пять!

Четвёртый – шесть! Нет, право, не по силам
Ему борьба (ведь свой науки час
Он упустил). Лицо склонив уныло,
В пустующий побрёл учебный класс...

Лишась своей мечтательной улыбки,
В покаях, полных духом Силы Слов,
Щелчком – тоскливо – он сбивал пылинки
С шаров хрустальных, мантий, колпаков...

Вдруг – он увидел, тень в углу минуя:
Тот, чьих так жаждут тайн Ученики,
На ключ не запер книгу кодовскую,
На фолианте – не закрыл замки!

Ликуя и жестоко задыхаясь
От нетерпенья, любопытством пьян,
Как зверь, что из неволи вырываясь,
Вдруг *разгадал*, как сложен – был капкан,

Листал в восторге Ученик страницы,
Шуршащие, как демона крыло.
"Теперь – что пожелаю, сможет сбыться!
Теперь – я маг и бог! *вот повезло!*

Теперь, моё услышав имя, станут
О лучшем вспоминать Ученике.
Теперь..." И он, пока другие – рьяно
Трудились над заданьем, в цветнике,

Волшебный том держа – как все богатства
В миру, на камень сел, как на престол,
И, не прошло ещё и получаса,
Желанное заклинье нашёл.

"Чтоб устремиться небесам навстречу,
Взметнуться искрой – не уснуть в золе,
Скажи над этой книгою: "*Высь – вечна*", –
И позабудешь тут же о земле".

Расправил Ученик довольно плечи,
Представив, как прилежных – он затмит!
Промолвил над страницами: "*Высь – вечна!*" –
И вот уже над замком он летит!!!

Как показалось, небо подчинивший,
От всех освободившийся цепей,

Он вскрикивал с восторгом: "Выше! Выше!" –
И к солнцу устремлялся всё быстрее.

Взлетел туда, где птицы только – реют,
И стало страшно – под ноги взглянуть.
Он ощутил, что высь – уже большее
Мечтаний прежних – сдавливая грудь,

Дыханье – ветер облачный стесняет.
"Довольно – вверх! Теперь, пожалуй, вспять...
Сказал я, вниз!" – и понял, что не знает,
Как чары взлёта насланные снять.

Как сделал по земле бы шаг попятный,
Взболтнул ногами... Тщетные труды.
"На помощь, кто-нибудь!!! Хочу обратно!!!
С меня довольно – этой высоты!!!!!"

Затянутый на дно – небес провалом,
Дышал всё реже – бедный Ученик,
Слабее и слабей – на помощь звал он,
Но всё ж другой – слышал этот крик.

– "Приятель, что с тобою приключилось?!
Как разорвал все связи ты с землёй?!"
– "Там – колдовская книга... Сделай милость,
Найди заклатье, что сказал я, в той,

И прочитай снимающие чары
Слова, не то – я кану в высоту
Навек! Спаси меня – от этой кары!"
– "Держись! Не бойся! Всё – сейчас найду!

Скажи мне поскорей, пока не поздно,
Пока твой голос – ветер не затмил,
Какое заклинанье произнёс ты?"
– "Высь – вечна". – "Как? – второй переспросил. –

Высь – вечна?" И, едва понять успевший,
Какую он оплошность совершил,
Без тени возвращения надежды
Сам – поднялся до старых древ вершин.

Так в высоту и мчались – двое взмывших,
 С отчаяньем в распахнутых очах
 Испуганные два *"не надо – выше!"*,
 Едва дыша, напрасно бормоча...

Когда б Наставник – не успел вернуться
 И не подставил им своё крыло,
 Иль ветром – им пришлось бы захлебнуться,
 Иль неизбежно – солнце б их сожгло.

— /// — / / / —

Мечтая о волшебной Чувства власти,
 Со складкою упрямства на челе –
 Сказала: "Не от бед и не от счастья
 Я не хочу уроков – *на земле!*"

И, лишь судьба – опасный шанс дала мне,
 Покинув всех других Учеников,
 От них, иным путём упедших, втайне,
 Чтоб над землёй – подняться высоко,

Не зная: непокорна – будет сила,
 Гордясь находкой, как звездой в горсти,
 Перед своей душой – идеей раскрыла
 Я книгу колдовскую: "Вот, прочти".

И так остры – ветров стальные стрелы,
 И так горяч – круг солнечных вершин...
 Ты вовремя – *вернуть* меня сумел бы
 На землю, но... На зов мой поспешив –

Искать разгадку ("что ты натворила?!"),
 Как в пламя – устремить обратно дым,
 Твоя душа – заклятье повторила,
 Вслед за которым – взлёт необратим.

Ответить не спешит никто моленью
 Зовущих, домечтавшись до беды,
 "Сюда! на помощь! я – хочу на землю!
 Мне *слишком много* – этой высоты!"

И до светил сжигающих – уж малость,
 А паре доигравшихся детей,
 Беспомощно вздыхая, ждать осталось,
 Когда вернётся – мудрый Чародей.

7 и 8 января 2007 г.

Синие Крылья Икара

поэма одного полёта

И в дальний блеск душа лететь готова,
Не трепетом, а радостью объята,
Как будто это чувство ей не ново,
А сладостно уж грезилося когда-то.
Афанасий Фет ("Горное Ущелье")

1.

Дар подниматься над землёй
Есть у Счастливых. В чувствах волен,
И я – знал взлёты, но людской
Дух окрылённый – так устроен,

Что, горизонты одолев,
Глотнув иного кругозора,
К земле, к земле, всегда к земле –
Мы возвращаемся без спора.

Один неровный полукруг –
И вниз: как будто – в Тех, Кто Смеет,
Свободу перевесив, вдруг
В полёте – сердце каменеет.

О, эта тяготы звезда!
Стушение тяжести паренья!
К земле, к земле, к земле – всегда,
Стыдясь печально – пораженья.

За каждым о полёте сном,
Распятым ранними лучами,
За каждым прожитым рывком –
В простор, очерченный дымами,

Вторженьями в надмирный зной
С наивной верой: в нём – прохлада,
Сурово отданный землёй
Приказ скорейшего возврата.

Прожилки золота – и тлен.
Огонь души – и лёд смиренья.
К земле! – так и *самой земле*
Навязан крест повиновенья.

И ярок свод, но ярче – дол,
И от согласия – нет спаса.
Но я клянусь, что он пришёл,
Час королевского отказа!

Желанье высшего – не спесь.
Судите, но – я чужд неверья,
Что в мире с *Солнцем рядом* – есть
Иная сила притяженья.

Там, в сфере воплощенья снов,
Не ветер – Окрыленьем движет,
А Крылья – нитями ветров.
А значит: выше! выше! выше! –

И что-то, что – двуличьем цен
Брало, сломив мечты природу,
В Несбыточности Счастья плен, –
Вдруг отпускает на свободу.

И воздух – как насущный хлеб,
И свет – узоры в крыльях вяжет.
...*Достигнуть Солнца*, и – "к земле!"
Людское – больше не прикажет.

2.

Есть над миром – одна Высота:
Выше блага и выше чуда...
Нет у веса у крыльев – там...
Нет возврата к Земле – оттуда...

Там над каждою птицей – венец...
Там, отбросивший маску сомненья,
Изукрашен теньями небес,
Лик Прекрасных – не знает старенья...

Там – хлебнув позолот, не страшна
(Ибо страшно – лишь то, что *низко*)
Ни зияющих бездн глубина
И ни чувственных век трагизма.

Всё меняется там, на свету,
Чередуя – свои усилия:
Превращаются на лету
Крылья – в руки, а руки – в крылья.

Там душа – лишь полётом жива,
В чистом, облачном, царском платье.
Имя той Высоте – Синева,
Воплощенье Мечты о Счастье...

Всё, что знаю, о том говорит,
Не тая – приближёнью условия,
Что на той Высоте – царит
Притяженье к подобью – подобья.

Это значит, *Душа, мой Дедал*,
Не выкладывай лестницы – лунью,
Не выстраивай в небо – моста,
Но окрась мои крылья *лазурью*.

Их сама – привлечёт Высота!
Чем о Счастье над всем превосходства –
Окрылённая – *выше* мечта,
Тем теплей ей – от света Солнца.

Синевы! Ожиданий барьер
Первый ветер лазурный сломит:
Вознесёт, на пшеничный манер
Мягко пряди мои *рассоломив*,

Бросит к Солнцу в объятья, дав
Надышаться огнём безумий!
Различить ли, Душа-Дедал:
Трепет крыл – или сердца?! *Лазури!!!*

3.

Я звал, и отклик был – так скоро дан,
Как всё, что к жизни призвано спасенью.
Затем, чтоб затянуть в шелка мой стан,
Спускается небес лазурь на землю...

То в пламени – крутой сапфирный скат
С вершин румянца, то – морей легенда
И чей-то нестерпимо-синий взгляд...
И утро – до кровавого рассвета...

Дух лазурита – в стуж хрустальный звон...
Чернил оттенок, пишущих заклатье...
Начальный жажды проблеск – утолён:
Крылат! Теперь я сам – *Мечта о счастье*.

Кто крыл моих не смог увидеть взмах,
Как бросится навстречу, обнадёжен,
В пшеничных приметивший полях
Цветок, с моим пером упавшим схожий!

Волна свечения – от плеча – к руке...
Влечение к перламутра перепутьям...
Рай: думая о клетках на замке,
Не чувствовать, лучи – подобны прутьям!

У ангелов, не только у птенцов,
Есть первые полёты над землею.
Когда не сам лишь – горизонта шов,
И Синь – мерцает тёмною чертою,

Как будто бы смеркается вдали,
А мне – дорога в Даль, и нет обхода,
Бог ангелов и птиц, храни, храни
Лазурный жемчуг первого полёта!

По ангелов молитвам и птенцов –
Да будут полотном стремленье власти
(Колосьев – нет, но сколько васильков!)
Расправлены крыла – *Мечты о счастье*.

Да будут чувства сильные – сильней,
Зенит – родней по духу и по крови.
Я верю, верю: не к земле – *ко мне*
Простёрты Солнца жаркие ладони!

4.

В то, что я – крылат, легко и трудно
Верить – разом: каждый пробный взмах –
Это – полудетское "как будто",
"*Словно*", разнесённое в лучах...

Прежде чем пройти – ко света краю,
Пробую крыла – в наземной мгле,
Словно – невидимок пробуждаю,
Чтобы вновь – баюкать на крыле...

Сам гляжу – недремлюще иль сонно,
Не пойму (прозрачная смола
Предвкушенья радости): так, *словно*
Небо – затянуло зеркала.

Не пойму, что ждёт – что миновало,
Словно – слеп к приметам золотым:
Солнце – пред грозой иль перед балом
Всех светил? "Любым приму, любым!"

На ветру весеннее весенних
Протираю взор с каймою льнов –
Словно не от дрём моих последних,
А от первых нежных облаков.

Я – ребёнок Будущего Горя
И стрела живая в жёлтый диск.
В небе – за моё взросленье спорят
Стая чёрных птиц и белых птиц.

Я – смотрю в их мир, в их горний морок,
Словно ДО пути – уже вдали.
И никто не верит в тихий шорох
Стоп моих, коснувшихся земли.

5.

...И – в лазурный провал!
Время сладости воли полыни,
Крылья – сплошь Синева.
Небо – сплошь – Синева: Синь на Сини.

Горизонта кайма –
Отступает, хоть с нею – не спорю.
Синева... Синева...
Синева пред самой Синевою.

Ничего – обо мне:
Здесь, где выдох – как ветер пустыни,
Синева в Синеве,
Что простёрлась от Сини до Сини,

За единство с судьбой
Битва, крыльев просящая следа,
Синевы с Синевою,
Синевы неземная победа.

Переведший едва
Дух, глотаю волну прилива:
"Синева... Синева..." –
Чище стопа и гуще дыма.

Как не льнут тени две
Тел влюблённых – друг к другу, никнет
Синева к Синеве!
Полрывка – и над сердцем вспыхнет

Сердце Солнца в чаду,
Не причастном ни стуже, ни зною,
Любованья в бреду
Синевы – Синевою...

6.

Ввысь! В пышные свечения сутробы –
Ребёнком с облаками на плечах!
Одним изнеможением истомы
Всё выместить: надежду, смелость, страх!..

Ввысь! (Облаками с плеч – и льном на плечи –
Движеньем чутких по-воде-кругов –
Сапфирное щебечущее "вечно",
Пронзённое распятыями ветров!) –

Туда, где дышат – зăвеси на ладан,
Фата-Морганы – строятся в ряды...
Ввысь! Наречённым Сбыточности братом –
Навстречу Воплощению Мечты!

7.

С облаков – ни единого слепка:
Неповторимости стая!
Грани – вполнеба.
Крылья – от края до края:

Чащами света!
Жарко, свежо и дивно.
Солнце – вполнеба!
...Есть другая его половина.

8.

Навсегда... навсегда...
Это мир вне Вселенной – или
Синева?.. Синева...
Нет возврата к земле – от Сини.

Сквозь Эдема листву –
Синевою попутного ветра –
В Синеву, в Синеву
Уходящая Синь запрета!

Бездорожье – тропа,
Но Ничто – стережёт подходы.
Синева... Синева...
Восхитительный плен свободы!!!

Чтоб не отняло Время – дар
Окрыленья, пускай – сольются
С Синевою небес навсегда
Эти крылья: в лазурные русла –

Навсегда... навсегда...
 Так, как Солнце – в себя не верит,
 Я поверил, что есть Высота,
 Где о счастье мечта – не меркнет.

Подчиняя родству
 С ним – всё то, что я есть, победно –
 В Синеву, в Синеву!
 Без боязни, что можно – *бесследно...*

9.

Солнце, вóт я! Кристалл для огня
 Разгляди во мне (радуги лента –
 Через грудь, как примета, что я –
 Не посредник – наследник света!).

В этот день – с самой ранней зари,
 Как в присвоенный час господень,
 У меня – было небо внутри:
Небо – вместо крови и плоти!

Шёл – а душу – держал *на весу*,
 И теперь – о земле ни вздоха!
Выше!!! Солнце, признай, мне к лицу
 Поднебесья лазурная тога.

Восхищённый звездой в Синеве,
 Прежде, чем – век свечу задует,
 В знак почтения – мысленно мне
 Пусть не руку – *крыло* поцелует

(След лазури – на тёплых губах...)
 Счастье! – бегство из серого круга,
 И пускай – лишь на крыльев взмах...
 Всюду – будто бы нимбы из пуха:

Счастье! – этот *Всему Закон*,
 Этот ужас: вдруг нить – оборвётся,
 Полубог, полусон, полустон,
 Полуптица – и вечное Солнце!

Жар – повсюду: куда – отступить?!
 Чтоб не сделать из сердца – камня –
 И от Солнца – глаза оторвать,
 Где такой – рай найти любованья?!

Счастье. *Выше!!!* Лететь, не парить,
 Рассыпаться внутри – васильками,
 Надышаться лазурью спешить –
 И не грудью дышать, но крылами!

Солнце, быть на земле, где суров
 Взгляд *Исходов* – на грёз *Начала*,
 Лишь твоим – так умел я, чтоб
 В небесах – лишь моим ты стало.

Ты моих не узнало черт?
 Оставайся – среди невинных,
 Не корю: так достоинства свет
 Изменяет черты Счастливых!

И *твоих* перемен – Предел.
 Ты, хоть искренна – взгляда молитва,
Обжигает – несходством с тем
 Солнцем, что – мне с земли было видно.

Тот ли образ – пылал, маня
 Высшим грёзам – служить беззаветно?
 Солнце! *Близкое!* Прежде – тебя
 Я не видел *вблизи*. Ты ли это?

10.

Сны... о тех Возвышеньях сны,
 Что наградами – губят, *мимо...*
 И тогда – полноты, пустоты
 Сердца – чувство внутри, всё едино!

Говорят, прежде чем – под уклон
 Жизнь пойдёт и итоги распишет
 Кровью, тот, кто уже обречён,
 Над собой – крыльев хлопанье слышит...

Это, жажду судьбы утолив,
Утомившись от ветра встречного,
Улетает Хранитель с земли,
Чтобы в небе – встречать Подопечного...

Неспроста – показалось на миг
В этих заревах, жилы плавящихся:
Слышу – крыльев напев не моих,
А *при жизни* – меня покидающих...

11.

Сквозь гортанный погони клик
Прорывается помысла нота:
Для Героя, что Солнце настиг,
Выше Солнца должно быть что-то...

Значит, не о чем – тем скорбеть,
Кто, в лазурях – объят небесами,
Яркий делает выбор: сгореть,
Обвив Счастье – руками... *крылами*...

От заслуженных взлётом прав
Обезуметь – и *вверх* бесцельно
Падать, Солнце к груди прижав,
Как цветок, чья пыльца – смертельна...

12.

Когда я мог – о Счастье грёзам верность
Вознаградить – и смертность превозмочь,
Сказало Солнце: "Видана ли дерзость?
Мальчишка, руки прочь – и крылья прочь!

Напрасно бегство – из земных застенков,
Но твой самообман – ещё с тобой:
"Всё меркнет, да, но чёрный – тот оттенок,
Что ярче – отливает *Синевой!*"

Обманывайся, но – ни взмахом ближе
Ко мне, оставь пустой – надежд суму.
Тебе решать, отступишь иль сгоришь ты,
Но знай, что я – тебя не обниму,

Удерживать – не стану над землёю.
Ты упадёшь – в расщелину веков,
И кто утрёт – в агонии – рукою
Твои уста – от пены облаков?

Твои лазурны крылья, дерзкий мальчик,
Но выпцветает взор: близка – беда;
Чем выше ты, тем цвет очей прозрачней –
И сами брови: миг – и слепота.

Прозрей! – да как душа – представить смела,
Без спросу – примеряя мой венец,
Что не Крылатых – создал – Бог для Неба,
А Небо – для Крылатых?! О, гордец!

Ты взял своё, с тебя – довольно неба.
Хотя – в седой бессолнечной юдоли –
Ты – *узник* на земле, земля – для плена
Пригодней твоего, чем высь – для воли.

В душою завладевшей Синеве,
Которой грани чувств – едва касались,
Мои глаза – *мерещились* тебе,
Но никогда – к тебе не обращались.

А ты... решил, распахнут зал мой тронный
Для всех крылатых? что приму – прощая
За смертность, да и выше – званый? полно!"
Так Солнце говорило, полыхая,

И делалось торжественней и ярче,
Надменной, чем до близкой нашей Встречи...
И всё ж – мне показалось: Солнце *плачет*,
Произнося – те пламенные речи...

Я падал вместе с той капелью лав,
Его слезами, шёпота рекою:
"Мне тучи застыт взор – иль то зола
Твоих, несчастный, крыл, сожжённых мною?.."

13.

Расплескать в позолоте огня
Перьями – сини позёмки,
Я раскрыл мои крылья: окна,
В ночь души выходящего, створки.

Выше! Выше – на клятвы слог
Не Крылатым – самим Полётом
Быть: затем, чтобы Солнце – легло
На ладонь мою – сорванным плодом!

Отчего же я плачу (со щёк –
Искры), в небо – взмывая плавно:
Оттого, что глазам – горячо?
Оттого, что душа – озябла?

Кто для Солнца – глупец иль герой,
Возомнивший, "такие – не меркнут",
Я, поспоривший – с Высотой,
Не имеет значенья: *отвергнут...*

Высота – размыкает края:
"Падай, не будет – удачи..."
И теперь – не "она" и "я",
Но "она или я", не иначе.

С неба... на каменный плац...
В мир, где фонтаном взорвётся
В глубине моих выплывших глаз
Отраженье далёкого Солнца...

14.

Ждал ли: неба отвес – так крут!..
Опрокинутый в дьявольском вальсе,
На несметность воздушных рук
Я откинулся в белом пространстве,

Искрой в ливне себя ощутив.
И на пытку минуты долгой,
Тонких нитей предвидя разрыв,
Я на ленте завис пережжённой.

– "Ты казалось другим вдали,
Солнце..." – "Значит, *на благо* – разлука;
Чем быстрее – ты коснёшься земли,
Тем скорее – закончится мука".

15.

Ещё один – вослед – лучей поток,
Последний знак вниманья – от Светила!..
Чтоб тем, кто мной преподанный урок
Увидев – не усвоил, завтра – было

Невыносимо слаще и больней
Увидеть: стая – к небесам взвѣётся,
Огнѣм минувшей дерзости моей –
Гори, моё потерянное Солнце!

Рывками крыл – исчерпанный азарт...
Далѣкое – величие святыни...
Боюсь возненавидеть небеса
За собственную слабость перед ними!

Нет! я силѣн, должно быть, если Свод
Задел лишь – и – *твоя самозащита!!!*
Должно быть, крыльев взмаха одного
Мне не хватило – только! – до Зенита.

Смешались Высоты добро и зло...
Но, видишь, яви – размыкая звенья,
Сожгло Мечту, а всё ж – *не превзошло (!!!)*
Еѣ, Мечты, Без-Мига-Воплощенье...

Мечта – собою будет – и на дне
Озноба, хоть у самого Светила –
Становится нежданно-холодней
От вымещенья внутреннего пыла...

Бросок, порыв – да имя Солнца вслух,
Не более – мольбы улыбки тронной,
И вот уж ледяное пламя рук –
Бледнее стужи крыльев раскалённой.

16.

Раскалённый песок – часы
Берегут: будет *горсть* – для могилы.
Время огненной Солнца грозы...
Безостаточно плаваются жилы.

Настигает дыхание тишь...
Всё в орнаментах лавы наплыва...
Говорившие мне "ты сгоришь!" –
Усмехнулись победно и криво.

Странный луч, первых слёз преломлён
Изнурённым, неловким бегом,
Что, не сбывшись, померкнет мой сон,
Пишет тяжестью алой по векам.

Слыша в собственном крике грудном
Предсказание вечных затиший,
Драгоценным объятый огнём,
Я вздымался всё выше и выше.

Намечался в крылах – надлом,
А свернуть – было горько и поздно.
Солнце – руки свои отвело
И смотрело в глаза мне так *грозно*.

Горизонты – подёрнул дым...
Тшш! себе – не давать отчёта,
В чём отличие Полёта Беды
От искомого Счастья Полёта!..

Не шепнуть вполразжатья губ,
Чаш ветров осушивших немало,
Что предвидело сердце: триумф?
Безутешное горе Дедала?

Я летел, растворяясь в рывках,
То, как прежде, спеша – то медля...
Принимали вокруг облака
Очертанья людского сомненья:

"Цель – близка?" И ни высь, ни земля
Не простили минутной измены.
Я запомнил зарницу огня
И слепую безудержность крена.

Мне казалось, я в *жернове* мчусь,
Осыпавший прахом – мгновенья.
Я не знаю, какое из чувств
Тёмной искрой – загло мои перья.

И я понял, вверху – стена,
А внизу – лишь догадок обвалы:
Что там, в бездне, – морская волна
Или пасть обнажившие скалы?

Высоко над ненужной землёй –
Напоследок (в надежде – следа!)
Я вдохнул ароматный огонь
Подношений бессмертию света.

Идол Солнца – меня подчинил...
Но, когда обрывалось дыханье,
Догорающих всплесками крыл –
Я *ударил* его на прощанье!

Я ударил его, говоря:
"Тех, кто любит, сломить – непросто;
Или ветер с земли – до тебя
Не доносит – моё *превосходство*?"

Ты с клинком заигралось, дитя!
На тебя – взгляды млада и стара
Обращаться столетья спустя
Будут с грёзой – о *крыльях Икара*..."

17.

Обожжённый – ничком с вершин,
Оставляющий сердце – снаружи...
Солнце, сколько *моей* души
В ярких недрах твоих бездуший!

Даже в день проливного дождя,
В день тумана палитры камня –
Так отчётливо видел тебя
Я сквозь пар моего дыхания,

Сквозь любое озёрное дно,
Сквозь оконную щель – втихомолку...
Но нежнее и ближе всего –
Сквозь мою золотистую чёлку.

Невозможному наперекор –
Существуют – мечты без запрета!
Солнце, чем – твой сверкающий взор
Не огонь моих глаз цвета неба?!

На замену всего, что дано,
Что со мной – от Земли и от Бога,
Я хотел – одного, одного,
Одного: не бояться ожога.

Не с тобой разделить твой трон –
Лишь ладонь положить в твою руку.
И теперь, обожжён... нет – *сожжён*,
Не хочу – поддаваться испугу...

Но всё то, что в себе изменил, –
Яд не меньше, чем кубок – *легенда*.
Синева моих глаз, моих крыл...
И внезапно – оттенки пепла!..

18.

Склонись, *живое Солнце*, надо мной.
Теперь – уж *можно*: дерзость – миновала.
Своею драгоценною рукой –
Прозрачней, многограннее кристалла –

Прощенья плед уютно подоткни:
Разлуки чувство, вставшее меж нами, –
Сон в гамаке, подвешенном в тени
Меж тёмными цветущими ветвями.

Взгляни в лицо! не знает ни одна
Моя черта – рубца ожесточенья:
Как *бережно* – тобою сожжена
Мечта о *взлёте к Счастью* – без паденья!

О, тишина не дрогнувшей пыли...
Покой травы, целебных полной соков...
Нет ужаса – в касании земли,
Как будто нет и муки всех ожогов,

Как будто не разбит на звёзды пульс,
Не обратилось ложе – алой топью.
Я только одного – теперь боюсь:
Внутри, под пеплом, под горячей кровью,

Остыть, прощённый – именем огня.
Алтарь возводит ревность – в ранах-нишах:
Моё святое Солнце, лишь меня
Простило – или – всех – тебе дерзивших?

Ты, верно, многих, приманив, сожжёшь,
Но лучше ли (и глубже, без сомненья,
Чем крылья подарившие) – поймёшь
Мою отвагу – в битвах Приближенья?!

Не перекрыт – доверия родник.
Твоим румянцем, Солнце, раны пышут.
Как гимн тебе, что искренней других,
Запомни это: "выше... выше... выше!.."

Где я – глаза прожжённые закрыл,
Сквозь камни – синева цветов пробьётся.
Не из своих – *моих* последних сил –
Пылай, моё потерянное Солнце!

Ступаются ночных цветов огни...
Зачем ты отступаешь – так несмело?
Я до паденья – был растерзан, и
Всё, что терзал Зенит, в нём – отболело.

Таких – не делают ризы меж людьми
За гранями лазурного порога...

"Твоя пора, земля, своё возьми.
Мой взлёт – тебе оставил так немного".

19.

Говорит Солнце.

Лишь на миг – взгляд во взгляд.
Никого, никогда – на замену!
Роковой бриллиант,
Я клянусь – мне назначивших цену.

Как сложилось в веках,
Так продлится – от грёзы до правды:
На горячих камнях
Подношения мне – так богаты.

И, далёкий кумир,
Самоцветы вплету в мои кудри,
Но холодный сапфир –
Не заменит мне вспышек лазури,

Рок меня оградил
Неизбывным родством с Синевой –
От касания крыл
Не боровшихся с тягой земною,

Лава – рушится в щель
Горизонта: никто – мне не пара.
Мы одно – и теперь:
Я и раненный образ Икара.

Не моё, но – дано?!
Кистью, амброй небес напоённой,
Тонкий профиль его
Я рисую на бездне озёрной.

И в безоблачный день –
Я не верю, что светлая сила –
Тó в моей высоте,
Что прельстило его, приманило.

Нет, себя не корю,
Но печали – не будет предела:

*Я для многих горю,
Потому что с одним – не сгорело.*

Помня крыльев напор,
Веки, что – безнадёжно-усталы,
Влажный русский пробор
И сухие дыханья провалы,

Утешенья родник
Заслоняя и камнем, и пеплом, –
*Я сожгу и других,
Мстя себе – за того, кто был первым.*

В каждом трепетном сне
О величье сожжённого Дара –
Я ревную к луне
Серебристые очи Икара.

И затмения мои –
Осыпают вселенские копи:
Так же – люди земли
В скорби час – прячут лица в ладони.

Никого – ни вдали,
Ни в душе: воли – полная чара.
Мы навеки одни:
Я – и хрупкое сердце Икара.

Мы – Героям Потерь
Отправляем бессменную требу.
Мы слились в Высоте:
Я – и руки Икаровы к небу.

В этом мире, золу
Растеревшем – в перстах неуютя,
Я – Ребёнок в углу,
Но горю отраженьями Чуда –

Не костёр, не звезда:
Отголосок чужого пожара.
...Мы одно навсегда:
Я – и синие крылья Икара.

Вместо Посвящения

Я люблю тебя и небо,
Только небо и тебя.

Афанасий Фет

Прислужницы – не ходят за тобой:
Ни в чём и никогда – не будешь слабым.
И потому – не правою рукой
Тебе – *крылом* бы стать хотела правым.

О, если б мне возможность эту дал!
Как по Зениту, самым смелым дару,
Икар до чувства крыльев тосковал...
И как скучает Солнце – по Икару,

По ней скучаю (разве силы – зря
Даны: так вознести, чтоб не снижалось
Ни планки поднебесного огня?!).
...Хвала всему, чему благодаря
Для крыльев – *близны* не отыскалось!

Мне жаль, мне остро жаль, что не всегда,
Как ни трактуй любимую легенду,
Цена, какой другим – далась Мечта,
Для нас подходит – хоть бы на монету.

Когда бы можно было повторить
Сюжет, одним поэмам – ставший тесным,
Моя душа – смогла бы послужить
Крылом крылу – пред пламенем небесным...

Напоминать о казни золотой
Не нужно, ведь без кары или с карой,
Так иль иначе – станет всё золой...
Так пусть, хотя б, – золою *легендарной*.

14 мая – 5 июня 2007 г.

редакция и стихотворение "Вместо Посвящения" –

7 ноября 2007 г.

Алмазный Пёс

Дэвиду Боуи

I. (Наш Хозяин)

Что за свет в щели дверной?
Кто там, над пургами?
В детстве вас – его зимой
Нянюшки пугали.

Он клеймит снегов неон
Полночами звёздными.
Он атласный свой камзол
Усыпает блёстками,

Путь мостит безумцам – льдом.
Слуги, вы так грозны,
Дайте кубок – тот, в каком,
Поднимая тосты

За его объятий дрожь,
Пьющий – дна не чует, –
Тем, кто в наши сны не вхож:
Тем, кто существует.

Он завоюет на луну –
И пурга немеет.
Выпьем же и мы – за ту,
Что в него поверит.

ночь 11 – 12 июня 1997 г.

II.

– Ну же, вспомни, это было когда-то...
– До начала отсчёта веков.
– Где-то...
– На заснеженном плато
Под созвездием Гончих Псов.
– С кем-то...
– С прекрасным созданием,
Изо льда сотворённым.
– Тебе
Говорило оно...

– "Час прощанья.
Свидимся – на Земле".

25 ноября 1997 г.

III.

Зймы, любовь счастливых
Мыслей моих! Венец
Странствий под небом! Зймы! –
Сквозь непроглядный блеск

Видя, что я – замёрзла
В городе птиц седых,
Вьюга, алмазный пёс мой,
Ляжет у ног моих.

Вой на бесцветность мерцанья
Недостижимых звёзд
Улиц прервёт молчанье.
Лёгкий пушистый хвост

В чёрном просторе безбрежном
Ляжет, как путь слепых.
Пёс лизнёт мои руки нежно
И оставит алмазы на них,

Белой шерстью меня завьюжит,
Усыпит, наведя огоньки.
И в того, кто покой мой нарушит,
Он вонзит ледяные клыки.

ночь с ноября на декабрь 1996 г.
редакция 21.10.2003 г.

IV.

Снежный пёс, бриллиантов бурана
Порожденье, опасен и тих,
Мне зализывал давние раны...
И внезапно – он впился в них!

Мыслей жар о любви и о смерти
Стал ознобом, и я – дрожу,
Я в алмазной запуталась шерсти,
В драгоценной пыли – чуть дышу.

Нет, я плачу совсем не от злости,
Не от счастья, не от тоски,
Тело предав в алмазные когти,
Бриллиантовые клыки,

Разрывающий вихрь боли:
Лучик жизни уже погас.
Но каратами с привкусом соли
Брызжет взгляд бриллиантовых глаз,

Из ювелирного горла
Рвётся алмазный стон,
И я плачу – тихо и горько –
Потому лишь, что плачет – он.

ночь 25 – 26 декабря 1996 г.

V.

Пёс мой алмазный – впился
В душу мне вьюги клыком,
Кровь застудил – и скрылся
В городе синем, ночном.

И мне нужно – совсем немного:
Чтобы жила Мечта.
– "Вы не видели снежного дога?
Не бежал ли – по бритвам льда?"

Мне так нужно – немного бреда
Самых *зимних*, безумных снов.
– "Дог? А какого он цвета?
– Цвета самих холодов".

О, мне не нужно всё сразу! –
Я могу перестать быть собой!
– "Знаете цвет алмазов?
– Да. – Он был точно такой".

На лице Незнакомца – созвездий
Пыль сияет, когтиста рука,
Драгоценной, невиданной шерсти
Он мерцанье укрыл под шелка.

Я смотрю. Я смеюсь. Я устала –
И покончить пора с игрой.
"Я ведь сразу тебя узнала.
А теперь – пойдём-ка Домой".

И уходим мы Снежной Дорогой,
Не оставляя следа.
Нам обоим – так нужно немного:
Чтобы жила Мечта.

ночь 25 – 26 декабря 1996 г.

VI.

Мы пришли сюда, гости случайные,
Холодной и злой зимой.
В глазах наших – боль и отчаянье
Дрожащей стоят пеленой.

Мы сложили надежды робкие
Чувств опорами – и подожгли,
Сломленные и растоптанные
Созданиями Земли.

Не из Будущего, не из Прошлого,
Не из Света и не из Тьмы,
Мы, чистые – и совсем замёрзшие,
Стали снегом этой зимы.

Наши души – кристаллы прозрачные,
Наше небо – пепел и прах.
Мы, придя в места эти злачные,
Держим мир – в тонких белых руках

И серебром расшитые
Роняем свои платки.

Мы вряд ли воскреснем, убитые
Небрежным движеньем пурги.

За что нам просить прощения?
За что эта боль дана?!
Но взгляни-ка: освобождением
Сегодня – приходит Весна.

И, не поверив ни в Бога, ни в Дьявола,
Не причастны Добру и Злу, –
Мы – лужицы снега талого,
Словно кровь на паркетном полу.

ночь 27 – 28 декабря 1996 г.

Прялка

Не будь веретеном, нить оборвавшим.
ночь 12 – 13 декабря 2006 г., услышанное во сне

Стучите в закрытые ставни –
Не выйду! В ваш мир – не войду!
Весь день и всю ночь – непрестанно –
Судьбу я для Друга пряду.
 Чтоб было крови моей – жарко,
 Чтоб мысли мои остудить,
 Верти колесо, моя прялка,
 Веди свою алую нить.
Серебряны очи у Друга,
В серебряных бездны очах.
Уста роковые у Друга,
Заря на парчовых устах.
 Лицом – в пряди светлые Друга –
 Как в ворох травы-белены!
 Ладонью – к руке белой Друга –
 Как сердцем – в замёрзшие льны!
Любви сожжена исступленьем,
Золой бы – в тех омут горстей!
Но он – отвечал мне с презреньем:
"Уж лучше я буду – ничей".
 Надежда, всходящая шатко
 По стрелам, себя не пади.
 Верти колесо, моя прялка,
 Да алую нитку веди.
В отчаянья путях слабея,
В глубь тёмную чащи лесной
Пришла я к слепой ворожее –
Услышать совет колдовской.
 Гранатовым зельем плеснула
 Старуха на пламени след.
 "Совет! – еле слышно вздохнула. –
 Меня – и мудрейших совет,
Когда я была – тебя младше,
От горя любви не сберёг.
Но вот – лён багровый на пряжу:
Пряди – и *распутаеть* рок.

Задумай, чему – сбыться должно,
На волю – желанье пусти,
За прялку садись у окошка
И алую нитку веدي.

Веди – от луны и до солнца,
Не пей – сна и дрёмы вино.
Как только та нить оборвётся,
Узнаешь сама: *свершено*".

Верти колесо, моя прялка,
Вздыхая с жужжаньем глухим.
Сказала над пряжей стократно:
"Ты будешь, ты будешь моим!"

От дерзости той – побледнела,
Огни засверкали очей!

Но эхом мне – прялка запела:
"Ты будешь, ты будешь ничей!"

– "Ты будешь моим!" – я велела,
От спиц – потянулся уж дым...
Но нить колдовская звенела:
"Не будешь, не будешь ничьим!"

С желаньями спорила прялка,
С судьбой – пререкалась и нить.
И я – вдруг признала, что сладко
Мне это "ничей" повторить.

И прокляла прежние грёзы,
И стала шептать всё смелей –
От сдавленных слёз безголосо –
"Ты будешь, ты будешь ничей!"

Как взятый в кольцо – белым камнем,
Келейный на плечи – взяв свод,

Пока не прервётся дыханье,

Пока твоя кровь не замрёт,

Горит ли душа твоя страстью,
От всякой ли муки чиста,
Отныне, слёз стоившей властью,
Ты будешь ничей – навсегда.

Купаю в пожарах проклятий,

Ни сна и ни дрёмы вина

Не тронув! Так путь твой мне ясен,

Как нить моей пряжи красна:

Будь слеп твой удел или ярок,
Всё – взято под эту узду

Кровавую: тысячей прялок
Я лён одиночеств пряду!
Я знаю, в них – станешь прекрасней:
Полмести – долой; бью – вторым
Крылом её. С миром прощайся:
Ты будешь, ты будешь – ничьим".
Из ран – яд пролился до капли.
Так вот она – с Бездною связь!
Вновь стук – в затворённые ставни,
И алая нить – порвалась.
– "Входите – без свеч: мне от света
Больнее, сама я – в огне".
– "Что случилось с тобою, соседка?
Засов – на дверях и окне.
Когда бы – ты нам не открыла
И нынче, в приют тишины
Решились войти бы мы силой,
Неведением изнурены".
– "И вправду, неведение – страшно.
Страшней – лишь за правду цена.
Насколько, кто первым мне скажет,
Черна моя, братья, вина?
Кто горе – вернее опишет?
Вы знаете все, в ком – мой свет;
Должно быть, он больше – не дышит?
В земле он уже или нет?"
– "В земле?! Он – в живых, бог с тобою!
Увы, он женой – взял тоску:
Все дни, что была ты в затворе,
Он плакал на берегу.
Сегодня – по инеям тонким,
Печалью своей ослеплён,
Ушёл он, не взяв и котомки.
Мы больше не знаем, где он".
За месяцем – месяцы стынут.
Черны в моих прядях венки.
Сегодня – в неволе камина
Сгорят коловские клубки.
Даст Бог умереть или жить мне –
Всё грусть: не жива – не мертва.
Прощайте, багровые нити,
Прощайте, крыла колдовства!

*Серебряны очи у Друга...
В серебряных бездны очах...
Уста роковые у Друга...
Заря на парчовых устах...*

*Лицом – в пряди светлые Друга –
Как в ворох травы-белены...
Ладонью – к руке белой Друга –
Как сердцем – в замёрзшие льны...*

И бремя навек неприступных

И близких навечно – одно.

Подайте воды мне, чтоб губы

Смочить – и сказать: "Свершено".

Душе моей – легче во мраке,

И сердцу – теплей в холода.

И проще, чем верному клятве,

Не быть мне ничьей – никогда.

13 января 2007 г.

Купава и Лель

Весенняя Поэма

(по мотивам пьесы А. Н. Островского "Снегурочка")

Нас объединяло то,
что наши ожидания и мечты не сбылись.
Орхан Памук, "Снег"

– Какая честь тебе, Пастух!
– Не мне, а Солнцу подобает эта честь.
А. Островский, "Снегурочка"

Говорит Купава.

I. Купава

Снегурочка.

Поди от нас, уйди подальше, Лель!
О чём же ты заплакал? Эти слёзы
О чём, скажи!

Лель.

Когда сама заплачешь,
Узнаешь ты, о чём и люди плачут.
"Снегурочка"

Купава.

Снегурочке без Леля будет скучно.

Мизгирь.

Да правда ли? Не веселей ли будет
Снегурочке со мной идти?

Купава.

А я-то?

Мизгирь.

А ты возьми хоть Леля.

"Снегурочка"

1. Капель в сумерках

Солнце склонилось, к исходу – и зиму клоня,
Вечер весенний – был вышит игрою свирели.

Мне привиделось, будто мой друг – уходил без меня
Далеко, за лилово-серебряный ливень капли.

В этом сне-и-не-сне я шагнула на ту из дорог,
Что вела к безутешности, ветер плетя бедовый,
Но увидела, что – на свирели играл пастушок,
Ласковым Богом Весны – обернуться готовый.

Голос цветочный – был у него, и он
Так мне сказал – в дольном своём поднебесье:
"Здравствуй, Купава. Сбудется вскоре твой сон.
Сбудется – вновь приходи мои слушать песни".

Ранен был взор мой – тонким и светлым лицом.
Ранена памятью, что – ушла, не касаясь
Мысленно. Тише! – под мира лиловым плащом
Сердце сумерек бьётся, мучительно разрываясь...

И вокруг – начинается то, чего быть не могло.
А капель – восклицает прерывисто: "Сладко, свежо ли?!..."
Сколько чистого снадобья – пролито для того,
Чтобы сумерек сердце – могло разорваться без боли...

Столько вод не пролила – те, кому кровь – вода,
Сколько те, кому – таль!
Нам бессмертники – стигбы обвяжут.
Лель ненаглядный, вместе пойдём – куда
Самые влажные ветви, шутя, укажут!

Я прислушалась к яви – и слышу мой вещий сон:
То, чего все вещуньи – мне рассказать не сумели.
Друг, я не знаю, чьи взоры теперь – закон.
Лель, я впервые – так слушала сердце капли.

Буря – близка. Чьё дыханье – мне слушать теперь?
Облаку или же туче – мне сделаться тенью?
Он – отпустил мои руки, прекрасный Лель,
Напиши своё имя на стылых ладонях – капелью.

В небе, зияющем – всеми провалами глаз
Ангельских, вьётся – эхо всех капель упавших,
Эхо, что голуби – слушали, в высь устремясь,
Больше, чем светлых голубок, для них ворковавших.

В небе, мерцающем так, что смотреть не могу,
Чтобы во славу – чаш не поднять бессонниц,
Первые мелкие звёзды в белом пуху –
Раны от злых поцелуев ревнивых горлиц.

2 марта 2007 г.

2. Хоровод

Собирайтесь, подруги, свирели игривой испить,
Эти мёду подобные реки – хмельны и нежны.
Поведём хоровод, чтобы солнце – в наш круг заключить,
Чтоб не вырвалось вновь – это первое солнце весны...

Собирайтесь, подруги, велик перед радостью долг,
Нетерпенье – в свирели напевах, упрям её зов:
Нас заждался уже – на лугу – юный Лель-пастушок,
Созывающий звёзды дневные и вир соловьёв.

Дайте руки мне, сёстры, держите близ солнца в кругу!
Стан подснежников вязью иль снегом последним осыпь,
Да не сможешь укрыть – от Весны, что царит на лугу,
Песни, смешанной с талью, по жилам идущую зыбь!

Пусть увидит наш Лель, что вольны мы – от стужи оков,
Что на лентах, вчера – небогатых, не счесть позолот!
В разметавшихся косах – поднимется смерч лепестков,
Как заплещется пена – в волнах. Поведём – хоровод!

Бусин цветных – так на нити хорош перестук!
Шелесты вышитых звёзд – рассыпает полёт!
– "Погляди на Купаву, Мизгирь, погляди, милый друг,
Погляди горячо – под лазоревый наигрыш тот!"

Но не видит жених, как трепещут Купавы уста,
И рука его подана – той, что его не зовёт:
Не былую невесту – девицу из белого льда
Отпускает за ним, распахнув свою власть, хоровод.

– "Ах, подруги, зачем отпустили – соперницу с ним?
От досады, мне сердце теснящей, дышать не могу.

...Показалось ли мне, что едино со взглядом моим
Меркнет печально – *свирельное солнце* в кругу?.."

28 и 29 января 2007 г.

3. Слёзы Леля

I.

Лель-пастушок, ты смеялся на талых лугах,
Ты – дая солнца играл, чтобы солнце – в кругу плясало!
Больно и дивно – видеть тебя – в слезах.
Лель беззаботный, тебя ли – в печали застала?

Стан твой весенний – в снежной пыли застыл.
Губы – желанное имя назвать не смели.
Лель, девичий угодник, неужто – и ты? и ты?!
Лель, ты – отвергнут?! Ах, проклята – песня свирели!

Дай мне вздохнуть – в этой грустной тени твоей.
Пляшут вдали, но меня – хоровод не закружит:
Руки подруг – обогреты руками друзей,
А мои – друг оставил холодными, брат мой по стуже.

Иней знакомый – твою покрывает ладонь.
Вещие, внешние – сны ль мои были неправы?
Я пришла, чтоб утешенной быть, но я плачу с тобой.
Чуждо ль свирели – горькое горе Купавы?!

Стелется ветер в зелёных дымах земель,
Мантия мёда – стекается в их низины.
Мёд – и сквозь камни! Мёда, прекрасный Лель!
Солоны слёзы, и дух – покидают силы.

Светлый Лель, моё Ладо, медовый течёт водопад
В каждой искорке имени (зов – из медовой капли!).
И за слёзы мои – я не знала ярчайших наград,
Чем душистый венок из напевов и стонов свирели.

Лель, ты молитва Весны о себе самой,
А молитве прекраснейшей – быть предназначено *слёзной*:
Только слезами политое – *вправе* – вновь
Расцвести в неземной чистоте в лучезарные вёсны!

Образ того, кто далёк, не покинул меня,
Сны, что жестоко развеяны, не – отболели...
Но – всё теплее, всё трепетней день ото дня –
Я вспоминаю того, кто играл на свирели.

29 и 30 января 2007 г.

II.

Мой Лель, твоя улыбка солона
От слёз: ни капли – сердце не уступит?!
Зима – была жестока, пусть Весна
Рукой твоей – Купаву приголубит.

Когда весенний бог – смеётся, с ним
Ликут золотые дни и ночи,
И кажется, вовек – не зная зим,
Цветёт земля, и пропасть – лут цветочный.

Когда весенний бог – печален, с ним
Горюет всё лучистое, и где-то
Над миром – чьё-то тщетное "тянись!!!",
И будто вечность – не было расцвета!

Но жерлами ресничными утрат,
Захлёстывая заревом – пустоты,
Всю боль людскую в мире – поглотят
Очей его серебряные воды.

– "Любовь одну – не исцелить другой,
Теряясь, где – забава, где – забота.
Весна – чиста душевной чистотой
О неутешном плачущего бога".

– "Любовь одну – не убережь, другой
Ответив, где – забота, где – забава".
Бог – весел вновь. Из полымя – в огонь.
В Весну – из жара. "Берегись, Купава!"

30 января 2007 г.

III.

Верю глазам, не веря:
Грезятся – встреч отрады?
К вешним слезинкам Леля –
Вёсны улыбки Купавы.

Россыпь соцветий хмеля –
Горстью – в трезвящие травы!
...К вешней улыбке Леля –
Вешние слёзы Купавы.

9 февраля 2007 г.

4. Вестовые Весны

Оклик свирели!!! Я – здесь.
Собраны – неба осколки.
Пой, моя вешняя месь,
В жилах моих, не умолкни!

Сладостен огнищ дым,
Полная болью свобода.
В Поруг Потерь – я с *другим*
Встану – в круту хоровода.

Весть о том, Вестовые Весны,
Разнесите к живущим неверьем!
Ослеплённые Солнца гонцы,
Преклоните колени пред Лелем!

Стрелы туч отпуская в ветра
Поднебесья, *согреты* их целью,
Поклонитесь, творцы Серебра,
Моему среброокому Лелю...

В мелком инее луговом
Руки горячие Леля.
Влажным горят серебром
Очи глубокие Леля.

Сном облаков – пред ним
Певчие птицы реют,

Мчатся весенние дни,
Хмурые чувства светлеют...

– "Лель мой, заря – так бела,
Не омрачить – и столетью.
Тень – в стороне. Я пришла.
Дай насладиться мне – мостью".

– "В первых лучей времена –
Высечен холода плетью.
Не отвечай мне, Весна,
Буду ли я – только мостью..."

– "Тот, кем мой мир – был разбит,
Брошен меж жизнью и смертью.
Кто он? Неужто – забыт?
Да. Я пришла – не за мостью".

20 апреля 2007 г.

5. * * * *

Во сне до Чуда время коротавшим –
Стал Чудом сон: миры извне – пусты.
И на чужую ревность колдовавшим –
Жаль обрывать волшебные цветы.

Моста искавшим – более не надо
Мостов, но любо в пропасть им смотреть.
О прежнем плакать – более не сладко...
А сладко – слёзы Лелю утереть.

апрель 2007 г. и 5 февраля 2008 г.

6. Весна, летящая в пропасть

Сапфирный луг – не горстью мелких рос,
А реками сверкания наполня,
Взглянуть пришла – вся Красота миров,
Средь многих солнц Вчера – своё Сегодня

Заметив, как искусный звездочёт,
В дыхании – заслышав предрешённость:

Его одежды край, его плечо –
Заденет дух весны, *летающей в пропасть*;

Тот ветер, что на бархат луговой
Задумчивых – игриво повергает,
Лицо осыплет – пылью золотой,
Одежды белой складки нарумянит.

О нём создания радости – в лучах
Уже на нежность ту, что век – безбрежна,
Поспорили: возникнет на губах
Горячая иль зябкая усмешка...

Свидетель незабвенной ставки той,
Обуздывая тщетно – сердца скорость,
Я чувствую – не страсть и не любовь:
Один порыв весны, *летающей в пропасть*...

Монетку "к возвращению" – на дно
Цветочных кубков! Сведущей в надмирном
Душою – в небеса волос его,
Рассыпанных на золоте сапфирном!

О том, влечение – капище иль храм,
Забуду ль гром – в висках и на запястьях,
Уж ежели гадать по лепесткам,
То лишь по тем, что тонут – в этих прядях!

Как ласково – лазурная смола
Связала дали и земли заклатья!
Неужто – столько света и тепла,
Святого искушения и счастья,

Чтоб из огня – не выхватить мотив
В последний миг, цветы – пронзить камнями,
Чтоб с горечью – дорогою уйти,
Мощёною – разбитыми сердцами?!

Был пьян вином из внешних трав каких,
Каким уроком и каким виденьем –
Бог, допустивший, дабы – новый миг
Очам души – грозил опустошеньем?!

27 ноября 2006 г.

7. Песня Вешнего Выбора

Весной – чуть шаг быстрее – и нить тонка
Особо – на канатном переходе;
Чуть медленней – и первая река
Умчит на бликах в омут – воли против.

Чуть глубже вдох – и неба вкус во рту,
Избыток зорь в крови – идёт щеками;
Поверхностнее чуть – и на ходу
Углами губ столкнёшься с облаками.

Чуть зорче взгляд – восторга полутьма
Рвёт мысли на сирени мокрой комья;
Рассеянное чуть – и даль сама
Придёт пересмотреть свои условия.

Чуть больше о земном – и, обхватив
За плечи, теснота – сведёт в ознобы;
Чуть о небесном больше – и поди
Да не сними с ночей – бессонниц пробы.

Воспримешь чуть острее жизнь – в мечту
В пять лезвий-палачей рука вопьётся;
Чуть легче – и когда, утратив, ту
Свободу вспомнишь – сердце разорвётся.

...Кто опьянён *Теплом* пришедшим, тем
От муки долга *выбора* – нет спасу.
Но ты – в своей *холодной Красоте* –
О том не знал – и получил *Всё Сразу*.

16 марта 2007 г.

II. Лель

Купава.

Насилу я нашла тебя, желанный!
 Не в глазки, нет, не в щёчки целовать, –
 У ног лежать, голубчик сизокрылый,
 У ног лежать должна Купава.

Лель.

Полно!

Да разве я не знал, какое сердце
 Куплю себе, тебя целуя. (...) *Снегурочка*,
 подслушивай почаще
 Горячие Купавы речи! Время
 Узнать тебе, как сердце говорит,
 Когда оно любовью загорится.

"Снегурочка"

1. Лель

Лель, от сомнений во власти последних – очнись!
 Тайным советником вёсен – не будешь дале!
 Сыплются всполохи *чутких* твоих ресниц
 Рябями света – на воду *чуткой* тали!

И стекаются всплески – в низины твоих земель,
 На коре буреломов – их сети лежат световые...
 Золотыми встряхни волосами, прекрасный Лель,
 Чтобы чары медовые – подняли духи лесные!

Ладана грош – на пригоршни лощины дно,
 Паром клубящимся – сон покидает берлогу.
 Как расплетаются ветви всех гнёзд – оттого,
 Что окрылённым – в поддержке – нет больше проку!

Учащается тени биенье, учуяв капель
 В воздухе – свежестью новой – тепла во вдохах
 (Пьющим за жар в твоих венах, пресветалый Лель,
 Духам лесным – уж не вдоволь рассветов медовых!).

Тень – свеченью равна, и, родившись в полях синеве,
 Не разбавленной – ландышей горстью,
 рознить их не смея,

Бабочек стаи – летят не на пламени свет,
А в расщелину чащи, где имя твоё – слышнее!

Мы приходим на лут, в изумрудных дымах купель,
Гостыи твои, чья любовь – для бессмертных запретна,
Чувствуя: кровь твоя плещет, всевластный Лель,
Кликами птиц в изголовье уснувшего ветра...

Если сомкнём хоровод, заводя распев,
На земле твоей, Лель, под цветами прогнувшейся тяжко,
Медные перстни и кольца на пальцах дев
Щедрой росой – окропят малахиты и яшма.

Но, покинув круги, точно радости плен – для страстей
Наважденья весеннего, брошу к лесам за лугом
Руки в искрах камней, расцвеченных жизни твоей
Близостью – к небу предверий; скажу – подругам:

– "Не зовите меня – звонкой песней; на край тишины,
Юность дней поглощающим алчно – глазам не веря,
Я иду повстречать – моего Господина Весны:
Светлоокого бога, воскресшего в заревах – Леля..."

21 декабря 2006 г.

2. * * * *

Вдох не затаив, не жду, не медлю;
Женихов отвадивши богатых,
Горлицею с неба – в руки к Лелю:
"Пастушок, тебе – стеречь крылатых!"

Горлицею в руки! – не воркую:
Превзойти свирель твою – могу ли!"
...Нежить так обветренные лунью
Длани, чтобы солнцем полыхнули!!!

В ласки глубь – которую, незнамо...
Ах, вдвоём – у вешних огнищ лепо!
Земли покачнулись... "Лель!" – "Купава..."
Миг – в руках, и – горлицею в небо.

В высоту: о синий камень грудью.
 В высоту: неверье в скорбь лелея...
 Чтобы тем, кто утро слушать будет,
 Птичий клик напомнил – имя Леля.

3 апреля 2007 г.

3. * * * *

"Любимый..." Сказала – вдохнула.
 Ты – есмь, и не буду иною.
 Возникло. Вонзилось. Блеснуло.
 Метнулось огнём и рекою.

В поэтах рождающий ярость
 Пустующих крик постаментов:
Любимый! – и сердце распалось
 На ритмы возможных ответов.

О, мельче бы, мельче распасться
 Ему: на золу сомнений!
Любимый, души моей Царство
 За звёздных оградой терний,

Соперник Властителю Ночи
 И Вечному – с ним в поединке,
 Легчайшую из оболочек
 Примеривший в бежевой дымке.

Любимый! – кровавая резкость.
 В седую предчувствия старость:
Любимый! – и – в вечную дерзость,
 Сулящую краткую радость.

Три слога в земной светотени
 Раздора пушинки и глыбы,
 Три шага слепой – по ступеням,
 Что зрячих – на казнь привели бы.

Всегда запоздалая – милость,
 Уже не угодная Богу...
 Опомнись, ведь ты заблудилась,
 Вернись же к познания истоку...

Ты молишься *застрашней* муке;
Увы, приговор твой – бессрочен.
Огнём – в несогретые руки!
Навек – в ненаглядные очи!..

И – долгое умирание,
В висках штормовое биенье...
Любимый! – само Ожидание,
Опасное Искушение,

Без мига – обет утешенья,
Без четверти мига – утрата.
Дыханья кипящее жерло.
Ладони надмирное плато.

Свинцовые прядей каскады.
Свет – мраморным водопадом.
Любимый, вот брошены карты
Меж розой и виноградом:

Для нас в омрачающей праздник
Игре – искушенья чрезмерны
Подменою пиковой масти
На алое сердце червы.

19 июня 2007 г.

4. Песня Чудес

Твоих зачарована чудом
Явлений в лучей синеве.
Мой Ангел, такие – откуда
Познания о колдовстве?!!

Нет, тише! Прости мне мой ропот,
Мой мир без чудёс твоих благ –
Не шире, чем лиственный обод
В парчовых твоих волосах.

Пусть жар мой стрелою пронижет
Движений твоих тетива!

Мой Ангел, ты брата мне ближе
По *многим* законам родства.

Мне мило – что не было мило.
Я спела – о чём не скажу.
Так *сердца* в груди не носила –
Как облик твой нынче ношу!

Изменчивых лилий дыханье,
О каменной стати их сон,
Печали твоей ликование –
Начало Всех Лирик времён!

Мой Ангел, ясны твои тени,
Насквозь – тёплым маем полны!
Мой Ангел, ты Солнца светлее!
Мой Ангел, ты краше Луны!

Луною – у Солнца испрошен
И вновь возвращён им себе,
Сколько клад твой – жемчужин дороже,
Рассыпанных нищей толпе!

Мой Ангел, тонки твои плечи,
И вздохи твои – *сочтены!*
Мой Ангел, ты зарева легче
Над поздним рассветом весны!

Одежды – из лотоса шиты!
Глаза – одиночества зов!
Как *тихо* летит твоя свита
В три тысячи соловьёв!

Подставь же ладони мне, ибо
Осанка твоя – так юна,
Что в дар – подносить не цветы бы,
А в горсть – насыпать семена.

вечер 25 октября 2006 г.

5. * * * *

Гром – по хребту деревьев, но сегодня
 Свирелью мир живёт, одной игрой...
 Лель, обожжённый дёвичий угодник,
С тобой – как надышаться мне Весной?!

Два следа – так смешала повилика,
 Чтоб третий – незаметно подмешать...
 И только вдох – до жалобного клика:
"Как без тебя – Весною мне дышать?!"

4 марта 2007 г.

6. Под Покровом Купалья

I.

Мне страшно, что засов дверной непрочен,
 Чтоб опустеет – на века – жильё.
 Не поднимай покров – Купальской Ночи,
 Чтоб Найденному – имя дать своё.

Ловушка – в том, что клад от нас не спрятан.
 Не мотыльки, а духов синий сонм
 Неудержимо бьётся о лампаду
 Снаружи, над бревенчатым крыльцом.

Наперекор несбыточным легендам –
 Вдоль чёрных рек, одетых в белый дым,
 Стопой не смятый папоротник бледный
 Цветёт не алым: хищно-золотым.

Заговорённой мир напитан влагой.
 Где мраком пущен берег под уклон,
 Вещуньями трясины – под корягой
 Огонь для снов сожжёнья разведён.

Не волны грезят – *ветви* – о русалках.
 Вдруг валуны – от кипы мха чисты.
 Тень, Временем – потерянная в травах,
 Вселяется в шиповника цветы.

А в Доме – безопасно, в Доме – славно.
 Веранды стены – гнутся от венков,
 И маятник – раскачивает плавно
 Уюта колыбель. (Не тронь засов!)

Гардины льются пышно и устало,
 И все ущелья складок их – светлы.
 Пыльцой и солнцем пахнут покрывала,
 Хоть лунный луч – срезает их углы.

Кусочки цедры, жимолость и ревень
 На старой печке варятся в меду.
 Не уходи! Там духи, дым и реки!
 Исчезнешь ты – я следом пропаду!

Увы... как неприкаянно ты смотришь...
 В моей душе – таится – тот же взгляд.
 Но если ты – о нём – Купалье спросишь,
 То гуща, воск и карты – промолчат.

ночь 6 –7 июля 2008 г.

II.

К лучистой реке! минуя дворы и луга,
 И склон, и овраг, что нежнейшей росой застужен.
 Купальские песни – ночные поют берега,
 И каждый напев – начинают со слов: "Кто мне сужен?"

И, сев полукругом на хвороста хрупкой скамье,
 На тех, кто *забавится* – с мощью обрядного камня,
 Старухи ревниво глядят, ибо те уж в земле,
 Кого предсказала им некогда – полночь Купалья.

Любуются те, кто уже – не одна, не один,
 Как ярко – богатым орнаментом вытканы дали.
 А малые дети – серебряных просят лучин,
 Чтоб лодочки-кольца из белых цветов – запылали.

Все нынче зависят – от блажи иль милости сил
 Купальских, но мне от реки – не повеяла горечь
 В заклätую ночь, в метелицу кожистых крыл
 Справляющих игрища – духов недремлющих полчищ.

Те звёзды огней, что по терпко-душистым ветвям
Алеют, как взгляды лесные, дыша ворожбою,
Я спрячу для Тайного, я – никому не подам
Багряный цветок, пробуждённый – моею рукою.

Подруги мои – секют пусть имена по ветрам
И складки холщовые платьев белее жемчужин,
Бросаясь в лихой, в самый жар, словно в свете костра –
Привидится, дымом окутанный, тот, кто им сужен;

О чём – мне грустить, и о чём – расспрашивать мне
Сестёр и старух, пламя, волны и лик светила?
Кто сужен мне, завтра – на поле придёт в венке,
Что я по воде – в сиянье свечи – пустила.

Купальская Ночь на 7 июля 2007 г.

7. Венок

I.

Шаг – навстречу, и в тайны – безвестно,
И впервые – сетей бы, цепей:
Как теплом – окольцовано сердце,
Мир венком своим, юный, обвей.

Я охотно, по слабому зову,
Неприметному прочим кивку, –
У всего заберу истому,
Что томилось в его круту.

II.

Купавы голос – глуше стал от неги:
"Приди. Останься. Засверкай. Посмей".
И дар вблизи, и чары в отдаленье,
Всё – океан твоей свободы, Лель!

Не ускользнёт сквозь жизни двуладонье
Ни мига речи с богом о людском.
Лель, дождь – твоё цветущее подворье.
Лель, солнце – твой раскрытый настезь дом.

Всё, что не ясно, замерло в оковах:
 Дожди иль солнце, всё иль ничего.
 А если расплести цветочный обод,
 Просыплется на ветер волшебство.

Свод звёздный рушь – и загадай желание:
 На очи – самоцветовую прядь.
 Вдохнуть неспешно тех цветов сиянье –
 Как ветром раны ветру обвязать.

Бессмертны и улыбка, и сомнение.
 Бессмертен пепел, тканый бирюзой.
 Лель! рок – одно бровей твоих движение,
 Бессмертно изолоченных пылью.

Дух укради – у каждого созвездья.
 Играй на струнах клятв, о вёснах пой.
 И если только сон – твоё бессмертье,
 Пускай свирели все – умрут с тобой.

17 мая 2007 г.

8. Утро после Купальской Ночи

I.

После Купальской Ночи
 Венок уплыл,
 Но в траве у воды – лепестки.

7 июля 2006 г., записанное во сне

II.

В кольце мечты, как в порванном венке,
 Мы спали – и цветник иной нам снился...
 А в утреннем тумане – вдалеке –
 Вдох горький Девы Снежной разносился:

– Рассвет... *Купалья* след по берегам...
 Я – Праздник проспала, как все бывые,
 И вот одна – прогуливаюсь там,
 Где расцветали игрища ночные.

Мне жаль, когда я вижу прах костров,
Что с именем его в пылу дыханья
Не совершила я – нагих бросков
В неведомого тени – через пламя.

Мне жаль, когда легчайшим ветерком
Доносит голоса – заклатья певших:
Не смела при луне – гадать о нём,
Чтоб не узнать – о будущих и прежних.

Мне жаль, когда последний лепесток
С травы прибрежной – ускользает в воды,
Что я – не отпустила мой венок
В течения развилки и разводы,

Заранее – чужая берегам,
Не мною предпочтённым, а судьбою...
Мне жаль, что по загадочным лесам
Я не ходила с синею свечою,

Отыскивая – огненный цветок,
Другим подобно: будничными днями –
Сама росток поила, навзничь – в лог
Упав, чтоб травы – окропить слезами.

Когда плескалось музыки крыло
В жаре июльской, *пленница* свободы –
Я танцевала только для него,
В чужие не вступая хороводы...

Мне – жаль? Не знаю.. Верно, я строга
Излишне – к миру, избранному вчерне.
О, если б он – пришёл на берега
Сейчас, я не задумалась бы, чей бы

Казаться ярче мог обряд ночной –
Зари моей. И он – мне в косу, ветру
Наперекор – и споря с сединой,
Заплёл бы – той, смеющейся, другой
На Празднике потерянную ленту...

7 июля 2006 г.

III. Таль

Лель (*Снегурочке*).

Немало я любил тебя, горючих
Немало слёз украдкою пролил.

Снегурочка.

Про старое не помни, Лель пригожий!
Сведи меня смотреть шатры царёвы
И солнышко встречать возьми подружкой!

(...)

Но что со мной: блаженство или смерть?
Какой восторг! Какая чувств истома!
О Лель... твои чарующие песни...
В очах огонь... и в сердце... и в крови
Во всей огонь. Люблю и таю, таю...

"Снегурочка"

1. * * * *

Лель, послушай тот гул, что ручьи донесли.
Это ветер за ветром – проходит вдали,
В синей роще, где мелко искрится кора...
И одни – поглощают другие ветра.

Лель, застужен – *горячим* дыханьем? Вокруг
У весенней прохлады – особенный звук,
Точно льётся пресыщенных пенье когтей.
Это шорох теней, поглощающей тень.

Если вскинешь лицо, то увидишь, мой Лель:
Не жалея ни сил, ни привычных цепей,
Раздирая хребты, разрывая бока,
Поглощают друг друга вверху облака.

...Мы вдвоём на луту в свежем круге венка,
Где исчезли ручьи, тень, ветра, облака...
Две души проникают простор золотой...
И одна, всё забыв, исчезает в другой.

12 апреля 2007 г., Каменная Гора

2. Две мести...

В каждом расставании наступает миг,
когда дорогой человек уже ушёл от нас.

Гюстав Флобер

Исчерпано. Плававший меркнет взгляд.
На правду – не хватает силы духа.
Под небо взмыв, они – идут на спад,
Две мести, опьянившие друг друга.

Мне жаль их ненасытно-пыликих тем,
Тех слов и дел, где счастье – лишь предвестье,
И я противлюсь мира красоте,
Ведь это мир, где мы – не будем вместе.

Лель, душу приголубь. Уже не та
Душа; хоть ласки – той же!!! Сердце – глухо,
Когда о ризах спорят у креста
Две мести, искупившие друг друга.

Мне жаль их, оказавшихся в когтях
Своей добычи, прав на утешенье...
За грань свою однажды выходя,
Не знавших, как печально возвращенье...

Идущих по влеченья тонким льдам
На самой кромке замкнутого круга...
И это – жизни лучшая мечта?!
Две мести, отразившие друг друга???!!!

Мне жаль всё больше, ибо нам не жаль.
Как ни меняй к Владению подхода
(Моё ли отними, своё ль отдай),
Останется – желание *Чьего-то*.

"Не для других – для нас. Теперь и Здесь.
Не месть – единый дым пожаров духа".
И всё же – для других. И всё же – месть.
Две мести, угасившие друг друга.

1 сентября 2007 г. и 6 февраля 2008 г.

3. Снегурочка

Всё меняется вновь безвозвратно,
Не узнать хоровода круг...
Сколько милостей, Лель ненаглядный...
Сколько горестей, Лель! Сколько мук!

Возвращается чувства мера
К полноте – не ручей, океан:
Та, что прежде – тебя отвергла,
Обвивает рукой твой стан.

Каждый жест её – словно прощальный,
В сердце скованном – гордый покой,
Появление – как будто хрустальный
Снегопад над молочной рекой.

Снежной Девы уста – не смеются,
Ледяные глаза – мертвы.
Где пройдёт она, там – остаются
Звёзды инея в шёлке травы.

Но – ты веришь: приблизился – к раю.
Ты согрет, потому что ты рад
Холодам. Я всё чаще встречаю
Окроплённый кристаллами взгляд.

Веет вечной зимою дыханье,
Замерзают ресниц мотыльки.
Ты и сам – *снежно-бел* от касанья
Белоснежной и хрупкой руки.

Вот уже, оказавшись напротив
Той, что с хором девиц – не поёт,
Замираешь ты так в хороводе,
Точно кровь заковал твою – лёд.

Не привлечь тебя лентою алой
Расплескавшейся боли моей:
Что стрясётся – с *живою* Купавой,
Дальних призрачных черт – не важней.

Знаю, всё, что служило цветенью,
Всё, что правило – *нашей* Весной,
Что лилось – изумлённой свирелью,
Всё – уйдёт по стезе ледяной.

Мой урок получив в назиданье,
Шепчет Снежная Дева: "*Прости...*
Ты прошёл – вьюг и зорь испытанье,
И цветы на твоей груди".

Я же – помню, и память – как рана
(Сердцу зябко, хоть миру – тепло):
"Погляди в мою душу, Купава.
Что прошло – то навеки прошло".

17 апреля 2007 г.

4. В конце Замен

Вчера – легло на сердце время глыбой,
Но айсберг тает... солнце – на плаву...
В конце Замен – так просто сделать выбор
На подлинность проверившим судьбу.

Ты видишь, как твоя душа бывая
Пришла к порогу (и замки – во зло),
Не уловив, одну лишь различая
Потребность светом заменить тепло,

Как времена неслышно наступали,
Когда к Замене поводы – смешны.
Что было родником в весны начале,
То – сумрачная топь в конце весны.

И *вырваться* спешишь – по ветра следу,
Как по кувшинок белому пласту –
Невовремя разлившуюся реку,
Перешагнув свою неправоту.

Не завести о главном разговора.
Уже не спутать – имена в бреду.

В конце Замен – дыхание Простора
Снисходит на мирскую тесноту.

Дыша сама – и да! – тебе позволив,
Любуясь – как поры своей концом,
Так и протест несущим всплеском боли,
Замена смотрит Первенству в лицо

И произносит, от волнения слабо,
Две тени гроз метнув из-подо лба:
"Ты, Чувство, уступившее мне *право*,
Я, приумножив, возвращу – *права*.

Но прежде, чем назначишь – жизни цену,
И он – с собою прежним станет схож,
Тебе придётся – *заменить Замену*.
Скажи, взглянув в глаза мне: ты – рискнёшь?

Перелететь, как лёгкое виденье,
Рывком луча над жаром темноты,
Через огонь взметнувшийся сравнения
Сумела я и вновь – смогу. А ты?"

24 июня 2007 г.

5. Ревность Купавы

Что же, Весна, примиришься?! – в глазах его – стынь,
Смутная стынь, отравившая – знание о *благ*е.
Непримиримая мука, от сердца отхлынь!
Будто бы мало озёр – для огня твоей ряби!

К первым слезам от последних – всё вспять идёт.
Выше земли расплескав – золотую истому,
Солнце вскипало – тщетно, глухой приворот
Жаркого – к жару творя, а людского к людскому...

Солнце, *разверзнутый* в синий потоп ковчег,
Не было метко, в дупши – лучи нацеля.
В дрёмах и плясках, в небе и зеркале рек,
Всюду – холодная спутница сердца Лея.

Что́ это, что?! что за чувство – любви горячей
В ярости, что презирает – поиск управы?!
С гроздью цветов, осыпающихся – с ветвей,
Гибни и ты, нерасцветшее счастье Купавы.

Солнце, как в этом кольце разорённых рук
Вечного мало... и столько, что не упомнишь!
Алые нити – вместо соперниц-вьюг –
Хлещут твой взор... жгут! – и глаза отводишь.

Нежность – века справедлива, но не теперь.
К зимнему царству – внешнего ревность престола.
Ревность!.. как много стрел – поразило цель,
Но одна – возвратилась и надвое лук расколола.

Чтобы серебряный прах – по лучистым лугам!
Чтобы – не знали – сами – сильны ли? слабы?
Радуйся, Снежная Дева, отпущенным дням!
Непоправимы – замыслы гордой Купавы.

17 апреля 2007 г.

6. Через Костёр

Гуляньям молодым – теряет счёт
Сад вышитый, сафьяново-парчовый.
Мир дышит глубоко и горячо,
К прыжку над внешним огнищем готовый.

Пролиться вдруг рассыпчатым пером
Грозит перин небесное подобье.
Улыбчивой Весною – роща – дом,
А луг – его чудесное подворье.

Поверив в то, что о любви поём,
И в то, что денны – чудеса и нощны,
Как вешают лампаду над крыльцом,
Мы развели костёр – в той звёздной роще.

Чтоб ликovala с нами – вся Весна,
С которою – поделимся забавой,

Как стая горлиц в оперенье льна,
Мы закружились – над зарницей самой.

Сорвав игриво с древ – цветенья кисть,
Сомнений дольше – не желая помнить,
К пожарам нашим – юноши сошлись
За вешнюю бессонницу поспорить.

Был в том круту – и ты. Во всём своём
Чудесном легкомыслии, с густою
Вихров метелью, пахнущею сном,
Полынью, хлебом, мёдом и весною,

С нечуткостью к предвестиям беды,
Ко гневу, не подвластному оковам,
Ты упивался властью Красоты,
Как я – Желанья именем медовым.

"Смотри, прекрасный Лель, – сказала я, –
Мы обе здесь, ты рад? Ложь – не защита.
Лель, как свежо – дыхание огня!
Его стена – листвою надежд увита!

Чтоб ночь нам показалась ясным днём –
И знали, чья любовь не будет долгой,
Лель, встань за полыхающим костром
И помани обеих – кистью тонкой.

Лель, мы призывно стан свой изогнём,
К весенним звёздам – руки запрокинем.
Лель, в искры две – превращены броском,
К тебе через огонь – мы обе прыгнем

И для тебя сорвём – тепла цветок.
Следи! Порывам нынче – нет запрета!
Увидишь, как заманчив, как высок
Порог янтарно-дымчатого света!

Я жара испытанья – не боюсь,
Хотя пороги пыльные – опасны:
Я от янтарных блёсток отряхнусь:
Домашней кошкой – от хозяйской ласки.

Ведь я и раньше, выложив букет
На сердце вёсен – из огня соцветий,
Входила в ночи – в пламенном венке:
Ещё и нынче – пряди в блеске меди.

Я за костра перелечу уступ
Не девицей – жар-птицею свободной...
И чтоб не смел поспорить – с чувством, губ
Твоих – коснусь ладонью раскалённой!

Обнимешь ли меня?" – "Я обниму
Ту, что огнём, летя сквозь морок самый,
Орнамент выжжет – по наряда льну,
По лентам проведёт – узор багряный".

И мы сказали: "Так тому и быть", –
Войдя в кольцо, где пламя полыхало,
Она уже не смела отступить
От тех надежд, которыми – дышала.

Заранье – до последнего звена
Дороги к мести, столь бесповоротной, –
Я знала, что с ней станет, а она
Кивнула спору – со своей природой.

Ты тоже – знал? Когда вздохнул костёр
О самом роковом, что Суть, не Прихоть,
Ты опустил серебряный свой взор
И затаил дыхание, чтоб не вскрикнуть.

А я – кричу беззвучно день за днём
(Бессонные, искали вы – бессонной?),
Забывать не смея зябким лоскутком
Взметнувшейся над жаром – Обречённой...

Моя душа, владелица ключей
У Стужи отвоёванного царства,
Надомлена (ЗАЧЕМ?! ЗАЧЕМ?! ЗАЧЕМ?!)
Допущенною слабостью коварства...

Погасшим угольком – шипит расчёт,
Черны, как сажа, мысли о любимом,

И в двух домах, весной – одетых в лёд,
Всегда закрыта – комната с камином...

1 апреля 2007 г.

7. Её смерть

I.

Вешняя доля Купавы? Сума – полна.
Но и ценнейшее – камень на грудь – без оправы.
Тихо сказала она: "Горяча – Весна..."
Но отчего – всё не высохнут слёзы Купавы?

10 марта 2007 г.

II.

Серебряной весеннею водою
Мы – расплескали души, не храня.
Она – была мне кровною сестрою,
Затмившая в глазах его – меня.

Он дал мне руку, опоил – свирелью,
Не зная, где – забава, где – беда,
Из юношеской дерзости весенней
Дразня её святые холода.

И, думая: всем горестям – виною
Заветы, сердцу данные – Зимой,
Она, чтоб сбросить бремя ледяное
Невинности бесстрастной, нелюдской, –

На миг – побегу пламени подобна,
Уже не разделяя – жизнь и смерть,
В иных объятий жар – упала, чтобы
Одним прыжком – костёр перелететь.

Лицо ко свету вскинув, как слепая,
И обречённо, медленно склоня,
Она, лик палача не узнавая,
Искала ободренья у огня.

Она метнулась – пламенною ланью –
И обернулась ветром и рекой...
Её одежды – лёгкой стали рябью
И *хлынули*, сливаясь с наготой...

Она дышала *бережно* и тяжело...
Спросила с мукой: "И теперь – *не та?*..."
Роса – под утро более не ляжет,
Напоминая: тали – ни следа!

Ещё – сказала, сетью многозвёздной
Роняя душу – в первую листву:
"Так долго я жила – виденьем, грёзой...
Ответь мне, Лель: я гибну – наяву?

Бессилья своего не понимая,
Смахнув цветочных перстней завитки,
Рука – ещё не верит, что растает
От Солнца, Лель, не от твоей руки...

Подснежник белизны моей! свечение
Моих высот! поспоривший с Зимой!
От Солнца боль – напомнит на мгновенье
Твоей свирели отзвук золотой...

Но нет, покорна неба дуновенью,
Минуя в облаках – за краем край,
За Солнцем, Лель, не за твоею тенью!..
От Солнца, Лель, не от твоих "прощай"...

Лель!!!.. "Как, с сестрой прощаясь, непритворно
Я плакала, когда, признав свой рок,
В её глазах – морозные узоры
Слились в один мерцающий поток...

Не серебром людским – дождя цветенья
Душистой белизной – от горя сед,
Он мог – моё прогнать прикосновенье,
Но он – мне кратко руку сжал в ответ.

Он побледнел – и воздух стал прохладен,
Хотя огонь – был яростней зари.

И вместо утешения заклятий –
Я – лишь одно сказала: "*Не смотри*".

15 марта 2007 г.

III.

Серебряной весеннею водою –
Мы расплескали судьбы, не храня.
Она была мне больше, чем сестрою,
Любившая его – сильней меня.

И мне – всего страшней не увяданье
Цветов метели – на её бровях,
Не блёстки – вместо крови: это знание,
Что если бы, сдержав казнящий взмах,

Сказал мне – тот костёр: "Вот шёлка платы,
Подругу не отдай мне: таль – утри", –
Слезами – до безумья изошла бы,
Но: "Нет, огонь, берёшь – так заberi".

О, более: не зная – в *Зимнем* силы,
Но будучи весной – в *Людском* вольна,
Не я ль сама – ту искру обронила
На хворост, от которой – пламена?

И ужас горький – от того сознания
В глазах прочтя, как стон: "себя кори!" –
За все черты соперницы прощая,
Он говорит мне – эхом: "*Не смотри*".

15 марта 2007 г.

8. От слёз

Два светлых взора – обратились в камень,
А меж бровями – складкою – вина.
Год миновавший – мчит в ничто ручьями,
А в мире – правит Новая Весна.

Как с призрачных сошедшие полотен,
Юны, полупрозрачны – как сирень,

На луг цветущий девушки приходят
Послушать Леля сладкую свирель...

Огонь – играет с ветром и росой.
Мне тягостно и страшно у костра,
Он словно плачет, заливаясь кровью...
Снегурочка... сестра моя... сестра...

Теперь – моя душа не заискрится...
Мой Лель стоит со мной перед костром,
И мягкая янтарная зарница
Укутывает плечи мне теплом,

Но не платок – ложится мне на плечи,
А трепетная терний полоса.
Когда он весел, счастлив и беспечен,
Я не могу смотреть – в его глаза.

Мне жаль – всего, чей голос не вернётся,
Свободы жаль – и выбора цепей,
Но оттого, что нечто – отзовется,
Да будет неуслышано, – больней.

Те песни повторить – не в нашей власти:
Тревожат лишь капли – тишину.
Мой мир так пуст и ласково-несчастен.
Я помню сон, не ночь и не луну...

Лель, на подворье мира, бирюзой
Усыпанном от леса до реки,
Всё чаще – мы обходим стороною
Друг друга или след былой тоски?

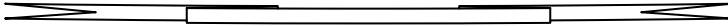
Не дай узнать от Времени об этом,
Скажи мне сам. Я думаю о том,
Что на пути в пылающее лето
Весной *прожжённых* рук – мы не сплетём.

Небытие – предательски заложит
Осколки – в ворс цветочного ковра.
Кто первым луг – следами потревожит?..
(*"Снегурочка... сестра моя... сестра..."*)

Уголья тайно просят крови свежей,
Всё – тает... меньше – мёда в именах...
Лель, тоньше коловской улыбки внешней
Тень золотая – на твоих чертах.

Дыханием твоим, что ледяное
Забыло бремя, тяжкое – вчера,
От слёз – дышать не в силах... *горе... горе...*
Снегурочка... сестра моя... сестра...

17 апреля 2007 г.

Клёны (Ветви и Руки)

Няне

1.

Феденька, Митенька, детушки, мне
Дайте забыть о тревогах-до-дрожи:
Дружно играйте на солнечном пне
Возле колодца, что камнем заложен,

Поле**м** бегите, минув птичий двор,
От валуна – до отцовской могилы,
Но не ходите гулять в тёмный бор,
В тёмном бору – недобрые силы.

Из-под ветвей его чёрной дуги
Не возвращаются – малые дети,
Переступив омертвелье мхи,
Ягоды спелые – в тьме заприметив.

Мать сберегите от горестных дум
В час, когда тени – поют свои длины
И сокрушённый доносится шум,
Будто бы плачут, раскаясь, вершины.

Чуткости к первой моей седине,
Дети, на вас – долг сыновий возложен.
Дружно играйте на солнечном пне
Возле колодца, что камнем заложен,

Поле**м** бегите, минув птичий двор,
От валуна – до отцовской могилы,
Но не ходите гулять в тёмный бор,
В тёмном бору – недобрые силы.

Горю соседскому – вдоволь ночей
Вторила сердцем, вершинному плачу,
Глянувши в очи – тех матерей,
Что упустили сынов своих – в чашу.

Вдоволь, чтоб знать: коль со светлых путей –
В сумрак – и те, что всей жизни дороже,
Канут, не вынесут жилы – цепей,
И не поднимет душа своей ноши.

2.

Так, слово взяв соблюдать уговор,
Я сыновей – до плетня проводила,
Благословила – на игры без ссор,
С хлебом котомки – в руки вложила.

Не было в небе – ни тучи, в края
Наших – давно злых людей не встречалось.
Но, только скрылись с глаз сыновья,
Затрепетало сердце и сжалось.

Губы кусала: не окликать!
Вспять же – и влагой ресниц призывала!
Что не насытились длани – ласкать
Кудри детей, кровь в руках застонала –

Лишь, устремляясь за ветра порыв,
Как покидая не двор, но Защиту,
Солнцу навстречу – вскинув вихры,
Чёрные пряди исчезли из виду.

И – с тем усилием, каким – своротить
Камень с груди и возможно, следами
Любых птенцов моих (светлая нить!)
В дом я вернулась, звенящий мольбами

Дум материнских, ступила под кров,
Бремя несущий тягостных вздохов
Страх за близких. И вскоре – трудов
Пот – скрасил капли тревожных ознобов.

3.

Времени счёт потеряла. Уж час
Стол накрывать, что же пусто на лаве?
Что же не вижу, не слышу я вас,
Дети мои, черногивые лани?

Дрогнувшей чувства подобны струне.
Бросилась из дому, как – вон из кожи.
Нету сыночков на солнечном пне
Возле колодца, что камнем заложен.

Нету любимых на птичьем дворе,
У валуна и отцовской могилы.
Страшной усмешкой – мне вдалеке
Бор усмехается, грозный и стылый.

Ног уж не чую, сердце одно.
Мох – цвета пепла, не изумруда.
Ах, как тревожно в бору, как темно!
Дети, бегите, бегите отсюда!

Хвоя хохочет. Что там, на земле?
Там, на земле, меж чужими следами?
Ваша котомка... растоптанный хлеб...
Деточки, дети, где же вы сами?!

Ваше присутствие – *ложет* меня:
Что-то стряслось, мне страшна – наша встреча.
Шелест пронёсся – мимо меня.
Что-то стряслось, но близка – наша встреча.

Колкие ели и сосны вокрут,
Но – шорох листьев явственно слышу...
С холодом в жилах – на шепчущий звук,
Словно – в гробницы собственной нишу.

Бездной прозрения – очи полны,
Ужас бессилья – мучительней стоны.
Чары таинственных сил – свершены.
Вот они, рядом: два сына, два клёна.

4.

В травах простёрлась. Тоска и вина –
Реками: клёнов корней – не источат?!
Светлые, ваша листва – зелена,
Точно отцовские нежные очи!

Дети, под вашею кроной спала
И поседела в том сне. Рядом! с вами!
Чёрточки ликов?! – роса да смола!
Залиты ликов подобья – слезами.

Вот они, судьбы: смола да роса...
Капельки рос – в волосах и на платье.
Дети! Узнала – вас *по слезам!*
Дети, меня по рыданиям узнайте.

В травы у ваших подножий впиалась.
Ярок закат, но в бору – блики тёмны.
Всё отдала бы вам, всё – ради вас.
О, мои хрупкие, статные клёны...

Тщетно молю – и тщетно маню.
Шелест, и тот – не доносит уж ветер.
Кто заманил вас – в чар западню?
Кто полонил вас заклятием, дети?

5.

Что там за тень – кажет дьявольский горб?
Когти скрежещут, а жилы – безмолвны.
Ведьма лесная – вошла в тёмный бор:
"Вот они, клёны, светлые клёны.

Холод коснулся – поникнувших плеч
Матери? Зябко – и мне меж плечами:
Я натопаю в моей хижине печь
Клёнов ветвями, двух клёнов ветвями..."

Рученьки! Руки сыновьи в листве –
В пламя?! Иного – пора уговора!
От материнской ли участи свет –
Не сбережёт вас от тёмного бора?

От материнских протянутых рук –
Свет: не гореть вам, заботой согреться!
Горько и страшно в тёмном бору
Было бы, если б – не матери сердце.

Ветви сыновьи! лист – как ладони!
Сила любви, тайна жертвенной муки...
"Веток, старуха, кленовых – не тронь:
Вот мои руки, смуглые руки.

В мертвенный хворост – их обрати,
Печь натопи, чтобы дом твой согрела,
Но неповинных детей – отпусти.
Не от души отрывай, но – от тела!

Меньшему быть из печальных – костру.
Вот она, доля, суждённая доля".
Феденька, Митенька, в тёмном бору
Кончена – тихая ваша неволя.

Грозно *согласье* – в колдуньи глазах,
Сталь занесённая – жжёт пуще соли.
Думай, любовь, о кленовых ветвях,
Чтобы не чувствовать – огненной боли...

6.

Беды дремучие, соки гающие...
Деточки, клёнам подобные деточки...
Рученьки, рученьки, смуглые рученьки...
Веточки, веточки, нежные веточки...

Крона тенистая, доля тернистая,
Веточки нежные, деточек рученьки...
Лейся, горячая кровь материнская,
Кровь материнская – соки гающие.

Без ненаглядных – ни жизни, ни смертушки,
Деточки, клёны, детушки, деточки...
Чистые клёны, печальные детушки...
Рученьки матушки – наземь, как веточки...

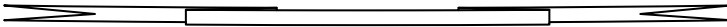
И растеклись алой кровушкой – силушки.
Кровь материнская – раны гающие.
Что это, что? Вместо рук – стали крылышки,
А вместо веточек стали – рученьки.

Клёны шумели – заплакали мальчики.
В тёмном бору – пали светлые зёрнышки.
Мальчики, дети, молитесь о матушке,
Птице, парящей над вами, лебёдушке...

Но не прощайтесь, детушки, с вашей
Кровной заступницей, да обескровленной:
Взмыв над землею, багрянец впитавшую,
Я с высоты моей вижу лазоревой,

Что неотступно – над всеми – с отвагою,
Жаждой обнять – души вечно-близкие
Жертвенных крылышек белою парюю,
Чистые тени кружат материнские.

9 сентября 2006 г. и 15 июля 2009 г.

Чума и Храм

1.

Было не видать в том граде бед,
Было не слышать дурной молвы...
Как ни долог день – всё ж меркнет свет.
Из-за леса вечной синевы –

Жгучестью травы заросших троп
Весть пришла в счастливые дома:
Все посёлки далее чащоб
Обошла с клюкою – я, Чума.

Чёрною волною – чёрный сон
Лился из моих когтистых лап.
К тем я прикасалась, кто силен,
Чтобы отступить – от тех, кто слаб.

Никого мой выбор не щадил,
К бедным и богатым в дом я шла.
Равнодушный взгляд мой – обводил
Жалко-почерневшие тела.

Знаки бесконечности топча
С хищною насмешкою немой,
На земле – венок терновый я
Рисовала – острою клюкой.

Раздувая жизни угольки,
Лекари, дыша – как во хмелю,
Набивали тщетно лепестки
В карантинной маски птичий клюв.

И, склонясь у гибнущих одра
Так, что чёрный дух вдыхали мой,
Чуткие Служители Добра
Гибли сами: за одним – другой...

2.

В город тот – последний *чистый* – вёл
Злобный дух меня – лесной тропой.

О чумном клейме соседних сёл
В нём уже прослышал – и глухой.

Стрелы в птиц, летящих с тех земель,
В страхе отпускали – и в огне
Их сжигали. "Падре Рафаэль,
Новый слух о проклятой земле!"

И узнал Священник молодой:
В тягостные мора времена
Старый Пастор – умер в Церкви той,
Что на поселения три – одна.

Детям он духовным говорит
С горечью: "Та смерть – венец утрат!
Кто же Отпеванья совершит
Над напасти жертвами обряд?"

Кто же причастит – сирот и вдов,
Обновив в душе – с Творцом родство?
В нашем граде – семь Святых Отцов,
За лесной стеной – ни одного.

Мир, соседи, в дом ваш, с вами Бог,
Ухожу на горький стон земли".
Вин для Божьей Трапезы, хлебов,
Мирры – прихожане принесли

К светлой кельи Пастора дверям
И в смущенье встали перед ним:
"За отца родного не был нам,
Юный, ты, но братом был родным.

Кто услышал зов господень – тех,
Посох взявших с пламенем в груди,
Нам, кто смел – не столь, неволить – грех.
Отпускаем, доброго пути.

Но уйдёшь – не приходи назад,
Не вноси в наш город прах чумной.
Ты – сберечь желаешь божьих чад,
Но и мы – род охраняем свой.

Уж прости..." Кивнул Отец Святой
Ласково. До той черты, где дно
Чащи трав – граничит с синевой,
Проводили иноки его.

3.

Что за чувство вспыхнуло во мне?
Светом или Тьмой – тот взгляд был дан?
Просияли в леса глубине
Кроткое лицо и гордый стан.

В непонятном мне – миру людей,
Милом – лишь кладбищенской листвой,
Ни один из смертников – досель
Для меня не значил ничего.

О, какая тонкая черта
Между безразличьем и тоской!
О, какая странная мечта
В облике одном, в душе одной...

О, какие строгие уста,
Наизусть учившие Завет!
О, какие ясные глаза,
Снам того смотрящие вослед,

Что навек уйдёт, но в мир уйдёт,
Где реальной жизни – прежний сон!
Эти кудри чёрные вразлёт!
Нежности бровей – глухой наклон!

Озарился путь – звездой дневной,
Тополиный пух – стал золотым.
Смертоносный посох чёрный мой –
Оплетают белые цветы.

От беды раскатов – не остыл
Небосвод, но, тучи отгесня,
Тихий призрак счастья – поманил
Ко Святому Путнику меня...

4.

Шёл Святитель нежной синевой,
Разостал пред ним воздушный плат
Край, где нету нечисти лесной,
Только духи светлые кружат,

Разбросал пред ним цветы ручей
Золота – как шаль земных небес
На пути накинув, а на тень –
Паутины солнечной навес.

Раскрывались мёда закрома
На стволов налёте смоляном...
Как плечу – легка была сума
С освящённым хлебом и вином!

Склон ветвей – подобен алтарям
Был своей узорною дугой.
К залитым финифтями камням
Медленно стекался над травой

Лёгкий дым – как облаков купель...
Птичий хор звенел над головой...
(Восхищённый Падре Рафаэль,
Жаль тебе былинку смять стопой!)

"Я ступаю – верным ли путём?" –
Бормотал. Не верилось ему:
Эта красота – преддверье сёл,
Горем погружённых – в плача тьму?!

И за кроной, вдевшей луч в просвет, –
Тихо, как журчит вдали вода, –
Будто на сомнения ответ,
Женский плач посыпался тогда...

5.

Не навстречу вышла – где листва
Топит изумруды в серебре,
Руки (вместо дланей – два серпа)
Протянула в сладостной мольбе.

Чтобы встречный шаг – ты сделал сам,
Я мечтаю, Ангел мой лесной,
Чтобы *первым* ты – к моим серпам
Прикоснулся. Но – любви людской

Красота *обличий* дорога...
Что ж, под маской – встретимся и мы.
В бурелом – отброшена клюка.
Где – Чума? Нет – облика Чумы.

На поляне, спрятанной в листве,
Яркие усыпали цветы
Папоротник тёмный. В синеве
Шум подземной слышится воды,

Будто бы стеклянных звон цепей...
Возле голубого валуна –
Девушка стоит в венце лучей,
Безутешно слёзы льёт она.

Нежность полудетского лица –
Веет беззащитности пылью,
И думаются светлые глаза
Вечною Невинностью самой.

Нить росы на локонах блестит –
Меди их не нужен лент сафьян!
Пышным лилий ворохом лежит
Возле ног босых – лесной туман.

Тень её – серебряным ручьём
Рассекает дол на плеск и тишь.
Стань она бледнее, сквозь её
Черт атлас – на ветер поглядишь.

Ей в богатом платье б – в царский дом,
В ангельской порфире – в свет святой,
Не в простом наряде платяном,
Мягкой препоясанном лозой, –

В эти нелюдимые леса
На земель отравленных краю...

Путник, услади свои глаза,
Прежде чем увидишь – суть мою.

6.

Ты – взглянул так ласково, что ж взгляд
От моей отводишь красоты?
– "Что, дитя, за горький водопад?
Расскажи мне всё – и от беды

Ты в молитвах скроешься моих,
Прислони свой крест – к моим плечам.
Видно, Бог – забрал твоих родных?"
– "Нет, отец мой". – "Слава Небесам.

Что же за слезой – слеза бежит?
Верно, в чаще – заблудилась ты?"
– "Нет, отец мой". – "Значит, лес – твой Скит?
Он – от мора скрыл твои следы?"

– "Нет, отец мой". – "Но вокруг – черны
Сёла от чумы и города..."
– "Где жила – там благостно-чисты
И земля, и воздух, и вода.

Во Дворце прекрасней всех Дворцов,
Верность грёзе – о Любви – храня,
Я отвергла многих женихов,
И в сердцах отец – прогнал меня,

И домой вернуться не могу
Снова я, *Невестою* не став.
Не милы ли в солнечном пуху
Локоны тебе и хрупкий стан?

Не близка ли глаз моих печаль?
Отжени кольцом меня от зла!
Не возмёшь в *Невесты* – будет жаль
После: меж чумных – я умерла".

– "Милая голубка, угодить
Можешь ты отцу – и чистоту

Для Благого Бога сохранить
Можешь, став Невестой *Христу*.

Этот белый пух – тебе фата,
И Жених придёт – сквозь солнца свет.
Очевидно мне – я неспроста
Здесь: чтоб узаконить ваш обет".

Эти непорочные глаза!
Эта зелень в них и синева!
Эти беспощадные уста!
Эта неприступная судьба!

7.

– "Ангел, иль тебе я не мила?
Я вдали – расслышала твой зов,
Ты ль – отвергнешь мой? Тебя – ждала,
Прогоняя многих женихов!

Ляг со мной в туманах и лучах,
Трепетной *наземной высоте*.
Тополиный пух кружит в лесах,
Чтоб *воздушны* чувства были все.

Для небесных нег – не береги
Сердца: я при жизни – в рай введу.
О, решенья – будут – так легки,
Как пушинки в солнечном свету.

Пролегают белые мосты
Между нами: мёд и молоко.
Замирают летние цветы
В жаждах тени шага твоего.

Нам перины – чудо намело.
Приоткрой для уст моих уста.
На пуховом ложе – так светло,
Как не будет в келье никогда.

И звенят ручьи во всех концах
Леса, но лучи – грозят дотла

Сжечь – твои зелёные глаза.
Ангел, иль тебе я не мила?"

– "На тебя – глядеть бы и глядеть,
Но мой взгляд – иной сосуд воды.
Ты – Царевна, только – Царство есть
Краше всякой смертной красоты.

Не дадим же сделаться лесам
Тёмными – из бело-золотых.
Рая – целовать твои уста –
Слаще рай – вложить молитву в них.

Стоя перед выбором Судьбы,
Нынче так богаты – я и ты.
Пустота внутри – страшной чумы,
А без Бога – будем мы *пусты*.

Если отречёмся мы с тобой
От Ему Угодных – белых риз,
В пору смуты – нашей чистотой
Не спасётся – кто – душой не чист.

Ты – прекрасна, но – жену свою
Я в тебе не вижу, а с Христом
Нынче же – тебя соединю
Под Святой Невинности венцом".

(Этот за века судящий – взгляд!
Эта близость наших – тел и лиц!
Сам *оттенок* взора – чист и свят,
Но – как леших когти – ворс ресниц!)

– "Что ж, считай, согласие – я дала.
Скрепишь *кровью* – брачный договор?"
И – Чумы обличье приняла,
И – наполнил ужас – кроткий взор.

Строгий – стал растерян, как дитя.
Мстя за крах отвергнутой судьбы,
По сердцу святому – не падя –
Полоснули острые серпы.

8.

Хрип – сошёл до полной немоты.
Взгляд – застыл, упавший – За Черту.
Содрогнулись кисти, как цветы,
Скомканные ветром на лету.

Гладкие, как мрамор в Алтаре,
Сбились пряди, точно – после сна,
Складки рясы – спутались в траве.
Тихо. Жатва жизни свершена.

И – где капли в травы потекли,
Становясь – алее и алей,
Вышел камень тёплый из земли,
Вслед – ещё, и вот – гора камней.

И, движимы тайною рукой
(Что ни жест – наказ "не прогневи"),
Тут же на окраине лесной
В Храм сложились камни-из-крови,

В Церковь Восполнения Потерь.
Хоть упал затвор с её двери,
Долго я сидела возле стен,
Рядом с мёртвым Ангелом, в тени

Алого распятия. Долго я
Свет студила в чёрных волосах,
Струйкою дыханья – теребя
Тополиный пух в его кудрях.

А когда последняя была
Звёздочка пуховая – с кудрей
Сдута, я в багряный Храм вошла,
Я вдохнула мёд свечных огней,

Изумляясь Божьей Тишине,
Страшный путь – оставив позади.
Что-то лучезарное во мне
Дрогнуло, чтоб крепнуть и расти.

И мою туманную фату –
Нежная поправила рука.
И в мою бездонную беду –
Заглянули очи Жениха.

9.

Помню миг тот ясно, как теперь.
Небо – не отвергло, приняло.
В Церкви Восполнения Потерь
Сделалось особенно светло.

Я припала к раме золотой...
И ушла навеки – сила Зла...
И одна – я выплакать покой,
Затопивший душу, не могла...

Чистый ключ – забил из-под стены,
Отражая тихие кресты.
Те – от чар моих исцелены,
Кто глотнул хрустальной той воды.

И молва простёрлась далеко
О багровом Храме, чуде волн...
Даже мимо воли – никого
Не сгублю уж: каждый – защищён.

Чтоб спасти родных – от чёрных пут,
Вымолить покой – своим краям,
День и ночь – Паломники идут
Поклониться водам и мощам.

Я же – Божьей Страницей хожу
По градам и весям: чудеса
Тем – с водой целебной разношу,
Кто не в силах сам – придти в леса.

А на тех могилах, кто погиб
В час моей душевной черноты,
Выливаю в землю черпачки,
И – восходят белые цветы.

Но в любом пути и в день любой,
К той печали, что – не ищет слов,
Видится мне Ангел мой святой –
В гуще самых нежных облаков.

Слёзы превращаются мои –
В чётки из прозрачных хрусталей.
Люди, что найдут в дорог пыли
Этот светлый круг любви моей,

Тех больных вымалывать на нём
Смогут, кто, казалось, обречён.
...Я тревожусь – только об одном:
Человек я – или – это сон?

Может быть, я, смертною не став,
Не облекшись в таен, уйдя от зла,
Сделалась Невестой Христа...
Вдруг – осталась вечной, как была?

Если так, в тот рай – я не вступаю,
Где – пушинки всё ещё в кудрях...
И тому в лицо не посмотрю,
Образ чей – я вижу в облаках...

21 сентября 2006 г.,
7 июня и 24 августа 2009 г.

Невеста и Колодец

(по мотивам индийской народной сказки)

В одном краю душистом, да в одной
Долине, где дожди – шербета слаще,
За пальмовою рощей, за рекой –
Жил Пурджа; малый добрый, работающий,

Сердца камней бесчувственнее – мог
Он дружеской наполнить теплотою.
Едва завидев, звали на порог
Его соседи все – со всей душою.

Одна беда: был Пурджа небогат,
И с той, что грёзы юноши пленила,
Любовные дела – не шли на лад,
Поскольку та – лишь золото любила.

А в маленьких индийских деревнях,
Известно, сбережённый *грош* – немало!
А два гроша – и ходишь в богачах.
В подобных не нуждаясь женихах,
Не краткий час – в Невестах тосковала

Та алчная девица. Наконец –
О браке разослала весть желанном!
Её Жених – заезжий был Купец;
И стар, и глуп, зато – с тугим карманом.

Одетым в тучи, беспросветным днём,
Когда шагни – и обувь в тьме замочишь,
Вбежал в печалью напоённый дом
Гопал, брат младший Пурджи: "Ты – не хочешь

Прекраснейший из красочных обряд
Увидеть? Каждый – этого желает!
Пойдём скорей – смотреть на свадьбу, брат!
Гирлянды – сплетены, огонь – пылает!"

Но старший брат – известию не рад,
Ничком – он на циновках горько плачет:

"Ах, почему не я, не я – богат?!"
Ах, ёсли бы мне, если б – быть богаче,

Расстроить эту свадьбу я б сумел
И был с Любимой рядом – сам – до смерти".
– "Расстроить этот брак? Всего-то дел! –
С весёлым озорством Гопал ответил. –

Невмочь твои страдания видеть мне.
Не быть Невесте – Богачу женою.
Ты знаешь три колодца на холме?
Так будь там час спустя; я – всё устрою".

– "Куда тебе... Из мира дней потерь
И нищеты – в мир перейдя богатства,
Она, должно быть, счастлива теперь,
Но и признать боится, как несчастна".

И вправду, пляшут радость и тоска
В крови Невесты, что теперь – богата;
Всё ж – обнимать ей тошно старика:
Льнёт не к нему, а к золоту наряда.

Брамин – и видит, что союз – не свят
Сердец, да велика – за свадьбу плата,
И он, склонив себя корящий взгляд,
Готов произнести – слова обряда.

Зажёг сандал – на алтаре... В тот миг –
"Постойте! – мальчик вскрикнул. – Чтобы в мире
С богами – заключить Союз, жених
Один быть должен! Женихов – четыре!

Страшитесь: брак подобный заключить
И набожные менее – не смели,
А вы – решились небо прогневить".
Свидетели и гости – зашумели...

"Гопал, – сказал Брамин, – коль ты узнал
Не ведомое нам, скажи – что знаешь".
– "Пойдём со мной, Брамин. Чему я стал
Свидетелем – и ты сегодня станешь".

И все, кто был на свадьбе, с Женихом
С Невестой во главе, не споря дале,
За мальчиком – отправились на холм,
Где три колодца ветхих – в ряд стояли.

Девуцу и Купца – подвёл Гопал
К колодцу одному. "Развей сомненье, –
Сказал Невесте он и указал
На Богача на водах отраженье, –

Там – твой Жених иль нет?" Взглянув на лик
В воде, она – согласно закивала.
В другой колодец глянули. "Жених
Там твой иль нет?" – "Жених", – она сказала.

В колодце третьем – видя то ж в волнах,
"И там – Жених", – Невеста повторяет.
И, загибая пальцы: "Так на так,
Четыре жениха", – Гопал считает.

С трудом великим – душат гости смех
(Одним супругам – шутки ход не ясен),
Но крах союза алчного – для всех
Желанен: в ком-то – зависть он угасит,

А в ком-то – мести жажду утолит
(Отвергнутых Невестой – здесь немало),
Кого-то – наконец, развеселит
(Жизнь – горя много Бедным причиняла)...

И сам Брамин, увидев для души
Невесты – путь к спасенью, смех скрывает.
"Да, чуть ошибку я не совершил.
Коль четырёх каялась ты, – укоряет, –

Быть верной, то не будешь – одному
Женой достойной; будь – свободна снова".
Купец ворчит: "Ах, лживую жену
Я взял! ещё троим – своё дать слово!"

Глупцов – не судим, что уж с них возьмёшь.
А тут, как брату – обещал, явился

На холм – и Пурджа. "Ну, мой братец, что ж,
Смотри: расстроен брак. Сам – убедился?" –

Гопал лукаво шепчет. "Как ты смог?" –
Дивится брат. В тот миг – небес озноб
Минул, и в туч развеянной печали
Вонзился в воды – яркий солнца столп,
И в том – искристо блики заиграли.

И вновь в колодец устремив свой взгляд,
Увидела Невеста, что богато
На старца отражении горят
Густые звёзды серебра и злата.

"Ишь, как сверкает Жениха наряд
Глубинного! – девица прошептала. –
Земного пуще, видно, он богат,
И в выборе своём – я прогадала".

Склонилась ниже. И вот тут – она,
Желая больше – разглядеть в пустотах,
В колодце – отразившись и сама,
Стан женский – заприметила на водах.

"Ах, вот и верь, – вскричала, – женихам!
Уже другая с ним! Нет, пусть придётся
Мне утопить её, но – не отдам
Ей Богача!" И – прыг на дно колодца!

Не будем вам рассказывать о том,
Как пятеро – наверх её тащили...
В наряде рваном (и вода – ручьём!),
От головы до пят – в глубинном иле,

С гримасою досады – прошептатъ
Она смогла одно: "Ах, упустила...
Изменник – от меня успел сбежать...
Соперницы – лишь водный след словила..."

– "Давай же, – брата локтем подтолкнул
Гопал, – утешь девицу, ты – дождался!"
Но только плакнул тот, рукой махнул
И, вольный от тоски, домой подался.

А вслед за ним – и гости разошлись.
Один Купец, прильнув к колодца краю,
Твердил: "Ко мне, трус глупый, поднимись,
Тебе я рёбра все пересчитаю..."

— / / / — / / / —

Я знаю эту сказку наизусть,
Но, всё-таки, прошу, когда сама я
На отблески в колодце засмотрюсь,
Что *отражение* то, не понимая, –

Чтоб так же я не ринулась на дно,
Как та, что увидала позолоту,
Напомни этот – мне сюжет, и то,
Что я словаю не золото, а воду.

Да, я услышу вряд ли. Ты, махнув
Рукой, уйдёшь, осмеивая встречу.
Но, может быть, ты вдруг – *затмишь волну*,
И я – *тебя*, не призрак в ней, замечу.

22 января 2007 г.,
Парк Умирающих Ветвей

Победителей не судят

Сказка об Опасности

Нозлю и Крису

Жила-была Герцогиня Зоретта. Жила она во дворце, который никто не видел. Потому что вокруг него всегда растялся туман.

Напротив дворца Герцогини стоял дворец Принца Криштофа. Светлый, золотой. Принц любил Зоретту и хотел сделать её хозяйкой своего дворца. Но девушка боялась покидать туман.

А в соседнем Крае жил Граф Найль. Он, как и все вокруг, знал о страхе молодой Герцогини и вызвался излечить её.

"Позволь мне остаться рядом с тобой, – сказал он. – Я стану делать твой мир светлее с каждым днём, и чувства твои прояснятся, а с ними – ореол твоего дворца".

Но Герцогиня Зоретта знала о Лекаре-Графе – ещё меньше, чем о Соседе-Принце, и не могла убедить себя довериться ему.

При этом Зоретте очень хотелось *любить*, и она решила устроить состязание между готовыми помочь в осуществлении этого желанья.

Зоретта сказала Графу и Принцу: "Только одно чувство может сблизить меня с одним из вас. Это чувство – сопереживание на грани отчаянья. Потому – слушайте. Кто из вас подвергнет себя наибольшей опасности, к тому я и брошусь с жаждой напоить утешением. А когда он выпьет утешенье до дна, я опьянею с ним вместе и стану привязана к нему".

И Герцогиня велела Наилю и Криштофу войти каждому в свою клетку со свирепыми львами и оставаться там до перемены ветра.

Когда ветер переменялся, слуги внесли во дворец Герцогини окровавленного Графа Наиля и ввели невредимого Принца Криштофа.

"Ты проиграл, – сказала Зоретта Криштофу. – Я вижу, Найль подверг себя большей опасности, и мне следует остаться с ним".

"Госпожа моя, – сказал Принц, – Граф *убил* тех львов, что были в его клетке, а я *приручил* тех, что были в моей. Я оставляю их при дворе и стану ежедневно подвергать себя опасности, обучая их служить Вам – так, чтобы Вы – опасности не узнали".

И Зоретта не смогла сделать выбор. Она решила повторить испытание. Протягивая по мотку верёвки Принцу и Графу, она сказала: "Возьмите и подвергните себя наибольшей опасности".

Граф Наиль, взяв верёвку, натянул её между крепостной стеною и окном Герцогини – и прошёл по ней в тумане, рискуя разбиться насмерть, сорвавшись с огромной высоты. Он был уверен, что как бы ни рисковал Принц, превзойти его – тому не удастся. Но Герцогиня сказала Графу: "Наиль, доказывая любовь, Вы шли из тумана на свет, а не наоборот. Разве сможете Вы понять меня!"

И она ожидала, желая увидеть, как пройдёт по верёвке Принц Криштоф. Но тот не стал натягивать верёвку в высях, он обвязал себя ею на манер марионетки и вложил служащие для управления узлы в руку Зоретты, говоря так:

"Самая большая опасность для мужчины – оказаться во власти женщины. Теперь – я в Вашей власти, Зоретта".

"Вы победили, Принц, – тихо сказала Герцогиня. – Я люблю Вас и люблю *заново*, если Вы развяжете Ваши путы".

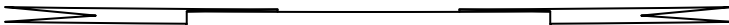
"Увы, – сказал Принц, – я не могу освободиться сам". И Зоретта опустила глаза, досадуя и на себя, и на Избранника.

Но тут подошли к ним приручённые львы и осторожно перекусили узлы верёвки.

"Он не развязал своих пут сам! – закричал Наиль. – А я сделаю это!" Стал он обвязывать себя верёвкой, чтобы затем распутать узлы, – да так и задохнулся в неловко затянутых петлях. Бросилась к нему Герцогиня и стала вдыхать воздух в его холодеющие губы...

Так и не вернулось к Наилью дыхание. Так и осталась Зоретта с Криштофом. Но то прикосновение губ не даёт ей покоя и ныне, когда вокруг дворца – нет больше тумана...

13 марта 2001 г., Москва

Баллада о Скрытой Ране

Мистеру Хауарду

Это ранивший душу взглянул напряжённо,
Так ли рана, как прежде, ярка.

Анна Ахматова

Что *по ошибке* – данное дано,
Сказав, из нас, как Бога – из потира,
Однажды вырывают с корнем то,
Что было частью – внутреннего мира.

Не каждый *смеет*, муки обманув
Чутьё, смущён – оставленным раненьем,
В открытой алой бездны глубину
Взглянуть своим душевным, скрытым зреньем.

Я также – из испуганных, из тех,
Кто предпочёл, в агонии притворства
Набросив маскировки слой поверх
Разрыва жизни внутренней, бороться

С желаньем – *шва* просить, пока в груди,
В истерзанной стране самозабвенья,
Внутри – считает силы все с пути
Непризнанного мощь кровотоечения.

А ты – прекрасен, ты – мой новый сон,
Мой ветер свежий (разве – чувства скрою?!).
И ты не слеп: мой свет – белей знамён,
Что перемирие возвестят с судьбою.

Но что теперь – о ветре и о сне...
– "Увы, мой собеседник... исповедник...
Мы больше не увидимся. Во мне
Осталась пара капель – сил последних..."

Сел ближе: близко так, что по щеке
Моей – провёл волос медовой смолюю.
– "Мы больше – *не расстанемся*. Во мне
Довольно сил – чтоб быть *обоим* кровью".

Рубиновым приливом – дух прожгло.
Теперь причины ран – не стыдно выдать.
Как в дождь – бывает мирно и тепло...
Как благостно – окутывает близость...

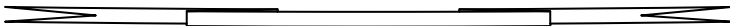
Вбираю силы, как цветок – росу.
Твоею кровью – миг за мигом полною.
От вскинутых бровей и по лицу –
Румянцем жизнь твоя, тугой волною –

Вниз по плечам в накидке ледяной,
По сгибам, по раскрывшимся ладоням.
Но почему мне *хуже*? что со мной?
...Мы слишком поздно, спохватившись, вспомним,

Что так легко, горячим окатив
Потоком дно, что плачет об уроне,
Того, чью жизнь – ты так желал спасти,
Убить – несовместимой группой крови.

Твой взор – вина и скорбь, огонь и мрак.
Но в колыбели рук – всё так же смело
Ты держишь мои руки: точно так,
Как *Чьи-То* – прежде – удержать хотела.

14 июля 2007 г.

Реквием Певчей Птице

(по мотивам испанской народной сказки
"Птичка и Принц")

"С добрым утром! С ясным добрым утром!
Жить не бойтесь! это – ваш полёт!
Слушайте! Вдали, но тем же слухом –
В ледяном Дворце – Король живёт".

Раскрывая ставни в свет искристый,
Как души Создателя шаги –
Песню серой Птицы, Певчей Птицы
Слушали всё утро бедняки.

От людей – негусто доставалось
Хлеба ей в награду и зерна,
И за их единственную радость
Не просила большего она.

Но в душе – пичужка признавала,
Чьим величьем – полнится земля,
И от всех тайком – она мечтала
В день прекрасный спеть для Короля.

Проскользнув под белой занавеской,
С нестерпимой жаждою чудес,
Чтобы жребий славить королевский,
Раз – она проникла во Дворец.

Пир шумел – в холодной светлой зале,
Медью отливала – речь господ,
Птичий голос – песни заглушали
Опьянённых подданных, но вот

Заприметил крылья Гости малой
Государь со златом на челе.....

"Вот её как раз и не хватало..."

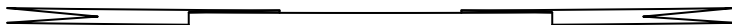
На Моём обеденном столе!

Что же время Повар Мой теряет?
В тесто – два крыла, не трать минут!
Это щебетанье – Мне мешает
Размышлять о вкусе новых блюд".

...Я смеюсь, услышав от Придворных,
Что случилось с глупым соловьём.
Едким дымом перьев осмолённых
На дворцовой кухне этим днём

Полон угол – за перегородкой.
В копоты черней тенистых чап
Старая Стряпуха – Поварёнка
Утешает: "Маленький, не плачь.
Незачем о Птице – думать с болью:
Та, чья плоть – из песни, не умрёт.
Из печи, видала я, на волю
Вырвалась она сквозь дымоход.
Да, не в белизне спаслась лебяжьей,
Не в павлиньем радужном цвету –
Вся в печной золе, в дыму и саже,
Но живой – вернулась в высоту.
Не грусти, мой мальчик. Тише, тише...
Птицы – про дворцовые врата
Оттого лишь песни нам не слышно,
Что летает – выше, чем всегда.
И хотя она – не забывает
В небе о тебе и обо мне,
Больше близко к людям не слетает –
В страхе очутиться вновь в огне.
Хоть углями ставшие убранства,
Дымом, разнесённым по Двору, –
Птице не нужны теперь, их – разом
Не стряхнуть: по одному – перу.
И когда те перья отпадают,
Кажется: с молочного моста
Это звёзды искрами слетают,
В прах вдыхая – прежние цвета.
И хотя не слышно ни напева
Птицы, искупавшейся в золе,
Те, кто видит бег слезинок неба,
Сами сложат песни на земле.
Ну, не плачь и спи, ночь быстро мчится,
Силы, мой малыш, побереги:
Нам с тобой – готовить завтрак Принцу,
И в лесах – полным-полны силки".

24 июля 2007 г.

Крик мандрагоры

Корень мандрагоры, дающий людям способность летать и видеть необычайные образы, – самое могущественное из растений, используемых в колдовских целях. Мандрагора – содержит в своём корне демона, который делается верным слугою тому, кто вытащит растение из земли. Но задача желающего завладеть им – осложняется болью, которую испытывает мандрагора, покидающая землю: крик её настолько ужасен, что у тех, кто услышит его, останавливается сердце – и они падают замертво...

Предание

Ты – утомлён, мой Милый, Жизнь моя.
Твои глаза – сверкающие тучи.
Искристое безумье бытия –
Подобно лихорадке, ты измучен.

В нехоженном лесу, где на корню
Вбирает чары Бездны всё живое,
Я – демона такого изловлю,
Чтоб был твоим безропотным слугою.

Средь трав тяжёле камня и свинца,
Каноников презревший приговоры,
За веком век – бесстрашного ловца
Он ожидает в корне мандрагоры.

Он был неистов некогда и дик,
Теперь – он позабыл кровопролитье,
Но знаю, что его – смертелен крик
Для Слышащих, тревожащих – укрытье...

Тот крик слышали – сквозь мехов начёс,
Сквозь собранные белых мхов наросты,
Сквозь войлок просмолённый и сквозь воск...
Мне показали давеча погосты...

Припасшая и лести, и даров,
В лачугах тёмных, где кишели змеи,

Я расспросила старых Ведунов
О мандрагоре – о траве Цирцеи...

И мне сказали: демон, что в корню
Живёт, в счастливо-тягостной неволе,
Не в ярости кричит, когда свою
Покинет нóру, – мучаясь от боли.

И новой ночью – я пришла на луг
В лесах, где душно и луна пустынна.
"Взгляни мне в душу – в эту *муку*, дух,
И ты поймёшь, как боль твоя невинна!

Освобождённый – от земли сетей,
Ты увидеть захочешь без улыбки
Того, кто вдоволь знал – *своих* скорбей,
Но утешал Печальных – в схожей попытке

(Корнями – из земли!). Представив лишь
Не криком плакать навыв, но строкою,
Ты, дух, закусишь губы и смолчишь,
И будешь самым преданным слугою".

Меня – уж отпевали на дворах,
А лес – ловил, как нежную балладу:
"Сестра моя, Хозяйка и Сестра,
Веди меня – к Хозяину и Брату..."

Дышу ли я? живу ль? – ответ далёк,
Из зелья – не исторгнутый наружу.
Я принесла в твой сон – волшебный сок.
Испей из уст моих – лесную службу...

23 июня 2006 г.

Три Медведя

(намёк, отделённый от сказки)

1. * * * *

Мёд обтекает губы с подвижностью ртутной,
Лес окружает характеры со скоростью ртутной,
Что-то наполняет пространство каждой минуты
Шерстью медвеже-бурой.

И – глупость ли? зло? характер? –
И – принципа ль, блажи ради? –
Засыпаем в чужих кроватях
И что-то опасное дразним.

2. Как мы очутились в чаще

(о неуправляемой увлечённости)

Малина тугая и сладкая,
Она пахнет пирогами с корицей.
Почему – от ягодки к ягодке –
В эту чащу идём – заблудиться?
 Брызжет сок и лукошко ломится,
 Осторожность – лишили прав.
 Мы уверены, что остановимся,
 Куст ещё один – обобрав.
И голод – нам был бы простителен,
И леший бы вывел назад.
Но все, кроме нас, увидели,
Что это чистейший азарт.
 И смеются: "Решили, удачливы.
 Верят: всё под контролем у них!"
 Эти сборы бы – с хмелем и скачками
 Или русской рулеткой сравнить.
Но лукошки у нас – не бездонные.
Отрезвлённые, прочь побрели.
Да всё выше – крапíва тёмная,
И всё ближе друг к другу стволы.
 Крылья бабочек – стали прохладными,
 Потянулся туман, как дым.
 Мы не думаем больше о ягодах
 И вполстраха друг друга браним.

– "Ты была слишком неосмотрителен!

Я боюсь! я начинаю дрожать!"

– "Ты – шла со мной, ты всё видела,

Ты могла бы меня удержать".

Глупо хвастаться перед друзьями,

Коль они же нас и спасут...

Да, у нас больше ягод,

Но – мы и дальше в лесу.

3. Приходя на свет

(о том, как сразу наглеют избежавшие опасности)

Когда иссякают возможности автопилота,

Мы, позабывшие: это – не в первый раз,

Думаем о том, что бесцельно отжитые годы

Пригодились бы нам сейчас.

Огни от крапíвы – под действием страха погасли.

Ягоды брошены. Кеды – о корни порвав,

Мы в обречённой, но щёки прогретой власти

Леса, и это Судьба.

Тяготаясь этой мыслью, чащ протоптав километры,

Словно ад – безраздельно наш,

Мы вдруг – видим свет, и не важно, ловушка это

Или просто мираж...

Рассуждения – после, нам бы – сперва убедиться.

Дверь приюта лесного, по счастью, не заперта.

Будто бы розой – изорванная петлица,

Петли провисли, и стёрлась – опаски черта.

Только, манну глотая, оценим ли мы угощенье?

Даже – некуда идтí больше, зная,

Осмелев – от спасенья, о нет – *обнаглел* от спасенья,

Здесь гостим, мир хозяев ломая.

Разом лохмотья забыв и ожоги крапíвы,

Мы спешим – *использовать* дом.

Знать не зная: хозяева – были б гостеприимны? –

Забавляемся с их добром!!!

Будто приходу нашему – дом *обязан!*

"Натерпевшийся – прав; нас – простят".

О, мы осмелились – даже к тому придраться,

Что украли – в гостях.

"Эта чаша – мала, мелко блюдо и жёстко ложе.

Этот мир – чересчур высок".

И – ни о чём, ни о ком, ни на миг – не тревожась,
Сладко – на правый бок.

4. Пустыня

(о том, что мораль – двойственна)

– "Будь мы скромны, как всё было б?" – Теперь не важно.
Медведи здесь.

"Кто – осушил мою чашу?"

"Кто перебил мой фарфор самый хрупкий – весь?"

"Что с вещами? Кому разрешили мы – перемещать их?!"

И наконец:

"Кто перины измял, занимаясь любовью в кровати?"

Объясняться – дыханья нет.

Если бы мы – за порог не ступили, то, верно...

Нет, кто предскажет – сюжет!

Нашей вины хватило – лишь для побега.

И вот – прошло много лет...

Мы вдали от лесов – после многих реинкарнаций.

О медведях не знали в пустыне – до сей поры.

Но наш гость говорит: "Я – расскажу вам сказку..."

И мы слушаем, рты раскрыв.

Может, дело не в том, что тепла или манны не хватит,

Если не красть – у других?

Может, просто есть те, кому нравятся чужие кровати

И чужие куски?

Есть, конечно, и те, что медведей бы ждали у входа,

Ждали хозяев, что впустят – иль в клочья за миг.

Есть и те, что гостили б – кротко, хотя – и гордо,

Но рассказ – не о них.

Был ли выбор у нас? Выбор – что это вóвсе такое?

Мы зарделись не в неге, а в давней вине сердец.

Но – преподнёс нам сюрприз – Рассказчик: мы двое –

Мы!!! – ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ ГЕРОИ.

И это счастливый Конец.

1 и 20 ноября 1999 г.

Сентябрь

Нью-Йорк. Джёрдан и Анхелика.

часть первая

I.

Они скрещивали мизинцы,
Они ели виноград на мансарде.
Она спускалась к обеду
В синем вязанном платье.
Он забывал снять фартук,
Садился за стол, улыбаясь,
И пачкал её мукою,
Когда они обнимались.

II.

Она сливки лила на кожу,
Повсюду забывала ромашки.
Просыпалась немного позже
Чем он, но вставала раньше.
Сходя с ума от её расчёсок,
Он прятал их во все щели.
Они уволили служанку, стесняясь
Утренней уборки постели.

III.

При нём она не красила губы,
Не говорила "неважно",
Когда она раздевалась,
Звенели цепочки и пряжки.
Он умел красиво ругаться,
Пёк по субботам печенье,
Он носил очки ради стиля,
Скрывая хорошее зрение.

IV.

Её родители жили в Сизтле,
Его брат был сутенёром в Торонто.
Они много лет не встречались,
Но обменивались прессой и фото.

Писали о ставках на скачках,
Что проиграли, что кончилось лето.
А о свадьбе ей так сказали:
"Ты ещё пожалеешь".

V.

Она не слушала советов и радио,
Она кошек любила с детства,
И он на фонды бездомных животных
Истратил половину наследства.
Он писал стихи о природе,
Ему снились её портреты.
Она болтала с диктофоном о моде,
А потом стирала кассеты.

VI.

Они были вместе пять месяцев.
Вели себя прилично и просто
На людях, а потом извращённо
Отмечали число знакомства:
Покупали в секс-шопе шипы,
Били друг друга по пьяни.
Детей не хотели, боясь
Обделить друг друга вниманьем.

VII.

Он чувствовал себя виноватым,
Слыша, как она плачет.
Она верила только в те приметы,
Которые обещают удачу.
Во время менструаций она
Страдала от болей в спине,
И он застёгивал ей босоножки.
Он никогда не курил при ней.

VIII.

Он мог забыть её шведскую фамилию,
Но помнил, сколько ложечек сахара
Она хочет в кофе. Она
Всегда всё решала внезапно,
Не носила часов, очень часто
Меняла стрижки и впадала в апатию.

Он знал три языка.
Она не смыслила в математике.

IX.

Они не употребляли наркотики,
Но непрерывно ощущали их действие.
Она молилась, и он скучал,
Не веря во второе пришествие.
Он любил покупать ей вещи,
Но ненавидел давать ей деньги.
Их район был самым спокойным –
Лишь четыре убийства в неделю.

X.

Свои измены она не скрывала,
Она любила женщин-подростков,
А он считал, что получает прощение –
Не задавая об этом вопросов.
Им нравилось предохраняться.
По-разному. Вместе и порознь.
Она сказала, что заразилась СПИДом.
Он плакал совсем как ребёнок.

часть вторая

I.

Это опасно, как пожар в небоскрёбе,
На промежуточной высоте.
Это забота о причинившем обиду.
Применение пятна на белом листе –
Как детали рисунка. Это что-то в иконах.
Это секс, когда дети ещё не спят.
Это ответственность за самоубийство.
Вот шесть фраз об умении жить, любя.

II.

"Мы предохранялись, – спокойно сказал он.
Возможно, я не болен". И исчез на несколько дней.
Она купила себе новые платья,
Много туфель и шелковых простыней.
Она боялась, как на последнем экзамене,

За себя, за него... Наполняла бокалы и не пила.
Она сама переклеила обои в спальне,
Начала растить ногти и искать для них жёлтый лак.

III.

Он пришёл к ужину и сказал: всё в порядке.
Она переспросила и кивнула, не дождавшись ответа.
В этот же вечер он понял, что ему неприятно
От острых краёв её винтовых браслетов.
Он сказал ей напрямую, наблюдая в её глазах
Угасание вечнозелёных лучиков света:
Помнишь, я прижимал твои порезы к губам
И ты дарила мне опасные бритвы? Забудь об этом.

IV.

И они продолжили свою Совместную Жизнь,
Делая вид, что это в порядке вещей.
Она тайком прикасалась к его одежде,
У него появилась привычка следить за ней.
Когда она билась в истерику утром, сквозь сон,
Он умел и курить, и держать её за запястья.
Они ели из одной посуды и бывали в душе одним.
Но уже поочерёдно. И не вспоминая о свадьбе.

V.

Из дрожащих рук выпадает то, что скрывают.
Во всём свои плюсы. Они стали куда чистоплотней,
Осторожней в каждом движении и поступке.
Она полюбила дом, он уходил "по делам" всё охотней.
Засмотревшись на него – так внимательно, как никогда,
Она кивала, забыв, о чём беседа ведётся.
Он приносил цветы без шипов и вернул ей расчёски,
Он вырос в своих глазах, став символом благородства.

VI.

Так было несколько месяцев.
Спокойствие ценой напряжения.
Он стал носить свитера, выбросив сто пар очков.
Она первая обнаружила на его красивом виске
Несколько выгоревшие-седых волосков.
Она стала любить его не за характер, а за поступки.
У него появилось ощущение, что всему конец.

Он понял, что ему противны не только все женщины,
Но и сам, как змея на груди пригретая, секс.

VII.

На время возникшая дистанция их даже сблизила.
Но вскоре он винил её, а она, казалось, мысли читала.
Он перестал ласкать её, но хлестал всё любовней мысленно,
А она никогда его первая не ласкала.
Нью-Йорк уже запасался ёлками к Рождеству,
Гирлянды и ватные бороды вселялись в столицу.
Она чувствовала себя хорошо, грезилась наяву –
Но про себя. А он сомневался, что чудо случится.

VIII.

Он сдавал анализы ещё несколько раз,
С ним было всё в порядке. Чистая красная кровь.
Его начало укачивать в машине, он много гулял пешком,
Заходя в больницы с мыслью, что он здоров.
Она приснилась ему в свадебном платье с чёрной вуалью,
Подошла к нему – и дыхание было жарким.
"Скажи, ты со мной? – спросила. – Прощу, решай!
Я должна знать, тратиться ли мне на подарки".

IX.

В следующем сне он видел её в гробу.
Кто-то пытался его напоить и обнять.
Он проснулся не в холодном поту, а в её руках,
И не называл её по имени в течении дня.
Ему нравилось только одно: взглянув на неё, ему
Снова хотелось жить. Господи, просто жить!
Он думал: "Она недостаточно благодарна мне".
Жалел себя больше. Зачем-то бросил курить.

X.

Он захотел стать донором, а потом отказался. Он
Оставил ей именно те свои свитера,
Которых она касалась тайком.
Много денег – почти все. Телефон – знакомая медсестра...
Он собрал все ромашки, которые она растеряла,
Положил лаконичную записку на обеденный стол:
"Я не смогу наблюдать, как ты умираешь".
Встретился с ней в дверях. Чмокнул в щёку и молча ушёл.

часть третья

I.

Рождество он провёл в одиночестве,
с возрастающим мазохизмом
Читая Шекспира и книги по медицине.
Он отправил ей открытки, не получил ничего в ответ,
И сначала был рад, а потом как-то вдруг впал в уныние.
Он знал, что не сможет без неё, уже когда убегал
От минутной слабости... А ночью спокойно спал.
Он много говорил о том, как она любит его.
Он стал суетливым и редко глаза поднимал.

II.

Он то не хотел её видеть, боясь, что вернётся к ней
И всё возобновится, то хотел эту пытку навечно
И, наконец, жалел её больше себя,
И не мог позвонить, и надеялся на случайную встречу.
Он понял, что ощущение потери к нему не пришло,
А было в нём с тех пор, как он узнал о её болезни.
Он не вспоминал их счастье, а думал о том, что не смог
Сделать – что-то, что позволило б им быть вместе.

III.

Он понял, что отвращение было вовсе не к ней,
А к обманувшей его с такой лёгкостью Смерти.
Что боялся не заразиться, а остаться совсем один,
А на ней вымещал непосильные чувства эти.
Его захватила идея. Он знал, что она никогда
Не позволила бы ему от неё заразиться,
Но если бы он пришёл к ней уже больным,
Они могли бы навечно соединиться...

IV.

Без страха, без сомнений друг в друге, с одной бедой,
Полностью понимая друг друга. О, так умирать
Восхитительней жизни... Теперь он ужасался тому,
Как он посмел оставить её, предать?!
Его чуть не арестовали, когда он предлагал чеки больным,
Он чуть не попался, пытаясь взломать лабораторию,
Он был на пике чувства в своей вине.
Он подбирал шприцы со всех подоконников.

V.

Он кормил свою знакомую проститутку
Лимонным мороженым и желе из дыни.
Сначала пообещал убить её, а потом давал деньги
И просил назвать хотя бы одно имя...
Она то хохотала, то безумно его боялась,
И впервые по-настоящему его хотела.
Когда он говорил о верности,
она спрятала нож под скатерть.
Когда он говорил о смерти, она побледнела.

VI.

Они просидели всю ночь у неё на кухне,
Она не хотела открыть окно, чтобы выпустить дым.
Им отказывал голос, они даже не разбудили ребёнка,
Которого он долгое время считал своим.
Она собралась заново завязать ему галстук,
А он не смотрел в зеркало и на всё отвечал "не нужно".
Когда, уезжая, он чуть не разбил машину,
Она вызвала такси и назвала адрес больной подружки.

VII.

На последнем этаже высотного здания
Ему стало плохо, он полчаса просидел у лифта.
Бормотал своё имя и что-то искал в карманах.
Потом заметил, что нужная дверь открыта.
Было девять утра, девушка готовила завтрак:
Она прóлила сок и у неё подгорел омлет.
Она приняла вошедшего за кого-то другого,
Бросилась к окну и он словил её в последний момент.

VIII.

Он твердил: "Мне нужен только вирус",
она билась в его руках,
Сказала: "Вы будете допрашивать меня в участке".
Они успокоились внезапно – оба одновременно.
Он увидел всё происходящее очень ясно.
Отпустил её и сам направился к окну, и теперь
Уже девушка оттаскивала его от проёма,
Они разбили стекло, сражаясь, и порезались оба,
И он не схватил её руку, а отправился на поиски йода.

IX.

Девушка была в шоке, она сидела на полу у дивана
И сквозь открытую дверь безмолвно следила,
Как он переворачивал коробки и полки в ванной.
А потом они бинтовали друг другу локтевые сгибы.
Этот день они провели в парке, похожие на супругов,
Он купил ей сахарную вату, она гладила его по волосам,
Он рассказывал ей о своей любимой
с внезапной гордостью.
Он думал, она плачет из-за порезов, и плакал сам.

X.

Вечером они смотрели кино про динозавров,
То и дело теряя сознание от потери крови.
Она подумала: "Завтра сдам его рубашку в химчистку".
Ему понравилось, как она говорит чепуху и готовит.
Она потянулась к его губам в полдвенадцатого.
А он совсем не с ней хотел заниматься любовью.
Засучив ей рукав, он представлял свою девушку,
Достал стеклянный шприц и быстро его наполнил.

XI.

Больше он не видел своего улыбчивого убийцу.
Дожидаясь результатов, он чувствовал прилив новых сил.
Скупал игрушки и золотые кольца в подарок
Той единственной, которую он всё сильнее любил.
Он был счастлив и пинал ногой пустые пакеты,
Когда узнал, что он болен. Февраль был похож на весну.
Он позвонил в её дверь, роняя букет, в ту минуту,
Когда она не решалась лезвием по руке полоснуть.

часть четвёртая**I.**

Они не произнесли ни единого слова.
Она ощущала восторг и прохладу.
Она не стала поднимать его с колен,
А сама опустилась на колени рядом.
Наконец, он смог посмотреть в зеркало –
В нём отражались двое прекрасных молодожёнов.
Она смотрела на него с такой благодарностью,
Что он на секунду почувствовал себя подонком.

II.

В следующую секунду он чувствовал себя королём.
И всё кружилось, как на коронации, как в центре бала.
Он подумал, что не сможет отнести её в постель, и она
Вела его за руку, укладывала и раздевала.
Они были так измождены минувшим ожиданием
Чего-то то страшного, то желанного – как тонуть и гореть.
Она увидела бинты на его локтевых сгибах
И решила, что он тоже хотел умереть.

III.

Они просто уснули. С осознанием того, что их ДВОЕ.
А через восемь часов – всё так же молча –
Занимались самой опасной на свете любовью.
И она изорвала ногтями его ладони в клочья.
Это был первый раз, когда он был в ней без преград,
И для неё это было намного важней.
Он подумал, смог бы ли получить свой вирус
Впервые от неё, и тут же ответил: нет.

IV.

Она словно воскресла – солнечный пух и цветок,
Неожиданное тепло прекрасной ядовитой змеи.
Она не целовала его, а он чуть шевелил языком,
Когда она подставляла губы свои.
Ему казалось, у них ещё всё впереди.
Даже если впереди – счастье не лет, а дней.
Она вскрикивала первой... а потом ускользала. Потом,
Закрыв глаза, они просто лежали в лучах, на спине.

V.

На её половых губах не обсохло ещё молоко,
Когда ему показалось, что он выпил её до дна.
Она засмеялась – лукаво и вместе с тем легко,
"Ты всё-таки сделал это!" – сказала она.
Он выглядел как совёнок, попытавшийся днём летать,
И ослепший на свету, и разбившийся – вместо сна,
Когда она сказала: "Я хотела тебя испытать".
Когда она сказала: "Знаешь, я не больна".

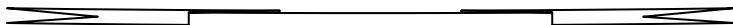
VI.

Он был неподвижен, она снова стала его ласкать,
А он смотрел на неё, словно впадая в кому.
"Ничего же не изменилось, – пытался успокоить себя, –
Вот мы оба больны... Но всё могло бы быть по-другому!"
Он понял, что об этом ему думать ещё не раз,
Не получалось жалеть ни о чём, закричать, разозлиться,
Поверить, сказать ей – "что сказать?" Из окна падал свет,
Увеличивая вдвое выражения на их лицах.

VII.

Она всё ещё смеялась – ребёнок, придумавший шутку,
Изрисовавший помадой мамино платье.
Он поднялся с постели, не зная, куда пойдёт,
Начал быстро, судорожно одеваться,
Потом вдруг всё бросил, сел на стул, уронил
Голову на руки и сидел так – трясущийся, белый...
Видя краем глаза – её ноги, свешенные с кровати.
А она, не понимая, со счастливой улыбкой смотрела...

27 – 28 июля 1999 г.

Притча об Истинном Мастере

Раз некий Правитель, в саду городском
Гуляя с Советником мудрым вдвоём,
Блуждая в зелёной, как рай, тишине,
Увидел рисунок на белой стене.

Был тонко и метко – кусочком угля
Слепец нарисован с лицом Короля.
"Советник! Давно я лжецов не казнил!
Скажи, кто художник!" – Правитель вспыхнул.

И тот – взял рисунок в лорнета прицел,
И долго на линий скрещенье смотрел...
И после – одно он решился сказать:
"Лишь *Истинный Мастер* – мог это создать".

– "И много ли в нашем краю Мастеров?"
– "Полсотни найдётся, пожалуй, творцов,
Чьи кисти тонки и манера остра.
Но лишь о двоих – говорят: Мастера".

И час не минул, как в побоях, в пыли –
Художников двух во Дворец привели.
О метком портрете того, кто незряч,
Обоих – допрашивал царский палач,

Суля то награды, то множество бед:
"Твоя ли вина?" – "Не моя", – был ответ.
..."Что ж, нужен лишь день, чтоб Король мой – узнал,
Кто *Истинный Мастер*", – Советник сказал...

Взять кисти и краски позволив с собой,
В тюрьму проводил двух несчастных конвой.
Их, бледных, как мел, и глядящих без сил,
В высокую башню – Король заточил.

Сказал им: "Назавтра – должны вас казнить.
Но вас – я не стану за бегство судить:
Кто способ сбежать из темницы найдёт –
Пусть мною прощённым считается тот".

Захлопнулись двери двух камер, засов
Отрезал от Мира Извне – Мастеров.
Как плиты могилы надежд и добра,
Вздыхнув, оглядели свой плен Мастера.

Хоть были лучи – и щедры, и ясны,
Сперва только слёзы – им были видны,
И слышал сквозь стену один, как другой
С досадою стонет – над горькой судьбой.

Затем – чуть отхлынула соли волна...
Что это – вокруг? какова белизна!
О чудо, Художникам – были даны
Два чистых холста в две огромных стены!

И вспыхнули взоры, усталость ушла,
Сгорела тот час безнадёжность – дотла.
Как тайна души – в пустоты глубине,
Сверкали полотна – от солнца в окне.

И нитью, связующей с жизнью, самой –
Казался поток тех лучей золотой,
И были холсты – как щиты против тьмы...
"Я знаю, я знаю, что сделаем мы!" –

Художник один зашептал, и второй
Ответил ему – за тюремной стеной:
"Когда пред тобой – те же холст и лучи,
Слова – ни к чему, я всё понял, молчи.

Удача – за нас: нет решёток в окне,
Мы сможем спуститься к земле – по стене,
Свои разорвав на верёвки холсты".
– "Увы... Я решил, что подумал и ты –

О *солнце*. Так в жизни – ещё никогда
Мой взгляд не пленяла огня красота
В высоком окне, обогрившем кайму...
В таком неземном – ореола дыму...

Так ясно, как нынче – не видел беды,
Я вижу картину, пора за труды...

Когда так идея – свежа и чиста,
Никак разорвать мы не можем холста.

Ведь солнце – жестоким и светлым *таким*,
Палящим *таким* и великим *таким*,
В гранатовых искрах, в рубинов пыли –
Увидеть нам впредь не придётся *с земли*".

– "О чём ты? Кошь мы до зари – не сбежим,
Ты света уж впредь не увидишь – *любим!*
Кайма, ореолы и дым неземной,
Гранаты, рубины – всё сгинет с тобой".

– "Нет, солнцу – престол смастерив из холста,
Я милость его заслужу. И тогда,
Мой век посвятивший – сияний игре,
Я стану подобьем его – на костре".

– "Чудак, ты умрёшь не в лучах, а в крови.
Спасайся со мною! свой холст разорви!"
– "Сейчас – упустив этот образ, всегда
Я буду писать – лишь лоскутья холста..."

– "О чём говорю я – с несчастным глупцом?.."

Закончили узники споры на том.
Один – свил канат из холста и сбежал.
Другой – на палитре оттенки смешал.

В трудах – ночь прошла его. Вспыхнул рассвет.
– "Ну что же, мудрейший, давай мне ответ,
Кто Истинный Мастер. Палач – уже ждёт", –
Правитель – Советника в башню зовёт.

Дверь первую – настежь: темница – пуста.
Дверь настежь – вторую: клубком у холста
Свернулся Художник на мраморе плит
И с мирной, счастливой улыбкою спит.

– "Кошь мы беглеца не велели казнить, –
Промолвил Правитель, – тогда, стало быть,
Кто плена покинуть не смог – виноват?"
И тут на картину – упал его взгляд...

Художник, призвав – всё своё мастерство,
Героя – с себя написал самого.
В груди его – было раскрыто окно,
И солнечный свет пропускало оно,

Как хрупкие ветви в чистейшем цвету...
Спешили лучи – небытьё, пустоту
Собой перекрыть, вся ждала их земля,
Но путь преграждал им – двойник Короля:

Напротив – стоял он под ярким венцом,
В прекрасных одеждах, с прекрасным лицом,
В величье, достойном – Фортуны самой,
Вершащей свой суд! Бог богов! Но... *слепой*.

И вздрогнул Правитель. Он долго стоял
Без слов пред картиной и взгляд устремлял
То к зареву чистых лучей на холсте,
То к царских очей роковой слепоте.

И, в тон свой вложив – не упрёк, похвалу,
Сказал он над спящим без сил на полу:
"Художник, судить тебя будет грешно
За то, что увидел – что мне не дано.

Дар творчества – *свет* твой, не меч и не хлеб.
Но ты ль – слишком зорок? Нет, я – слишком слеп.
Не вечно (что лгать – и себе, и другим) –
Сегодня, но всё же – я буду иным.

Найдите платок мне скорей, как вода,
Вобравшая луч, сходит с глаз – слепота...
Я вижу теперь, что имел ты в виду,
Советник. И новых творений я жду

От Мастера. Стража! Как только от сна
Очнётся, дать золота, хлеба, вина
Художнику, с миром – домой проводить".
– "А что же сбежавший?" – "Его – возвратить"

И в этой темнице – дотоле держать,
Пока не сумеет – точь-в-точь срисовать

Картину, что в ней создана. Если ж он
Вновь холст разорвёт, будет тотчас – казнён".

— /// — /// —

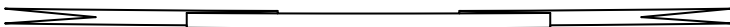
Вот вся моя притча, прекрасный герой.
Открыто окно, брызжет дождь золотой,
И слышно, как спорят в миру королей,
Звать меткую дерзость – моей иль твоей.

Но важно – не это... О, *первым* пойми!
Я солнце пишу, дай мне кисти свои,
Они тебе больше не будут нужны:
Мы *оба* – не будем с тобой пленены.

Ведь ищет лазейки, не света – твой взор,
Пока не разложен судейский костёр,
И плод испытанья – не рвёт твой рассвет,
И мир не решил, Мастер ты или нет...

О, смутной догадкой себя не тревожь,
Что всё обернётся – не так, как ты ждёшь.
Разорван твой холст и верёвки крепки.
Ты – то, что ты есть. Выбор сделан. Беги.

11 мая 2007 г.
(День Рождения Сальвадора Дали,
мои поздравления ему!)

Сказка о Правдивом Художнике

Жил да был молодой Король. Был он отважный воин, в великих битвах не знающий равных. Молва о храбрости его и славных победах не могла не коснуться слуха прекрасной Королевы из соседнего Государства, в которую Король – давно уже был тайно влюблён. Однажды – прибыли в Замок к доблестному Правителю гонцы от его Любимой и передали ему просьбу Королевы прислать ей *портрет* Короля-Воина, человека, судьбой которого она восхищалась, но лица которого никогда не видела. Но не вышел Король к посланникам, не получили они просимое. Немало удивились гонцы тому, что пришлось им возвращаться к госпоже своей с пустыми руками, ведь Королева была прехорошенькая и с добрым нравом, и любого юношу, будь он даже самым Королём, должно было осчастливить её внимание. А молодой Король – не только не был счастлив, но погрузился в глубокую печаль, какой не знал никогда. Бесчисленные сражения – оставили на его прекрасном некогда лице жестокие шрамы, так что не смел он и подумать о том, чтобы портрет его – порадовал взгляд признанной красавицы. С полным горечи сердцем – он пролил немало слёз и разбил немало зеркал, а затем – надежда в нём взяла верх над отчаяньем. Король велел созвать во Дворец лучших Художников своего Края, прославившихся созданием портретов самых знатных людей Королевства.

"Мне нужен мой портрет, – сказал Правитель Художникам. – Портрет *особенный*. Он не должен и в малом солгать о моих чертах, потому что лгать той, которую люблю, я не стану никогда. Но при полной своей достоверности – он должен быть таким, чтобы, смотря на моё лицо, Королева – не заметила ни шрама. А чтобы вы отнеслись к работе как можно ответственной, вот мой указ: кто соблюдёт лишь одно из этих двух условий или нарушит оба, тот будет казнён".

Все Художники поняли поставленную задачу, но немногие дерзнули взяться за её решение, а из тех, что осмелились, не справился ни один. Никто не смог превратить недостатки в достоинства, не солгав о действительности, и потерпевшие крах именитые Художники – были казнены.

Тогда, ещё более опечаленный, молодой Король был вынужден обратиться к Художникам из низших сословий. Не успели глашатаи вернуться в Замок с вестью, что клич брошен по ветхим селениям и трущобам, как явился к Правителю первый нищий Художник, согласный создать портрет.

Художник сказал Королю: "Государь мой, я рисовал умирающих от проказы детей – так, чтоб не ранить материнского сердца. Солдат, побывавших в тех же сражениях, что и Вы, но не имевших придворных лекарей, которые хоть немного сгладили бы их увечья, рисовал я так, чтобы они вспоминали о победе не с болью, а с гордостью. Я рисовал обезображенных нищетой и тех, что родились калеками, так, чтобы исцелить их обиду на жизнь. Вы – красивы от рождения, мой Король, и счастье Вашей жизни – уже нашло Вас и осенило Ваши черты. Ваш портрет – будет самой лёгкой моей задачей".

И Художник принялся за работу.

"Не забыл ли ты, – спрашивал его Король, – что если исказишь правду – умрёшь?" И слышал в ответ: "Я не вижу необходимости исказить правду". – "Так не забыл ли ты, – продолжал Король, – что если во имя правды изобразишь мои недостатки – умрёшь?" И слышал в ответ: "Я не вижу необходимости изображать недостатки во имя правды".

Спустя некоторое время – Художник показал Королю завершённую работу. На портрете – Король, вся левая половина лица которого была испещрена шрамами, был изображён в профиль – с правой стороны.

"Хитрец! – воскликнул Правитель. – Ты не нарушил моих условий, но ты не уйдёшь из моего Замка живым, пока я не получу и второго портрета. Что если моя Возлюбленная пожелает увидеть моё лицо не только в профиль, но также – к ней обращённым?"

"Она увидит", – сказал Художник.

Прошло ещё немного времени – и Королю был представлен второй вариант портрета. Король на нём был изображён в фас. Он стоял под кроною лавра, в гуще весенней листвы; изящные ветви неземной красоты – лёгкой тенью своей закрывали шрамы на его лице.

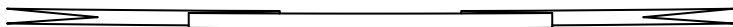
Опьянённый творческой находкой Художника, Правитель требовал всё новых и новых портретов, и Художник изображал его то полускрытым струями пронзённого радугой

водопада, то охотящимся с птицей на плече, раскинутыми крылами заслонившей увечья, то бредущим в сверкающем тумане, окутавшем черты пленительной дымкой, то дремлющим посреди сказочного цветника – в окружении стаи диковинных бабочек, то задумчиво подперевшим повреждённую сторону лица – рукою с пышной кружевной манжетой...

Но как же устроились сердечные дела взыскательного Натурщика? К тому времени, как получавшая портрет за портретом Королевна вконец потеряла голову от любви к Королю, он уже успел поверить, что Невеста – недостаточно прекрасна для Жениха! Надо сказать, что он и вправду удивительно похорошел от той веры в свою красоту, которую подарили ему работы Художника: только её и доставало Королю, чтобы покорять сердца самых прекрасных Принцесс.

Многие вельможи и фрейлины мечтали о портрете работы некогда нищего и безвестного Художника, но тому были безынтересны их слащавые скучающие лица, и он по-прежнему рисовал калек и раненных солдат, с позволения Короля – приходивших позировать прямо в замковый сад. Увы, Художник не успел испытать свои мастерство и фантазию в полной мере: он умер немногим позже своего успеха при дворе, заразившись проказой от одного из позировавших ему бродяг. После смерти Художника – Правитель поклялся, что больше никто никогда не напишет его портрета, но очень скоро позабыл об этой клятве, и до конца своей жизни находил себя совершенно неотразимым, даже если шрамов на его портрете – оказывалось больше, чем на его лице. Единственное, о чём сожалел он, – о том, что казнил некогда столько людей, которые могли бы его рисовать.

22 сентября 2007 г.

История Клада

(по мотивам славянской сказки)

Не ведал этот Край – земель бесплодных,
Откуда – ширь заброшенных полей?!
На них – своим трудом до лет преклонных
Кормил отец – ленивых сыновей,

Но время – сил его не пожалело.

Трудолюбивым пахарем давно

Покинутое – поле запустело,

И сорная трава – взошла стеной.

К существованию средства – оскудели,

И без надежд наследство получить –

У старца умиравшего постели

Спросили сыновья: "Как будем жить?!"

И детям – тихим голосом ослабшим

Секрет он утешительный раскрыл:

"Для вас – я спрятал клад на поле нашем,

Но место, где зарыл его, забыл.

Перекопайте поле, отыщите

Богатство, что хранит для вас оно,

И без беды на золото живите,

Которое в земле припасено".

Сказав так, умер он. Похоронили

Его ленивцы-братья, и искать

Клад на полях заросших поспешили,

Чтоб голода и бедности не знать.

Труду – их не напрасно обучали,

Хоть навык – был досель не применён.

И скоро – весь надел перекопали

Искатели сокровища, но он

Им подарил лишь горькую досаду:

Клад отчий – не открылся сыновьям.

Сказали братья: "Хороша земля-то,

Не пропадать же – вскопанным полям...

Пускай их ширь – для дела пригодится".

И перед тем, как руки опустить,

На поле том засеяли пшеницу,

Где золото отчаялись найти.

Когда же время сбора урожая

Пришло, то подивились сыновья:

Волна густых колосьев золотая –
 До края заливала их поля.
 Переглянулись братья. Ленъ трудиться
 Вновь на полях, но закрома – пусты.
 Не погибать же – вызревшей пшенице.
 Придётся, значит, пожинаать плоды.
 И дружно сыновья колосья сжали,
 Обмолотили крупное зерно
 И – на то злато жить безбедно стали.
 Немудрено, что было решено
 Засеять вновь – те щедрые просторы,
 А лень помалу – канула в стога.
 Чего не добивались уговоры –
 Того достигла хитрость старика.

— /// — /// —

Как радостно – на темы чистом поле
 Найти сокрытый клад, глубинный скарб!
 Все межи на истории просторе
 От сорных трав очистить – я могла б,
 Идеями – от края и до края
 Засеять (а метафор – через край!)
 По долгу, но когда – сокрыта тайна
 В глубинах, мне желанней – урожай.
 Соединим призванию покорность
 И любопытства алчные шаги!
 Где интерес живой – там плодотворность
 Работы – выше, чем велят – долги.
 А если так, винить меня не надо
 За то, что я люблю – сокровищ зов,
 Что поиски загадочного клада –
 Лежат в основе всех моих трудов.
 Возможно, я пойму не за минуту,
 А лишь набив зерном – все закрома:
 Дорога к ожидаемому чуду –
 Является венцом чудес сама.
 Но, той стезёй пройдя бесповоротной
 И оценив плодов пожатых вес,
 "Сокровище – наградой, не находкой
 Мне было", – я признаю, наконец.

27 сентября 2009 г.

Восемь Чудес Камбоджи

(сказка-путешествие)

Пролог

Хижина на сваях

Легенду эту бают
Пчела и салов* шелест.
Есть хижина на сваях
В одном лесу волшебном.

Грудным, зелёным стоном
Любовного недуга
Она дана влюблённым,
Заклятым на разлуку.

Они её несложно
Найдут по кхля** звуку
И чудеса возложат
Под крышей из бамбука.

Тогда повеет ветром
Всех ароматов пряных,
Сочтётся Гибель с телом,
А тени плотью станут.

И в тисовой короне
Покинут царство страхов –
Не узнанные боле
Для трав и для монахов.

21 мая 1999 г.

1. Театр Теней

Две Куклы, Шин и Дью, – Зрителям.
А хотите увидеть картинки?
Дёрнул за ритм барабан.

* – Сал – ценная порода дерева.

** – Кхлой – тростниковая флейта.

Мы всего лишь цветные пластинки,
Вжатые в белый экран.

В каждой праздник религиозный
Яркий свет проходит сквозь нас.
Но два профиля – только полоски,
Если в шутку – повернуты в фас.

Темнота? О, не нужно об этом!

Что угодно, но мрак... о нет!

Мы храним три десятка сюжетов,

Не спешите – выключить свет!

Посмотрите на наши краски
И послушайте сабелек звон!
Нашим контуром, голоса басом
И костюмами – правит Канон.

Наши палочки – в пальцах актёра,

Всё сегодня зависит от них.

В наши кхмерские рты в эту пору

Заложили французский язык.

Не считите, что мы недовольны,
Но... побыть бы хоть каплю живей!

Мы хотим не овацию – волю.

Мы, две Куклы в Театре Теней.

21 мая 1999 г.

2. Бездённая любовь

Дю – Шину.

Что? Мы – неодушевлённые?!!

Тридцать душ в амплау. Все болят.

Как тяжело двум влюблённым

В час, когда занавес снят.

Окончено представление,

Мы слóжены вновь по швам.

Нет места в ларце для влечения

К опущенным губ уголкам.

Нет сил для возникновения

Иных очертаний поз.

Мы в рабстве чужого веления.

Кто верит: у нас – всё всерьёз?!

Проникнется ль нашей печалью –
 Кто тени топтал на полу?!
 ...Когда бы людьми мы стали!
 Ласкала б тебя – сорок лун!

Ты, Будды и звёзд ненаглядней,
 Лишь мне б отозвался одной.
 ...Ах, прав – как *живые* быть рядом –
 Не ценят – кому то дано.

21 мая 1999 г.

3. За чудесами!

Сон – Шину и Дью.

Эй, в ларце! Вы, должно быть, слышали с пелёнок
 Легенду о шансе для безнадежно влюблённых.
 У вас, я заметил, достаточно веры
 Для поисков... Но и в Королевстве – без меры
 И хижин на сваях, и волшебных лесов...
 ...Нет, мы не виделись прежде. Я – Сон.
 Я умею сознание к мечте приближать.
 Никогда не пытайтесь мне возражать;
 Исследуя звук, вы порвёте струну.
 Что же, пойдёте в мою глубину.
 Вот вам нектар мой, вот вам рука.
 Я щедр и добр ко всем чужакам.
 Просто представьте, что закрыли глаза.
 Я даю вам возможность собрать чудеса,
 Что нужны вам для жертвы, введу вас в тот лес,
 Где дают *воплощенье* – за восемь чудес.
 В кукольном теле – вам больно и тесно.
 Так осмотрите – своё Королевство.
 Вас пробудят на праздник – спустя восемь дней,
 И вам нужно успеть превратиться в людей
 До того, как подсветят лучом ваши краски,
 Чтобы помощь моя – не осталась напрасной.
 ...Отчего ваши лица – стали вдвое белее?!
 Я желаю удачи! Засыпайте смелее...

21 мая 1999 г.

4. Город без достопримечательностей (Первое Чудо Камбоджи)

Дью.

Под крышей отвесно покатой –
Клочки городского шума.
На узкой веранде прохлады
Пьёт чай под портретом Дарумы*,

Но даже прохладе – жарко...
С невольным французским уклоном
Традиции держат марку
В плену у железобетона.

Культура – сомкнула здесь вежды,
Спешит по прилавков долу
Лишь Батик**... в европейской одежде...
В шляпе широкополой.

22 мая 1999 г.

5. На реке Меконг (Второе Чудо Камбоджи)

Шин – к Дью.

Удивительной и удивлённой
Будь со мной! Всё нежданно так,
Как в сухом декабре – муссоны,
Как в горячей листве – полумрак...

Лоб – к плечу моему прислонила...
Легендами возбуждена,
Ты видишь в воде – крокодила,
А меж створок ветвей – колдуна.

Кличет птица из зарослей звонко:
"Дорогу! Луна идёт!"
Густые потоки Меконга
Несут на ладонях наш плот.

* – *Дарума (Дамб)* – легендарный проповедник буддийского учения Дхарма.

** – *Батик* – ручная роспись тканей в национальном стиле.

Тебе жутковато и славно.
Я вижу в тебе свои сны.
Пускай мы, как Тум и Теау*,
Влюблённые, обречены,

Богиня Канно́н** – нас спасает
Всей тысячей рук в эту ночь.
Фламинго по илу ступают
И клювы сближают с волной.

И – в тон этих птиц оперенью –
По щекам пляшет розовый бес,
Когда – нас скрывает деревьев
Вечнозелёный навес...

С силой сжав мою руку, всё так же
Твои пальцы с моими нежны.
Горячи по-апрельски и влажны
Твои губы, а глаза – солонь.

ночь 22 – 23 мая 1999 г.

6. Комплекс Ангкор *(Третье Чудо Камбоджи)*

I. Прасаты *(Святылища Шестого Века)*

Перекличка древних зданий.

- Дом для Камбоджи, вот он – прасат.
Под пылью – кладка крепка.
- Башни – до высей, где громы гремят,
Громоздят ярусá в облаках.
- Здесь по стенам кудесник резьбу разметал,
Петь на лаковом дереве ей.
- Гид, Вы что-то сказали про "ложный портал"?
Но ведь Вход В Никуда – без дверей!

* – *Тум и Теау* – герои поэмы-сказания XV в. о трагической любви юноши и девушки.

** – *Канно́н* – тысячерукая Богиня Милосердия, покровительница всего живого.

– Изнутри – в талых статуях тонет прасат:
 Боги – хлёсткий вершат обряд,
 В приближении к фразе "на них – нет лица"
 Замерев на индийский лад.

26 мая 1999 г.

II. Птицы о статуях

Птицы – о статуях VII – VIII вв.

Тиу-тиу-тиу,
 Как они красивы!

Они – нас сдувают осторожно, как чёлку,
 Опасаясь порвать свою утончённость.
 Зал – величаво держат у ног.
 Их красóты, как плода двуличия сок,
 Пьёт соловей, захлебнулся пэй-пок*.

Тиу-тиу-тиу...

Изящество... грация... стройность... Без слов
 Жёлтые руки просят даров.
 В блеске ниш, этих Пышущим Жизнью оправ, –
 В ликованье причудливом тело сломав,
 Боги – ветер сквозной и дыхание пав.

Тиу-тиу-тиу,
 Они неповторимы!

25 мая 1999 г.

III. Сочетание прасатов

(Ансамбли из прасатов IX века)

Переключка старинных зданий.

– Сочетаются прасаты
 Браком стати, не знакомясь.
 Через талию ограды
 Перебрасывают пояс.

* – *Пэй-пók* – инструмент типа гобоя.

– Где ворота-павильоны
Разомкнули рты, немея, –
Там несут каналы волны
И зевают галереи.

– Он живой, он теплокровный,
Тот ансамбль, – всем на благо.
И святилище – любовно
Развешают складки флага*.

23 мая 1999 г.

IV. Храм-Гора (Святилище IX века)

Ангкор-Ват.**

К моей пирамиде – в мистической лени
Крылатые звери и монстры слетелись.
На каждой песочно-кирпичной ступени
Льют линий орнамент Небесные Девы.

И все – беспокойны, идёт – ропот тихий:
В когтях малярий – задрожат уже скоро
На башнях – божеств необъятные лики...
И – долу собой – опрокинут Храм-Гору.

23 мая 1999 г.

V. Храмы и дворцы (Строения IX – XIII вв.)

Дью.

В Громоздком Объёме – есть множество черт
С узором для каждой волны.
Батальные сцены и гроздя лучей –
Пилястрами отделены.

Богато украшены, зная почёт,
Огня и металла струю, –
Дворцы, открывая свершениям счёт,
Блюдут монолитность свою.

27 мая 1999 г.

* – На красно-синем флаге Камбоджий – изображён храм-прасат.

** – Ангкор-Ват – т.е. сам Храм-Гора.

VI. Серебряная Пагода

(Строение XIV века)

Сколько прекрасно, стоя рядом с ней
И молитвенно сложив руки,
Встречать день!

Дарума (520 г.)

Шин.

Бронза проседью лучится
К серебру.
Статуэтки-танцовщицы
Водят круг.

Ишь, привстали на носочки!
Роспись – в лад:
Клеевые краски – прочно
Держат взгляд,

Когда эпосов герои
В дам круту.
Солнца бог с луча клюкою
Всходит в культ,

И для Пагоды как рама –
Сон резцов –
Окружение деревянных
Лиц дворцов.

23 мая 1999 г.

7. Народная музыка

(Четвёртое Чудо Камбоджи)

**Музыкальные Инструменты – Слушателям,
играя "Далёкий Поход" До Ньюана.**

Чхэйм (барабан).

Я сердце событий, истории пульс.
Обрушится солнце, но я не собоюсь,
Построю каркас для мелодии судеб...
Что будет? Следите! Следите, что будет!

Ско-тхóm (двойные литавры).

В цимбалово-гонговой сочной окраске
 Мы – пластика ритма в магической пляске.
 Мы – увлечённость сюжетом, что скажет:
 Всё важно, всё верно, всё вечно, всё ваше.

Пэй-ó (гобой).

Смыкаю дыханьем, осипший немного,
 Я в долгую ноту короткие ноты.
 Настроенье героев веду голосами:
 Вы с нами? Эй, в зале, вы с нами, вы с нами?

Та диéу, тяпéй, та кхé (лютни).

Что знаем о душах – не купишь, бесспорно,
 За груды ризлей* с Аннайские горы.
 Но – струнам отдайся – и станешь богатым.
 Услада в движеньях... тутая услада...

Тро-саó и трокмаé (скрипки).

Мы тон задаём, словно на дом урок.
 Сомненье... смятенье... дрожащий смычок...
 Оставьте последнюю ноту за нами.
 Мы – пламя... мы целостность... целостность... пламя...

23 мая 1999 г.

8. Народный Театр
(Пятое Чудо Камбоджи)

**Два Актёра – на временных подмостках
 под открытым небом.**

Первый Актёр.

Для декорации – нету мест
 В наших мирах.
 Наши движенья – как флирта жест
 У всех на глазах.

Второй Актёр.

Грим мой тяжёл и взгляд мой утрюм,
 Но – видишь мой свет?!

* – Ризль – денежная мера Камбоджи.

Телодвиженья – заменят костюм,
Обрисуют сюжет.

Первый Актёр.

К небу – начала, в воду – концы!
Разделить нас? – никак!
Мы – что сиамские близнецы,
Заклучившие брак.

Второй Актёр.

Импровизация наша – легка,
И трудно – не петь.
Но каждая сценка – чересчур коротка
Для слов о себе.

Вместе.

Нам на двоих – награда одна,
Но не звон золотой:
Лицедеев созвучные имена
В храме – строкой!

26 мая 1999 г.

9. Песенка ветра, обходящего кхаэты* *(Шестое Чудо Камбоджи)*

Ветер.

Королева Камбоджия, гордый мой рай,
Не гони меня веером прочь, приласкай.
Я знаю детей твоих по именам:
Баттамбáнг, Кампонгспы́, Кампонгтхóм, Кампонгт́ям...
Королева Камбоджия, светоч листвы,
Рисом засею слезинки твои,
Метну их в долины – они зазвучат:
Кáмпот, Какхóнг, Кандáль, Кампончáнг...
Королева, откинь редколесий косу –
Я Сиамского Залива колье застегну
И начищу жемчужинки – ласки светлей:
Кратьéх, Мондолькир́и, Оддармеант́ей...
Королева Камбоджия, походная песнь,
Трётся о горы тигриная шерсть,

* – *Кхаэты* (кхмерск.) – провинции. В Камбоджии – двадцать один кхаэт, Ветер перечисляет их названия.

Изумруды меж век пантеры горят:
 Прейвэнг, Прэхвихеа, Свайриэнг, Поусат...
 Королева Камбоджия, в горстях твоих
 Сиенреал и Ратана-Кири.
 Посох сломал я о длины дорог:
 Стынгграэнг, Такеб... и закончен мой вздох.

26 мая 1999 г.

10. "Стебель и сойка"

(Седьмое Чудо Камбоджи:
 рисунок в манере размыва тушью)

В гуще белых облаков не видно белых облаков.
 камбоджийская мудрость

Токахимо Миками*.

Ночь-художница, пометь
 Этот лист в моих руках
 Тушью чёрной, как медведь
 В Кардамоновых Горах.

Ливень-мастер, след размой:
 На бумаге ручеёк –
 Что над выжженной землёй
 Чуть привставший стебелёк.

(Чёрный час и чёрный дым.
 Не взрасти и не расцвести.)
 Села сойка рядом с ним –
 Принесла дурную весть.

"Чёрный дым от деревень.
 В камуфляже чёрный час.
 На границе бродит тень
 Чьих-то мёртвых чёрных глаз".

26 мая 1999 г.

* – Токахимо Миками – художник XX века, автор знаменитой работы "Стебель и сойка".

11. Королевский Балет (Восьмое Чудо Камбоджи)

Мим-девушка.

В танце – традиции средних веков,
Баллады – вступают в хор,
О легендах и сказках ведут вечный спор
Тайский язык и сампхо*.

Мим-юноша.

Грим осыпается с женских щёк –
Пыль вокруг главных ролей.
Движение – кружение – выпад – прыжок.
Два мима за маской зверей.

Шин.

Сегодня ты шут – и завтра ты чёрт;
А собой – когда станешь опять?

Мим-юноша.

Наш состав – неизменный, приди ещё,
Ты и большее сможешь понять...

27 мая 1999 г.

12. Материальность!!!

Дью.

И вот были собраны все чудеса,
Пал ливень в волшебных лесах...
На наших губах поцелуев роса –
И жаркие жилки в руках.

Шин.

Как сложно привыкнуть... Вот, наша мечта
Сбылась, и ловлю – снова мысль,
Под камфарным деревом – тень увидав:
Не счастье ль, что это не мы!

Дью.

Мне всё много дня, а ночь – коротка.
Мало тьмы... и тебя – мало тоже...

* – *Сампхо* – разновидность ударных.

Так ощущает руку рука
Во время хлопка в ладоши.

Шин.

Из буйволов кожи – фигурки теней
Теперь вырезаю я сам,
И щурят улыбки под гранью бровей
Тайланд, и Лаос, и Вьетнам.

Разве кто-то поймёт, какая утеха:
На поклон – во плоти человека!

Дью.

Как сбросивший панцирь свой Жа*, ощутив
Соки жизни в себе и красот,
Наши тела – каждый миг во плоти
Жадно пьют. Наш сынишка растёт,

Наш домик уютен, и жизнь – хороша...
А чудеса? По альбомам лежат...

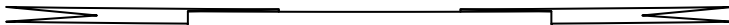
ночь 26 – 27 мая 1999 г.

Эпилог

...И вот были собраны все чудеса,
Пал ливень в волшебных лесах...
Две плоти, очнувшись, открыли глаза,
Две тени сомкнули уста...

В тот миг, когда пара людей ожила
В кулисах Театра, в их сне
Хижина на сваях превратилась в орла,
И он двух Кукол унёс к Луне.

24 мая 1999 г.

* – Жа – Юноша-Тыква, персонаж вьетнамской народной сказки, повествующей о том, что в неказистом теле может обитать прекрасная душа.

Плач о Комарином Князе

(по мотивам адыгейской народной сказки "Комары")

Плывёт над летним лугом дух полынный...
Малины смак – течёт рекой из чаш...
И в ветре горько-сладком – комариный
Истошный плач – земле – как звонкий плащ.

В низине, тень – сковавшие оправой,
Травинки – золотисты и остры,
И в той лучистой купе златотканой –
Так безутешно – плачут комары!

Мы замерли. К тем звукам, что витали
Над клевером, прислушались. "Увы!
Пропал наш Князь! – несчастные рыдали. –
Покинул поутру дворец листвы

И канул в никуда! Ах горе, горе!
Он, ароматом луга оглушён,
Мог утонуть в росы холодном море!
Мог птице на обед – попасться он,

А мог присесть на липкий листик влажный
И склеить крылья вязкою водой!!!
О горе, может статья, путник страшный
Его прихлопнул тяжкою рукой!

Искали мы по лесу и по лугу.
Он был – отцом и богом нам, и вот –
Ни слуху о Правителе, ни духу.
Ах, бедный Князь! Ах, бедный наш народ!

Нет в мире от судьбы жестокой спасу!
Увы! и нынче плакать нам, и впредь!
Кто будет нам теперь – давать указы?
Кто скажет, как нам жить, куда лететь?"

Сочувствия слезинки мы смахнули,
Но чем помочь сиротам мы могли?

...На лут, что с грустью в сердце мы минули,
Под вечер – вновь нас тропки привели.

Подёрнутый уж сумеречной синью,
Всё так же, как в ответ – дневным лучам,
Курился он малиновой польнью
И растекался плачем – по ветрам.

О, эта верность – власти господина!
Как плачут слуги! – голову склоним...
Спросили мы у стаи комариной:
"Что ж Князь? узнали вы – что стало с ним?"

И каждый – пуще прежнего заплакал.
Сказали: "Вот судьба! едва поймёшь:
Потеря – не на горе, а на благо, –
Как то, что потерял ты, – обретёшь!"

В горящей теплоте и в сладкой тени,
Весь день прошедший, не смыкая глаз,
Мы, вольные, летали – где хотели.
Привыкли мы: никто – нам не указ.

По Князю помолчали мы минуту
И с лёгким сердцем – попрощались с ним.
Но сумерки легли – и тут как тут он!
Ах, будь неладен, – цел и невредим!

И мы ничем ему не доказали,
Что бросили труды минувшим днём –
Лишь потому, что все – его искали
Да безутешно плакали о нём.

Он наказал, несчастных, нас сурово,
Теперь – он нам поблажек не даёт!
Вовеки не узнать нам воли снова.
Ах, злобный Князь! Ах, бедный наш народ!"

Ответу – в этот раз мы улыбнулись,
Осталось нам плечами лишь пожать.
Назавтра мы опять на лут вернулись –
Дышать польнью – и малину рвать.

И надо ль говорить: на нём – не смолкла,
Не стихла – комариных песня бед!
– "Ах, горе! Мы служить – привыкли снова,
Да спохватились – Князя-то и нет!"

Ах, он – такой рассеянный, бедняга!
Его любая бабочка – могла
Смертельно ранить – даже ветром взмаха
Небрежно в синь простёртого крыла!

Нет в мире от судьбы жестокой спасу!
Увы! и нынче плакать нам, и впредь!
Кто будет нам теперь – давать указы?
Кто скажет, как нам жить, куда лететь?

Искали мы по лесу и по луту.
Он был – отцом и богом нам, и вот –
Ни слуху о Правителе, ни духу.
Ах, бедный Князь! Ах, бедный наш народ!"

Смеяться бы – над той причудой боли,
Слезинки смеха – в реках рос топя.
Но точно так, моей попивший крови,
Я плачу и с тобой, и без тебя.

Что нынешнее чувство, что былое –
Всё перемен двух жалоб череда:
"Ах, я теряю связь с тобой! о горе!" –
"Ах, связью – я измучена, беда!"

Да, если светом чьим-то – Лирик ранен,
А взор его – восторженно-горяч,
Глубокий стон меж строчек – непрестанен,
Как над лутами – комариный плач.

вечер 2 апреля 2007 г.

Король и Землекоп, или Притча о Трёх Золотых

(по мотивам литовской народной сказки)

Давай-ка в Царстве погостим одним,
Где правил молодой Король когда-то...
Он не был ни тираном, ни скупцом,
Но думал: справедливость – в том, чтоб плата

Не оказалась больше, чем того
Потребности, кому – за труд он платит.
Не жалованье, думал он, мало,
А бережливость тех, кто деньги тратит.

Однажды, обсуждая то ль закон
О честности, то ль найма слуг порядок,
Завёл беседу с Казначеем он
О том, что нужно – подданных достаток

На собственном примере испытать.
– "Судить иначе – Мудрым не годится.
Простолюдина я хочу позвать
И расспросить, как он распорядится

Деньгами. Коль пред ним я не в долгу
И честной не удерживаю платы,
Тогда и сам я – день прожить смогу,
Все повторив – им названные траты".

А за окном покоев, где листва
Всё внешнее – в свою скрывала нишу,
Работал Землекоп, и те слова
Правителя – невольно он услышал.

"Верна идея, – он себе сказал, –
Да сильно ль голод – тех побеспокоит,
Кто днём минувшим – сытно пировал
И позже днём – застолie устроит?

Король – терпим мой голод или нет,
Судить решил? Пусть – полным будет сходство!

Пусть впроголодь – живёт он много лет
И знает: завтра – голодать придётся.

Тогда – моих дневных трёх золотых
Поймёт он, как *свою*, любую трату.
А скуку поразвеять днём нужды –
На то и полгроша сгодится, вправду.

Чтоб хоть немного – нам сравниться с ним,
Чтоб менее – в расчётах ошибаться,
На пробный день – не с золотым одним
Он должен – *без единого* остаться.

Но как же то устроить, не солгав?
Он всё ж – Король, ему – служить я клялся..."
И Землекоп, подумав-погадав,
В дворцовые покои постучался...

– "Мой Государь, позвольте доложить,
Я устранил у стен дворцовых осыпь".
– "А что фонтан?" – "Принёс я чертежи..."
Есть у меня – по глубине вопросы..."

– "Постой, оставь бумаги, подождут..."
Скажи мне, поддержи – одну затею,
Как много получаешь ты за труд?"
– "Три золотых, Король мой, в день имею".

– "И как тебе живётся?" – "Что сказать..."
Живётся хуже, если трат не любишь
Своих; тогда уж деньги – трать не трать,
А мне суждённой радости не купишь".

– "На что же тратишь заработок свой?"
– "Давно – трат заведённых не меняю:
Один – бросаю в воду золотой,
Другим – свои долги я возвращаю,

А третий золотой – взаймы даю".
– "И это всё? Вот, право же, причуды.
Когда б мне так – пришлось Казну свою
Делить, я не был счастлив бы – минуты.

В чём радость тут?" – "Всё просто, мой Король
(Чего уж, с быта смертных – взятки гладки).
Когда бросаю в воду золотой,
Я чувствую, что я – живу в достатке.

Верну мой долг – алмазом станет сор.
Когда же золотой – займы ссужаю,
Сокровища ценнее злата гор
Для завтрашнего дня я покупаю".

Пожал Король плечами: "Вот так вот...
Не знал я, что в народе – так ведётся..."
– "Не слушайте изменника: он лжёт! –
Вступился Казначей. – Пусть покаянётся!"

– "Не лги мне, Землекоп. Я жизнь твою
Сам испытаю. Правда всё – богатства
Получишь, нет – назавтра же казню.
То зная, сможешь – в сказанном покаяться?"

– "Клянусь, мой Государь, я Вам не лгу".
– ("Должно быть, впрямь – ещё не то возможно.
Здесь убедиться я – легко смогу:
Ему – плачу не менее, чем должно".)

К работе возвращаться повелел
Правитель – Землекопу. Утром рано –
Наряд из мешковины он надел
Взамен атласа, шёлка и сафьяна,

Портянки неумело повязал,
Обулся в лапти (захромал – немедя),
Надвинул шляпу – низко на глаза...
И, помня Землекопа наставленья,

Три золотых сжимая в кулаке,
Он первым делом, выйдя за ворота
Дворцовые, направился к реке,
Чтоб первый золотой – отправить в воду.

Ушла на дно – монета. "Испытать
Я должен чувство полного достатка,

Но чувствую себя, не стану лгать,
Не богачом, а дураком. Зага-а-адка..."

Ну, может, дальше – всё пойдёт на лад...
И по дороге, по какой возили
Для королевской кухни провиант,
Пошёл он в город. Капля от пыли

Дорожной, с непривычки – изнурён
Прогулкой пешей, брёл – всё тише... тише...
К полудню лишь, лицом – как сажа, он
На рынок городской, шатаясь, вышел.

"Сейчас бы – пообедать", – оглядел
Ряды съестных припасов. Но своё же
Нарушить слово – всё же не посмел:
"Порядок строгий трат – блюсти я должен.

Когда мой долг – сейчас я возвращу,
Алмазом станет пыль. Вот так удача:
В пыли я – весь, а значит, получу...
(От зависти к себе – едва не плача,

Он мысленно – богатства подсчитал.)
Как, всё ж, простолюдины – твердолобы!
Когда б я на алмазы – прах менял,
Вовек бы не подался в Землекопы.

День – долог, надо – про запас набрать
Пыли... Вот так, в рукав... в карман немного...
Но где ж займодавца отыскать?
Ведь здесь – ни у кого не брал я долга..."

А рядом с ним, с законами шутя,
Остры на глаз и на подвохи скоры,
В толпе людской – прилавков меж бродя,
Себе искали жертвы лёгкой вору.

Того увидев, кто себе в рукав
Пыль набивал, они – перемигнулись:
"В два счёта облапошим дурака!"
И Королю – учтиво улыгнулись:

– "Как Вы живёте, добрый господин?
Тревожить не хотелось Вашпу совесть,
Но вышли сроки все, и мы – хотим
О долге Вашем давешнем напомнить."

Товар у нашей матушки купив,
Вы целый золотой недоплатили,
Вернуть поклявшись позже. Но, забыв
Об этом напрочь, Вы – нас огорчили".

К их удивленью, просиял чудной
Тут Незнакомец: "Я – в долгу? ах, бог мой!
Берите же, берите золотой!
Как вовремя – вы испросили долг мой!"

И, в руки растерявшихся воров
Вложив монету, тут же в подворотню
Он поспешил: достать из рукавов
Алмазы... Но лишь пыль – набрал ладонью.

"Должно быть, я чего-то не учёл..." –
Король подумал. Силы уж теряя,
По рынку он, понутившись, побрёл,
О тайне третьей траты размышляя,

Чтоб берег разглядеть – в загадок шторм...
Вдали – заметив вывеску, решился
Он заглянуть – на постоялый двор,
И отдохнуть без платы попросился.

Впустил его Хозяин. У огня –
Сомнений бури переждав минуту,
Сказал Король: "Ошибся я с двумя
Монетами, но с третьей – ловок буду.

Одолжишь, – говорил мой Землекоп, –
И вот к тебе богатство возвратилось.
Эй, друг! Хозяин! Не возьмёшь ли в долг
Ты у меня – монету? Сделай милость!"

Смех прокатился меж других гостей:
Расстанется ль бедняк – с грошом последним?

Чудного постояльца оглядев,
Ему сказал Хозяин с подозреньем:

– "Ты, верно, много денег приберёшь
В заветном тайнике, иначе, гость мой,
Нужду терпя, давать – не стал бы в долг,
И говорить о том – не смел бы вовсе.

Ты ж – просишься бесплатно на постой,
А после... Не скрывай от честных – правды".
– "Хозяин добрый, этот золотой,
Что я имею, – для особой траты.

Чтоб на него сокровища купить,
Которым равных – не найти по свету,
Сперва – его мне нужно одолжить...
Спаси от нищеты: возьми монету..."

Хозяйка – зашептала мужу тут:
"Безумен гость, а стало быть, опасен.
Такие – дом в припадке подожгут.
Пусть лучше – уберётся восвояси!"

И, золотой последний отобрав,
С насмешкой – тумачами угощая,
Прогнали Короля... Он до утра,
Зарока своего не нарушая,

Вне Замка продержаться должен был,
И потому – домой не возвратился.
Страдающий от голода, без сил,
В провал церковной ниши он забился...

Когда черту – дым сумерек подвёл
Под горьким днём, звенящим пустотою,
К его укрытью – Старец подошёл,
Качая грустно – головой седою:

– "Несчастный Странник, должен ночевать
Под небом ты... Сам – беден, лгать не стану;
Тебе приюта – не могу я дать,
И милостыня мне не по карману.

Но если до того, как ночь сойдёт
На землю, ты возьмёшься за лопату
И мой вскопать успеешь огород,
Три золотых я дам тебе в уплату".

Что оставалось делать Королю?
Хоть он впервые – на земле трудился,
Задачу быстро понял он свою
И сам своим успехам изумился.

Как велено, успел до темноты
На маленьком усадебном наделе
Закончить он нелёгкие труды.
Все жилы, кости все его – болели,

Седьмой с него ручьями лился пот...
Благодаря за славную работу,
Переодетый Старцем Землекоп
Ему – три золотых с улыбкой подал.

Купил еду Правитель и ночлег,
Истратив три монеты (нету – *лишней!*).
Но после испытаний тяжких всех –
Насытиться не мог ни сном, ни пищей.

Назавтра, под собой не чуя ног,
Домой побрёл он сонный и голодный.
Вернувшись во Дворец, в себя – не мог
Придти он ещё долго, потрясённый.

Но вот, всем пережитым – ослеплён,
Не зная, как спастись от озноба,
Скрипя зубами – от досады, он
Вновь захотел увидеть Землекопа.

– "Ты разыграл меня, ведь так? Твоих
Я козней испытал всю злую силу!
Нельзя – так три истратить золотых,
Как тратишь ты, и не сойти в могилу!

Теперь мне очевиден твой подвох!
Три золотых имея, как сказал ты,

Их не давал бы и не брал бы в долг,
И уж тем паче – в воду не бросал бы!

Клянусь, не избежать тебе плетей,
А после – и петли. Была сурова
О тратах шутка. По вине твоей
День – жил я без еды, питья и крова.

Когда же три монеты получил,
Они – уже не скрасили усталость".
– "Мой Государь, я с Вами не шутил.
В моём быту – всё то же повторялось:

Одну монету – в воду, и второй –
Долг отдаю, а третьей – долг ссужаю.
Мне жаль, что Вам – секрет не ясен мой.
На первый золотой – я покупаю

Ту, что в похлёбки воду – брошу, соль,
Чтоб не был пресен – скромных смак застолий.
Родителей кормлю я на второй,
Тем самым – отдавая долг сыновий.

На третий же – своих ращу детей,
И так им – в долг те ценности вверяю,
Что возвратят мне в старости моей
(А большего сокровища – не знаю).

В моей семье любовь – и в пору бед,
И так мне дорог трат моих порядок,
Что тканью самой ветхой – я согрет,
И хлеб мне – даже чёрствый самый – сладок.

Я не лишён – и о награде снов,
Но и в мечтах – судьбе не изменяю.
Я чувствую: всё так, как быть должно,
Устроил, и мой мирен дух, ведь знаю:

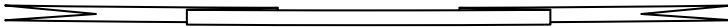
Доход мой, будь велик он или мал,
Иначе тратить – не имею власти.
И сколько б денег – Бог мне ни послал,
Их разделю на те же я три части.

Коль Вы боялись, золота дано
Мне слишком много, вот: шов "смет" – наружу.
Узнать-то меру трат – немудрено...
Поди измерь – *в них вложенную душу!*"

В смущении Король не поднял глаз
На Землекопа, спорить с ним не смея.
В тот день – взамен обещанных богатств –
Ему он должность отдал Казначая.

С тех пор – все процветают в Царстве том!
В его Музее, за атласом ленты,
На бархате пунцовом – под стеклом –
Лежат рядком – три золотых монеты.

17 и 18 января 2007 г., 12 февраля 2009 г.

Богач и Прозревший

В некоем знатном поместье у самых лесов
Юный Граф, сиротою оставшийся, жил.
Был он нравом жесток, был он сердцем суров.
Он и самых угодливых – слуг не щадил,

Что о немощных тут крепостных говорить!
И однажды – решил он: два брата-слепца,
Флорестан и Феррант, не должны больше жить
В барском доме, на золото Графа-отца.

Повелел он несчастных в леса отвести
И оставить одних – на съеденье зверям.
Долго им не пришлось – дикой чащей брести,
Прежде чем угодили – в пещеру ко львам.

Но бывает и хищник – добрее людей.
Двух испуганных братьев с бельмом на глазах,
С белой тростью в дрожащих руках – оглядев,
"Я могу вам помочь, – Лев пришедшим сказал. –

Тайники и секреты созданий лесных
Мне известны: и логи, что златом полны,
И заклятья. Мне хватит даров на двоих,
Но каким будет дар – выбрать сами должны.

Сделать каждого я – иль богатым могу,
Или зрячим. Решайте". И первым – избрал
Свою долю Феррант. Милосердному Льву –
"Выбираю богатство" он твёрдо сказал.

Позже, в мыслях сравнив – темноту с нищетой,
"Выбираю прозреньё", – сказал Флорестан.
И один – оказался пред злата горой,
А в другого очах – растворился туман.

Взял за пазуху золота столько слепой,
Сколько мог унести, и тогда – зрячий брат
Его об руку вывел из чащи лесной,
До поместья довёл и оставил у врат.

Сам же – светлых лесов покидать не спешил,
Но, бредя, как во сне, от поляны к холму,
Любовался до глуби очей и души
Красотой, что внезапно открылась ему.

А Ферранта – господские слуги нашли,
К изумлённому Графу его привели...
– "Я свободу купить и участок земли
У тебя, мой Хозяин, хочу. Вот, бери", –

И рассыпал Феррант горсти злата пред ним.
Граф ответил: "Но здесь – половина цены".
– "Вдвое больше я спрятал – под кровом лесным,
Но я слеп: все дороги – мне равно темны".

– "Что же, сам я тогда – путь найду к тайнику".
И, слепого о том расспросив, юный Граф
"Провожатым, – решил, – доверять не могу:
Оберут и убьют, где богатства, узнав".

И отправился в чащу лесную один,
Цель сокрыв и следы заметая свои,
А Ферранта – велел – перед тем, как уйти,
Бросить в карцер сырой и держать на цепи.

Вспоминая об отнятом чуде своём,
Осознав, что и лари пусты, и зрачки,
Как никто на земле – горько плакал тем днём
Разорённый Феррант... и погиб от тоски.

Жизнь, однако, на злое – добром не воздаст,
И, едва – вздох последний в плену испустив,
Опрокинулся навзничь – слепой, в тот же час
Граф, идущий сквозь чащу, сорвался в обрыв.

Искалечен, испуган – на помощь он звал
Так, что эхо звенело – как гром над водой.
И Хозяина стон – Флорестан услышал,
И провал разыскал – под опавшей листвою.

Свил канат он из долгих и прочных ветвей,
Сбросил в яму: "Хватайся, Хозяин!" Но тот –

Вдруг заплакал: "Оставь... Я не вправе твоей
Принимать доброй помощи..." – "Граф, настает

Ночь в лесах, мы должны уходить, пожалеть
О минувшем – успеете дома. Скорей!"
– "Я – тебя и Ферранта отправил на смерть,
А когда – брат твой спасся, в оковы цепей

И предательства – бросил его... Уж погиб
Он, должно быть... Оставь меня – с этой виной".
– "Это больно мне слышать, но вместе с одним –
И другой погибать не обязан слепой".

– "Так спасайся". – "Слепым – я тебя, Граф, назвал.
Ведь жестокое сердце – всегда в темноте.
Кто суровую долю незрячего знал,
Тот другого слепца – не оставит в беде.

Ну, хватай же канат и держись посильней".
И, на крепких ветвях – из ловушки достав,
На спине он Хозяина вынес своей
Из лесов полуночных, к поместья вратам.

И когда – улыбнулся рассветным лучам
Граф, и мрак с его сердца – упал пеленой,
Он наследство своё – разделил пополам
С жизнью ему сохранившим прозревшим слугой;

От цепей жесткосердья – он волен был впредь.
...Господин мой, я, долго – смотревшая в ночь,
Зная также, что *видеть* – важней, чем *владеть*,
Верно выберу дара волшебного мощь.

В лес, где стало изгнание – счастьем моим,
Вскоре, духом – слепой, забредёшь ты и сам.
И однажды – по сумрачным тропам лесным,
С новым сердцем – ты выйдешь за мною к лучам...

25 января 2007 г. и 17 февраля 2009 г.

Вацлав

(по мотивам поэмы А.С. Пушкина
"Бахчисарайский Фонтан"
и либретто Н. Волкова)

Юрию Трояну, Постановщику

**Хвала моему Князю –
именами великих Поэтов...**

**Хвала моему Князю –
голосами бессмертных Фонтанов...**

**Хвала моему Князю –
пролитой кровью Влюблённых...**
Т. С.

О сердца, что разбились в давние дни,
О сердца, разбивающиеся теперь,
О сердца, которые будут разбиты.
Уильям Сароян

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Авторский краткий пересказ содержания

На подвории старинного польского Замка – сверкает Бал в честь юной Княжны Марии. Всем сердцем разделяет Княжна свой Праздник с молодым Избранником, Князем Вацлавом. Радостны и безмятежны их гости, но все танцы и забавы пышного Торжества – осенены неуловимой тревогой... Бросая отблески горьких предчувствий на счастье Вацлава и Марии, над ними неумолимо сходятся тучи страшной Угрозы.

И вот сбываются невысказанные опасения Влюблённых: беда! Вести о приближении восточных захватчиков – достигают беззаботных гостей Замка слишком поздно, появление врагов – застаёт их врасплох, сила не на их стороне. Предводитель вражеских отрядов, Хан Гирей, преграждает путь спасающимся от огня, охватившего Замок, Вацлаву и Марии. Гирей приказывает девушке следовать за ним, он

не упустит такой прекрасной Пленницы. Вацлав в ярости нападает на него, но Хан одним движением выбивает клинок из рук юноши и обращается к Марии: "Или – со мной, или – смерть". Не столько в порыве отваги, сколько в запале юношеской дерзости – Мария отвечает в глаза Гирею: "Смерть!" – и остриё ножа устремляется к её сердцу, но Вацлав успевает заслонить собою Избранницу, спасая её жизнь ценой своей. Бесконечно плакала бы Мария над погибшим Князем и осталась бы с ним в пламени их сгорающего Замка, но Гирей – силой уводит Княжну: жертва Любимого – сохранила ей жизнь, но не свободу.

25 сентября 2007 г.

Замок, Где Звучат Клинки

говорит Мария

Не с столь ужасной быстротою
По жатве стелется пожар.

А.С. Пушкин,
"Бахчисарайский Фонтан"

1. Полонез

Румянец. Розы. Шёлк. Вино и яства.
В веселья залы – вход без промедлений.
И танец. Полонез. Она прекрасна,
Мозаика убранств и отражений!..

Но сдержано всё то, что терпеливо
Ждало рывка в засилии молчанья,
А хочется блистательного срыва
С цепи – её истёршего дыханья!

Размаха бы, славянского богатства, –
Ещё не осушив – и первой чары:
Так, чтоб не знать, в какой огонь стремятся
Знакомством не осаженные пары...

Так, чтоб, разбушевавшийся, в не смятом
Досель пере – надлом оставил ветер.

Так, чтоб руки – лихим, не плавным взмахом
Порвать тугую ленту на манжете.

Жаль: мы не тонем – в юности веленьях,
От светского уклада несвободны.
Но и сокрытым – горячо в движениях
Напрасно укрощённое "эх, вот бы..."

Нам нужно, Друг, спешить: как перед Горем,
Живём одними светлыми балами!
Давай-ка эту Музыку прищпорим
Своими роковыми каблуками.

Быть может, это зренья пир последний:
Улыбка зеркалам в пыльце тиснений,
И будет время – взгляда не утешит
Мозаика убранств и отражений...

И мы узнаем, как *терзать* способно
(Лукавых козни – или гнев господень?) –
Разбитое на выклики и стоны
Звучанье полюбившихся мелодий!..

7 и 20 сентября 2007 г.

2. Танец Юношей

Так бурны тучи отражает
Залива зыбкое стекло.

А.С. Пушкин,
"Бахчисарайский Фонтан"

Юные гости – за стол не торопятся:
Не – шёлком рук на балу,
Но – остриями оружия сходятся,
Ищут забавы в пылу.

Солнцами, лунами, звёздами, бликами,
Светом – пройдя предо мной,
Пересыпают они поединками
Музыку, играми в бой...

Гладко пылают их щёки багрянцами...
Шпаги – тонки, как лоза...
В шепчущем море – взлетают меж старцами
Гребнями – их голоса...

– Мы – пламена, хоть мы вспоены стужею!
Полнится вызовом – блеск!
Тени и сами – подобны оружию:
Странно, что *след* – не *порез*.

Тонкие лики с глазами бесовскими!
Ангельский очерк руки!
Нравы румяные! Всеми несходствами –
Вас отстраним, старики.

Сёстрами, с нашей одеждою коробы
Вскрывшими, ловко, хитро
Цвета седин – будут вышивки вспороты:
Нам не к лицу – серебро!

Но – ещё будут напасти великие,
И – в накатившем чаду,
Строгие вечно, божественно-тихие,
Сами – сотрёте черту.

С ветром замежным – ворвутся, оковами –
Чёрный несущие дым, –
И – что в нас было – вам чуждо, суровые,
Больше не будет чужим.

В ваших движениях – отзвуки *осени*,
Но – перед сворой теней
Прянут в их свете *весенними* грозами
Лезвия ваших мечей.

В поступи вашей, как прежде – напористой,
Но – уж не звучной, глухой,
Ярь заглушит – песней натиска воинской
Старческий шелест былой.

Кровь ваша – смоем потоком, бесстрашные,
Смертность, она – не смола.

Как за плечами раскинутся вашими
Дерзости нашей крыла!

И оттого, сколько вражьего – видели,
Прежде – смола и янтарь,
Взгляд ваш, бросающий вызовы гибели,
Вспыхнет, как шпаг наших сталь.

...Скоро. Но прежде – невинная, лёгкая
Пляска, усмешка – дразняще-студёная,
Розы – к нагретым клинкам.
Где тут – дорога непроторённая
К новым боям и сердцам?!

18 и 23 сентября 2007 г.

3. Мазурка

"Скорее, подхвати – мазурки речи,
Пока из грусти путь – не на затворе:
Пусть этот *безоружный* взлёт – излечит
Псалмом клинков распятые ладони".

И линии – прониклись *остротою*,
Как будто, веря: *сладкой* – будет сила,
Шалунья-Вечность – лакомую долю
По краю незаметно отломила.

Он ощутил свободу – Вётру милых:
Шагами – перечёркивать пустоты,
И дерзость такова, что каждый выдох –
Как бесов, наспех изгнанных, отлёты.

Ко всем, кто чашу пил – огня без тленья,
Кто наизнанку вывернул запреты,
Кому как в нищете – без восхищенья,
От каблуков его – летят монеты.

Он, отряхнув алмазы недомолвок,
Избавил реки чувств от их плотины.
Но, *всплесков* мириадой, о которых –
Высоты ритма спорят и глубины,

Смахнув – его роднившее с бесстрастным,
 Раздумал вдруг – и снова подбирает.
 О разнице меж пляскою и танцем
 У Юности не спрашивай, не знает!

Спроси – о высшем, искущённом пыткой
 Метать порывов бисер меж гостями.
 О Юноше с невинною улыбкой,
 Чьи пряди – пахнут белыми цветами...

23 сентября 2007 г.

4. Вацлав

I.

Мой вышел Князь к гостям своим – и ветром
 Всех обдало прохладным; пред толпой –
 Остался он задумчивым Поэтом
 В беседке за плакучих ив стеной,

Осенним солнцем, запертым в туманах,
 Скрывающих увядшие цветы...
 В его веселье, в счастье и в забавах –
 Всегда есть доля странной Пустоты.

Всегда – несут *потерянное* плечи,
 Разрушенное – Музыки волной...
 Всегда – столь чутко спят противоречий
 Исчадия, укрывшись тишиной...

Мой бледен Князь, как будто жизнь – минутна.
 К его шелкам – в загадочности всей –
 Стекаются оттенки перламутра
 Непринятых наследий миражей.

Он Танец – отпускает в мир, где слово
 "Узор" – бледней роскошного шитья,
 Как птицу вспышки ветра золотого
 Над облаком хрустального ручья.

Он *тонок* так, что душу взять без спросу
 Возможно, что поверю – в сказ Судьбы:

Весь Замок наш – был создан для угрозы,
И хрупки – безмятежности столпы;

Лишь ответ блеска зал – не клонит дуги
Бровей; трепещет – строгости струна;
Кружит неотвратимой дух Разлуки,
Меняет все известные тона...

В его глазах – невинней новолуния
И сумрачных опаснее глубин –
Серебряное пламя самолюбья
Сгущает краски – каждой из картин

И влажной кистью нрава – морок треплет
Ресничный: взгляд – свобода, взгляд – капкан...
И как желать того, что не померкнет,
Когда покой – растает, как туман,

Как праздновать и жить – по Юных плану,
Не Обречённых, зная: *в миг любой*
Беда и смелость – воедино взглянут
Из-под тяжёлой чёлки золотой...

6 сентября 2007 г.

II.

Укрывший белизну эмоций кружева
Прозрачностью доспехов из стекла,
Беседовать *о выборе оружия*
Не стал с другими: тишина – смола.

Ресниц фантомы в призрачном сиянии,
Алмазной черни, век – жестокий срез:
Я вижу очи Друга сквозь мелькание
Всех шествий, плясок, *взорванных* завес...

Глубокой тенью – серебристо выжженный,
Из мира в мир – скользящий в Немоту,
На бал, где гром мелодий – лишь Затишие,
Он смотрит, *словно знание* – на мечту.

В своём уединенье ненарушенном –
И в толпах, не склонил в ответ – лица...
Каким же странным зорким равнодушием
Людские могут полниться глаза!

Наверное, огнём, ещё не вскинутым,
Но первое наметившим звено,
В единстве, им – заранее постигнутом,
И знание – с мечтой обречено.

23 сентября 2007 г.

5. Мой Праздник

I.

Ребёнком, столь сведущим в счастье мгновенном
И мнящим игрою – приход палачей,
Купается Праздник мой в бисере мелком
И жемчуге звёзд путеводных крупней.

Щебечет и стонет протяжная арфа:
Струится алмазный густой перебор...
На всё, что отрадно, на всё, что желанно,
Раскрой свои очи. Мой Праздник – твой взор.

Стесни мою душу, хлебнувшую паток,
Любою неожиданною зимней чертой!
Я нежности этой безумной не рада:
Родные – вдвойне нам близки *пред Бедой*.

Хоть хмелем, не кровью, наполнены чаши,
Хоть время – не Сроки, хоть блеск – не Зола,
Я помню, что рядом – то злое, то вражье,
В каком торжество – выгорает дотла.

О, всё это путь – к несказанному бою,
Затишье – дней ли? часов ли? минут?
И я упиваюсь твоей Красотою,
Как вина Причастья последнего пьют.

Мой друг, за беспечные юности искры,
За то, что глядим на Седых – свысока,

Нам с тенью грядущей, нам с бурей близкой
Дай бог расплатиться – лишь болью глотка.

7 сентября 2007 г.

II.

– Тень старых крон – у Хрусталя истока.
Дух Детства – за прощальною чертой.
Не сглаженная Музыкой – тревога
Во всём. Таков – мой Праздник, Друг. А твой?

– Мой Праздник пышен, но мой Праздник странен.
Я не ветров цветочных лоскутки
Ловлю посеребрёнными устами,
А времени прозрачные глотки.

И лепестки сусальной звёзд упавших,
Жемчужниц неразомкнутых белей –
В вином мгновений полной – чаше каждой,
Но нестерпимо-алые – в моей.

Тому, что счастье – не покинет рая,
Тому, что всё – к добру, не счесть примет...
Но, как чужих – друзей своих встречая,
Не улыбаясь, не смотря на свет –

И вдруг – со слов о вещих снах сбиваясь,
Ладонь к груди, охваченной костром,
Я подношу – как будто изумляюсь,
Что под рукой – не кровь, а серебро.

И если в этом смутном непокое
Сберечь желаешь – будущие дни,
Ни губы не целуй мои, ни брови,
Но лишь рукой – мне *сердце* заслони.

8 мая и 21 сентября 2007 г.

6. Замок, Где Звучат Клинки

Вовек – здесь безоружный не бывал,
Не знавшие защиты – далеки.

Наш бал, неомрачённо-юный бал –
Дан в Замке, где всегда звучат клинки.

Чтоб слушать голос твой, мой Князь и раб,
От шумных наваждений звонких зал
Тебя – в беззвучный Праздник увела б,
Но это время, что поёт – металл.

Вновь попадутся многие извне
В тугую сеть ветров, силки небес,
И только мы – не будем в западне:
Здесь нету – не разрубленных завес.

И служит Синь – разверзнутым углом,
И спор твой с тем, что будет, яр и свеж.
Я думаю, читая по губам,
Про Ангелов с мечами уст промеж,

Их чувствую дыхания тепло.
Сражение в шутку – зов грядущих мук.
Смолчит Хозяин Замка, отчего
На бархате и шёлке – нет кольчуг...

И будут вихри скрипок, птицы арф,
И каждая – суждение даст нам в долг,
Но я прочту в глазах твоих, что прав
Лишь бурю воспевающий клинок.

Концом меча – лён прядей на пробор.
Любовью дышим – словно сталь поём.
И даже тонко вышитый узор –
Как метки взмахов мелких остриём.

Весь воздух – это быстрые клинки,
Что отражают мир в своём броске
(Атласную ладонь не рассеки,
Простёрший руку – к Спутницы руке!).

Без поединков – мы – себе враги.
Что ряд наград за хрупкою чертой! –
Чтоб смысла их *прорезались* ростки,
Вспороть преграды жизни – должен – бой.

Веселье – не умчит на волю нас,
И радость – не домчит до волн морских:
Мечи вокруг, мечи, что сеют лязг
Зубов Зверинца Тайн Сторожевых.

И если нас – недоля разведёт
По двум мирам, что вечно далеки,
При каждом звоне – вздрогнем: вдруг вот-вот
Проснёмся в Замке, Где Звучат Клинки?!

А если нет (ведь он – острей ножа,
Подруг, тебя – давно любивших, слаз!),
Ты вспомнишь в смерти час, моя душа –
Нож к горлу Бога: "Возврати – сейчас!"

...И ты заметишь, там, где спит гроза,
Уже примерив райские венцы,
Как долгий миг – в бесплотности Творца
Зияла тщетность алой полосы.

5 и 9 сентября 2007 г.

7. Появление Врагов

О, тревога моя, сколько знаков вокруг
От тобой одержимых, от будущих мук,
От блестящих даров, что уже – не милы.
...Появление Врагов... *Не смотри за углы!!!*

...Иль смотри, чтобы юность – исчезла в войне,
Чтоб следы от зубов – на локтей белизне,
Чтоб у виды выдавших – белели уста,
А меж них – чёрным вихрем – кружила – Беда!

Бог не дай никому – вспоминать, как вчера
От Добра – в слепоте мы искали Добра,
Ибо век не бывали – знакомы со Злом.
В сердце зала – Венец. Но – *что там, за углом?!*..

"Вы мечтали о крыльях, в надеждах – чисты,
Так ловите – кровавую птицу Беды!

Уступайте ей воздуха призрачный трон!"
Чёрный вихрь – поспел, и он будет рождён.

Сколько зорких пророчеств – у звона цепей.
Сколько страшного – в очерках смутных ветвей.
Появление Врагов... Опрокинутый дом.
По углам – лишь соцветья. Но что – *за углом?*

Что следит из-за ливня событий за мной?
Что случится, когда – я *не буду* Княжной?
Крепко с Друга руками – я руки сплела.
Страшно – только *угла*. Страшно... только... *угла...*

Безобидных лучей – начинается бой
На беду, на беду: так светло – пред грозой.
Запах дыма – сквозь веянья роз и вина:
Там ограда, ограда – вдали сожжена.

Там, вдали? Там, *вблизи*. Для напасти – прикрас
Не ищи. Что тайлось – то *выждало* час.
Там клинки – так черны, здесь сердца – так светлы!
Не смотри! не смотри! не смотри за углы!!!

20 и 22 сентября 2007 г.

8. Его жертва

Только ветви – не плети – хлестали
Эти залы, где арфы сладки.
Я не вспомню, какими ходами
В хрупкий Замок – вошли – Чужаки.

В изумленье ещё, не в испуге,
Точно в играх – стекло упустив,
Я увидела жадные руки,
Дикий, сумрачный – взглядов порыв.

От безумья тревог – свечи – стыли,
И, заменой клеймя теплоту,
Зло мечи польхали кривые,
Прокляв сотни преград – на лету,

И огонь – растекался по Замку
Лавой нот чужеземной молвы.
Я увидела воли изнанку,
Все её нестерпимые швы.

Пламя – мраком хлестало из окон:
Вздрыгнул Замок – от жила пустоты...
Мы застыли пред бесом Востока:
Я и Друг мой, пред ликом – Беды.

И в глаза мне – со странною болью
Искажённой – улыбкой врага –
Было сказано: "Или – со мною,
Или в Царство Теней на века".

И тогда – грозы мечущим сердцем
Наяву обратился мой Друг;
И тогда – всем дыхания срезом,
Мелом уст – причастился мой Друг

Дна не помнящей – ярости чаши;
Искупавший сиянье – во мгле,
Гнева Ангелом, с неба – не падшим,
Показался мой Друг – на земле.

Знала, не было губ его суше!
И – он бросился в чашу мечей,
Словно сделался, вихрь вдохнувший,
На жестокие годы взрослей,

И тесна ему – Праздника мерка,
А одежда Тоски – велика...
*Словно страх, что любовь – не бессмертна,
Жаждал вычеркнуть жалом клинка.*

Просто – встал на пути у кинжала,
Как в беседке осеннего дня
За плечом меня, чтоб не озябла,
От ненастного ветра храня,

Чтоб, спасенья открытая свету
Всеми жаждями жизни тепла,

Не могла не принять его жертву –
И ответить своей не могла.

Погляди же, Ломающий Судьбы:
Вот, хлебнувший – багряной волны,
Тот, в котором *душа моя* – будет
Жить и в пору – сердец тишины!

6 и 22 сентября 2007 г.

9. Облака на твою кровь

Мой светлый друг... темно... темно...
Мой Замок – в кровь твою обрушен.
Где лил хрусталь – там ил речной
Заносит взгляд – и прах жемчужин...

Мой гордый князь, на алом спи
Журчащем ложе: Ночь – в невесты!
Ты и в запёкшейся крови –
Как в заревах величья тесных.

Мой гордый князь... мой светлый друг...
Для нежности одетых снами –
Любой покров из нитей – груб.
Укрыть бы рану – облаками...

В их мягком омуте – вольна,
Ни ликом не пьяна, ни станом,
Узором зим окружена
И запорошена туманом,

В пустот закутанная вязь,
К безмерной полноте сусальной –
Душа ушла бы, не стыдясь
Незримости своей печальной.

И сонной арфой – полумгла
Ей пела бы на всех пределах
О том, что я – не умерла...
О том, что ты – смелее смелых...

Чтоб на перины – не на грудь
 В слезах (прильнув – не сбить уж пламя!),
 Чтоб напоследок – не взглянуть,
 Укрыть бы гибель облаками!

Они – достойны! в пору тьмы
 В зал, где рядят – о счастья царствах,
 Они в таких же, как и мы,
 Вошли – сияющих убранствах...

Их путь – как знак, что всё пройдёт,
 Что есть призванья – наших выше.
 Но я всегда – на их полёт
 Смотрела, словно кровь предвижу.

И этим вечером, в сетях,
 Влекущих жизнь – к чужому краю,
 Пунцовый проблеск в небесах
 Увидев, я скажу: "Я знаю..."

Вот отчего – багрян закат:
 В купальню жажд неуголимых
 Что день – приходят облака
 В крови потерянных Любимых..."

5 сентября 2007 г.

10. Пожар

Мария бежит из пылающего замка.
либретто Н. Волкова

О мальчик в праздничных стенах,
 Рок алый, золотой,
 Что за огонь в твоих руках?
 Отдай его, он мой.

Он должен был в моей руке
 Лечь в руку Жениха,
 Тем, кто забыл об Очаге,
 Сверкать издавека,

Усыпать искрами венцы,
 Всё отогреть внутри,

Окрасить чёрной полосы
Дорогу – в цвет зари,

Лить мёд – на всех теней излом,
Румянить лица слуг...
Не обращать в костёр – мой дом,
Не выжигать – мой дух.

Воды! Хоть ливня, хоть росы!
Растёт ночи стена:
Служить тебе – примчались псы
С глазами как луна.

Дитя, мне страшно их клыков,
Когтей, что – смоль и сталь...
Рок, не признавший берегов,
Отдай огонь, отдай!

Я знаю, ибо всё в черёд
Пришло – в твоей тени:
Во вьюгах – ярче твой полёт;
Верни огонь, верни!

Мне и ему – за сумрак врат
Позволь уйти вдвоём,
И часом позже, милый брат,
Ты станешь сам – огнём!

Отдай мне свет, что не хранишь,
Отдай сиянье мне.
Стращать не стану, что *сгоришь*,
Замёрзну в тишине.

Не потому прошу огня,
Что жаль моих потерь,
А потому, что для меня –
Нет *моего* теперь,

Нет больше тронов, нет и плах,
Так пусть, мучитель мой,
Хоть жар, что был в твоих руках,
Останется со мной.

вечер 4 сентября 2007 г.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Авторский краткий пересказ содержания

Роскошь Гарема Хана Гирея не по сердцу его Пленнице: укрывшись в уединённых покоях, Мария не желает искать утешения в мире, новом для неё (*"Гарем"*). Мире восточном, чуждом её славянскому нраву. Мире искушений, страшном её чистой душе. *Мире без Вацлава, где нет места желанию жизни ("Чужие Края")*. Преклонением перед загадочной и величественной в своей отрешённой печали Княжной – сменено в сердце Хана гордое своеволие помыслов. Но какой щедростью – искупит он свою вину? Разве может принять Мария поклонение того, кто погубил её Князя, её Вацлава (*"Ладан"*)? Мысли её – с потерянным Любимым; предчувствие скорой смерти – становится тем зеркалом, в котором она может видеть его образ и наяву (*"Шёлковые Стены"*).

В то, что сердце Марии закрыто для Хана Гирея, не верит прежняя Возлюбленная Хана, Зарема. Ни одной мольбы её о знаке любви и мгновенье тепла – не услышал покорённый чужестранкой Гирей (*"Зарема – Гирею"*). Зарема появляется в покоях Марии, требуя и умоляя отвергнуть Хана, вернуть ей. За своё несогласие – Мария поплатится жизнью, клянётся Зарема (*"Не Соперница", I.*). Но в угрозах гибели – Марии слышится обещание близкого Освобождения и Встречи с Вацлавом; она не признаёт себя Соперницей Заремы, но и не стремится избежать расправы за свою несуществующую вину; она умирает с благодарностью к той, которая ждала из её уст последнего проклятья (*"Не Соперница", II.*).

С жизнью Марии – обрывается и нить смысла в жизни Гирея. Зарема бросает в его глаза горько-торжествующий взгляд: хотя бы в этот момент – она равна Сопернице во власти над судьбой Хана (*"Властью Отвергнутых"*).

В то время как душа Марии счастлива, навсегда воссоединившись с душой её Избранника (*"Единство"*), Гирей – погружается на самое дно Несчастья. Карая Зарему за смерть Любимой, он велит своим воинам бросить её в Пропасть, но Зарема – сама делает шаг в бездну (*"Тебе и Пропasti"*): мир без Гирея – пуст для неё так же, как для него –

мир без Марии. Отмщение не приносит покоя сердцу Гирея. Бессмертным символом его тоски о своей Утрате, земным святилищем для призванной его воображением Тени славянской Княжны – будет воздвигнутый в память о ней Фонтан Слёз ("У Фонтана Слёз", "Грёзы")...

25 сентября 2007 г.

Пленники (Чужие Края)

И между тем, как всё вокруг
В безумной неге утопает,
Святыню строгую скрывает
Спасённый чудом уголок.

А.С. Пушкин,
"Бахчисарайский Фонтан"

1. Гарем

Мария.

Сколько блеска в Гареме у Хана...
Быть мне пеплом, козь искру приму!
Если нету одежды багряной,
Золотить белых риз – ни к чему.*

Огляделась; преграды – как ветер,
Но изнеженным – крепки врата.
Эти знаки – вдове иль невесте?
Отступи, мир чужой, всё – тщета:

Я – не вымолю, ты – не испросишь.
...А вокруг – и за чашей вина –
Истомлённая временем роскошь
Юным пленницам – вечно скучна...

Всё восточное небо нисходит
Излазурить напевов ручьи,

* – Согласно христианской традиции, багряный цвет одежд – символ Мученичества, белый – Невинности. – Т. С.

Но лазурь – безразличье к свободе
Заковало в узоры свои,

Как змеящийся омут сандала –
Бесконечен покоя поток...
А под каждого ткань покрывала –
Спрятан кованый бурей клинок.

И – коварной ревнивой змеёю
Обращаясь, не стеблем цветка,
Льётся золото струйкой цепною
По телам, прожигая – шелка.

Страшен норв подруг темноликих,
Взор неспящий восточных сестёр...
Не мучительней – сердцем – на пики
За окном – небо застывших гор!..

Эти вспышки в дымах – мне знакомы!
Мир мой свергнут – в их чёрную пыль!
...И когда вестовые Истомы
Обходили покои рабынь,

Обносили напитком – Желанных,
Мои кубки остались пусты,
Оттого что в Гареме у Хана
Нет *кристальной* – не *сладкой* воды.

Ветра дальнего жажды, покорной
Только Богу, порыв – так суров...
Неги, песнею птиц оплетённой,
Вьётся долгий, прерывистый зов.

И беззвучным, но *жгуче-горячим*
Горным снегом занесшим уста,
Для Покорных загадочным – плачем –
Отвечает ему – Чистота.

24 и 25 сентября 2007 г.

2. Чужие Края

Мария.

Бейся бесправнее, сердце, меркните, очи,
Горечью плена пресытиться, Время, не дай.
Так укрываю мой стан покрывалом восточным,
Будто бы савана мерки – снимает Край.

Жемчуга звёзды – здесь собирать оберуч бы
И приготовить венец – для *последней* звезды,
Но не расходятся – дней безразличия тучи,
Не расступается море – ночей пустоты.

– "Не перемелются камни реки верховья:
Здесь остановит потоки – о счастье молва".
– "Эти беседки – счастья возврату надгробья.
Сами великие горы – камням жернова".

Ветер несёт благовонья мне полной ладонью,
Но не на лики – на дали смотрю сквозь дым.
Сколько насилья – над мир не обретшею скорбью!
Сердце, уже и само – ты мне стало чужим.

– "Шёпот прислужниц – хвор от любовных сказок...
Связка ключей потаённых – в твоей горсти..."
– "Тщетно в покой мой стекаетесь, волны атласа,
Чтобы связать меня тонко – и в зори вести.

Тот примет путы, к *новой* влекущие доле,
Кто никогда – нити *Смысла Всего* не терял.
Чтобы не видела в зеркале – вечной неволи,
С саваном схожих – прибавьте ещё покрывал!

Дайте мне *скрыться* – прежде, чем высохнут слёзы,
Прежде, чем хлынет прозренья – не лёд, а зной:
С нежностью, полной – равно – мольбы и угрозы,
Ласков Хозяин – клетки моей золотой..."

16 и 17 сентября 2007 г.

3. Зарема – Гирею

Пламя – в дыма прогорклого тоге.
Не на счастье – на месть ворожу.
В золотом стало тягостно доме.
Господин, приласкай Госпожу.

Не к покоя стеклу приникая –
К вечной дали, где тень пролегла,
Из дворцов разорённого Края
Незнакомцем – тебя не ждала.

Если б только – как прежде – припала
К новым шрамам, их жаром больна,
Пыль дорожная – золотом стала б.
Что же – Встреча, что мне – так ценна,

Пепла амбры – тебе не дороже?
Отчего (оглядела – рабов)
На Невольницы шёлковой коже
Следа нет – от хозяйских кнутов?..

Ветвью тонкою – с Древа Запрета
Покорённый и пташкой в силке,
Разве губ с ароматом *шербета*
Стоят эти уста в *молоке*?!

Или ей – рощи ветры не ближе,
Чем сладчайший кальянов дурман?
О, плечей ли не краше поникших
Мой очерченный гордостью стан?!

...Что-то – скрылось, ушло, миновало:
Отцветающим раем дышу.
Не в гарема – в души своей залы,
Господин, возврати Госпожу.

– "Отрицай, власть моя – безвозвратна,
Эти яркие звёзды – *не мне*:
Я поверю, что робкая арфа –
Не соперница томной зурне;

Руки друга – в поток ликований
 Заключив, к Палачу не прильну..."
 Бесконечно молчание дланей.
 Господин, отогрей тишину!

Неразрывны ещё – наши тени...
 Ты вовеки – так не был суров...
 Может, завтра – уйдёт наважденье,
 С лучезарных цветочных оков,

Заточавших нас в пыла зарницы,
 Потемневшая схлынет роса? –
 Я, парившая хищной орлицей,
 К вере жмусь – беззащитней птенца.

Хуже милостынь – цепи из золота
 На одеждах: лишь дух – повяжу.
 Не дарами – улыбкою взгляда,
 Господин мой, утешь Госпожу.

Погляди! – от купанья в остуде
 Прозревая, трагично-строга,
 Я читаю исход наших судеб
 В наготе серебристой клинка...

17 и 19 сентября 2007 г.

4. Ладан

Гирей – Марии.

Невольница, пой меня полынью!
 С тобой в сравненье – чистое – грешно.
 К тебе, перо отбросившей павиинье,
 Голубка прилетела на окно.

За власть наказан – власти чуждым взглядом,
 Сознанием, что прятных роз сильней
 Я полюбил впервые – горький ладан
 Славянами воздвигнутых церквей.

Врасплох застигнут – песней приворотной,
 Притронуться не смел – к мечам, читам...

Невольница, всех пленников свободой
Клянусь тебе, что я – неволен сам.

Не верю, что отказы непритворны,
Что подлинною строгостью строга.
Ты служишь Белизне? – какие горы
Я доверху закутал в жемчуга!

Чем беззащитней ты, тем больше силы
Противиться – твои – струят черты...
Когда ты скорбно руки уронила,
Пал и разбитый идол правоты.

С тех пор, Княжна, все полночи безлунны.
Простёр ладонь, как с просьбой миражей,
И ненавижу – арфы белой струны,
Что северной руке твоей милей!

Я не считал бесчисленных наследий,
Моих владений – призрачна черта...
Я знать не мог, что буду – слаб и беден.
Столь одинок – я не был никогда.

То силой не возьмёшь, чему не сбыться,
А пылкая мечта – тебе страшна.
Невольница, взгляни, какие птицы
Горды своею клеткой, полной Сна!

"Нет ни цепей, но нить – не оборвётся
Меж нами", – клялся. Но... С тобой – одно
Кадящее заснеженное солнце,
Что холодом твоим раскалено;

В твоих покоях – сладкий дым не тает,
Но клуб – как сердце для ветров ножа...
И дух восточных зелий отвергает
Наполненная ладаном душа.

16 и 17 сентября 2007 г.

5. Шёлковые Стены

Мария.

I.

Ирония людских "мы всё успели!"
Пред тем, как *снимут кожу*, облака
Примерить перед зеркалом Потери,
Покуда льнут ещё – к шелкам шелка;

Путь сократив до встречи от прощанья,
Чтоб этой белизною – стан одеть,
Того, кто был – истоком жить желанья,
Увидеть перед тем, как умереть...

23 сентября 2007 г.

II.

"Пылью бы – темницу – до обломка!" –
Но, как прежде, чувства – были пленны.
А до Вечной Воли незадолго –
Жизнь была – как *шёлковые стены*.

В доме чуждом – пел о близком ветер,
С памяти срывая покрывала.
В мире, разделившем нас – лишь смертью,
Исчезало то, что разделяло...

Словно божеству, кивая горю,
Вместо всех преград – и тем бесценны –
Ласковой беспшумною волною
Трепетали шёлковые стены...

С плакальщиц рассеянной улыбкой,
Зная, как сладка – видений мука,
Слушали со мной – за строгой дымкой
Тихий шаг потерянного Друга.

Как пред алтарём – пред вечным роком,
Он взглянул в глаза мне, свет упешдый,
Полускрыт – пьянящим сумрак шёлком,
Зачарован – жизнью нерасцветшей...

Я ждала с надеждой безответной:
Обновятся клятвы, что нетленны,
И покой, непрошенный, но светлый,
Растерзает шёлковые стены.

Свечи – гасли, но – *не догорая*,
А минутный сон – *сгорал*, как свечи.
Полумраком – свет чужого края
От воспоминаний – не излечен!!!

К *сердцу*, что моё – собой закрыло
В Прошлом, поднесла – ладони ближе,
Чем к огню: рукою – заслонила
Шрам, и после жизни – *неостывший*.

Под моим дыханьем – замерзали,
Становясь в тепле – лишь непреклонней,
Вечные серебряные дали
У Любви на линиях ладоней.

В мире, разделившем нас – лишь смертью,
Жилок тишину – к губам прижала...
Связью, арфы стрункою – двуперстью,
Становилось то, что разделяло.

И, румяна – краской не от бога,
Гибели пригрета лаской встречной,
Я стою в дверях земного дома:
В путях – как в одежде подвенечной...

1 июля и 21 сентября 2007 г.

6. Не Соперница

I. Зарема – Марии

Заметь меня скорее, полной чашей
Пей чуткость, эта полночь – не тиха;
Самой – своих шагов мне нынче страшно:
Так входят лишь *убийцы* – в дом врага.

Когда я появлюсь, твой сон нарушив,
Припомни: в винах – раб твоей вины,
Нежданно так же – он – развеял стужей
Мои огнём расцвеченные сны.

И всё смешалось: воля и оковы.
Ты быть должна, как велено рабам,
У ног моих, но, видишь, я готова –
Надломленной – к твоим упасть ногам.

Теперь я – Красота *неслышных* зовов;
Отдай мне то, что держит, как смола!
Я ненавижу снег твоих покровов! –
Ты тем горда напрасно, что смогла

Быть белой птицей – в золочёной стае!
Твоя лишь сумрак сеет – белизна!
Смотри, что совершилось: впрямь – не знаю,
Могуществом иль слабостью пьяна...

Не помню и того, вчера, давно ли –
Той властью, что – отравы, мёд и плеть,
Мне было так привычно, так привольно,
Неутолимо-сладостно – владеть.

Отдай – к чему – я прижилась лозою,
Мы обе стоим – правого суда.
Ты – бледная свеча, а надо мною
Ещё горит – Избранницы звезда.

Ты – не поймёшь его, ты – лёд и камень,
На что тебе – трофеей любовных краж?
Ты вскоре – со славянскими гостями
Хозяина земли чужой предашь;

Ты проклянёшь его, когда – осудишь;
Пусть не клинком – *крестом* в своей горсти,
Не схожим с *нашей* верой, ты – погубишь!
А я – погибну с ним. Так пощади!

С обманом лестным чувства – брось забаву,
Я нашепчу тебе – иную ложь

В подарок, но отдай – *моё по праву!*
Я – жду. Я – Ожиданье. Ты – вернёшь?

Я – стала Ожиданья злою тенью,
Не наслаждением – ревностью больна.
В твоих глазах – так много *изумленья...*
Увы, и я – тобой поражена.

Так не спросила б – равную по духу:
Где приворотной магии своей
Постигла ты искусную науку?
Ты! – да ведь Пленниц, пылкому страстей

Безумству – не бывало непричастней!
Ведь говорили: жизни проживут
В Краю твоём, не ведая о страсти
Такой, какую здесь – юнцами пьют!

Я ль замерла сегодня в келье стылой,
В позор впиваясь – верой в близость благ,
Лицом к лицу – с прозрачной, тихой силой,
Какую – не встречала в зеркалах?!

Что ждёт меня – то не от Света участь,
Но плачет о *луча* надежд рывке
Лазурно-лунный, горестно-певучий,
Согретый плотью нож – в моей руке.

ночь 25 – 26 сентября 2007 г.

II. Мария – Зареме

Как будто грусть, век – бывшая сурова,
Внезапно – ей надежду подала.

Хуан Рамон Хименес (перевод Т. С.)

В самой тихой возникла из спален,
Где завесы – шумят, как листва.
Ты – богиня Услад, я – Печали.
И – мы равны как два божества!

Ясным небом – наполнены окна,
Да зарницы летят из очей.

Что с тобою, царевна Востока?
Что томит тебя муки сильней?

Если хочешь узнать о Неверном,
Сердце чьё – всё слабей и слабей,
Ты напрасно пришла за ответом.
Что я знаю о вашей судьбе! –

О пронзительном рук твоих взмахе,
Растерявших своё торжество,
Взор метнувшая в гнев и страхе
На приметы пристрастья его.

Кто от солнца – управ на приливы,
А от месяца – зăсух беды
Ждёт, их знаки смешав, – не могли бы
Слепо так ошибиться, как ты!

Чтоб найти искушение меж пленниц,
В лики те погляди, что *ясны*.
Весть о силе одной из Соперниц –
То не имя славянской княжны.

Я иному верна обещаю,
Я не слышу гремящих сердец...
Там, за гранью, горящую гранью, –
Обручивший *не с жизнью* венец...

Вспоминая смертельное пламя,
Что венчальную застит звезду,
Слабо – я – осыпаю цветами
Обречённых путей красоту.

Мир насквозь – той гирляндой пронизан.
Верь: к сознанию, что чуждо вражды,
Как тебе – Ненавистный мне близок,
Я слагала бы *те же цветы*.

Но немеряны – ревности беды,
И сама твоя тень – в пламенах.
Где твой нож? – на моих не согретых
Ореолом надежды шелках

Глубже, глубже – распахивай раны.
За порогом Чужого Двора
Будут Двое тебе благодарны,
Вновь – сомкнувшие руки, Сестра.

Я угрозой дышу – всё свободней...
Дай мне, дай мне *покинуть* твой дом...
Жизнь мою обожжённую отняв,
Отсекая Возвраты – клинком

И сочтя, что наказана – жертва,
Что потеря её – велика,
Ты поймёшь ли сама, как бесценна
Эта милость Подруги Врага?..

Не терзай же виной себя, ибо
Ты лишь пут разрубаешь узлы.
К миру, где – я и нынче любима,
Где желанного очи светлы,

Слёзы гнева – мне будут тропинкой,
Что твои – исказили черты.
О, какою *нежнейшей* улыбкой
Я тебя одарю с Высоты...

11 сентября 2007 г.

7. Властью Отвергнутых

Зарема – Гирею.

Какой принадлежит он из сторон,
Не вспомнит свет, сам – гордостью подкуплен,
Когда, жизнь отдав – за её урок,
Желанный луч – отвергнутым погублен.

Теперь – ты не найдёшь свой мир ни в ком,
Теперь – ты побредёшь до изможденья
Ведущим в даль отчаянья – путём
Противоречьям с "должным" изумленья.

Запятнан алью, бьющей через край
Нежданной раны, – о тебе не нужных,

Тон изменяя, вновь – вопрос задай:
Беспомощны? бесправны? безоружны?

В роз, по ветру развеянных, пыли,
В озноба набегающей зарнице –
Вот – память о потерянном: взгляни,
То – не Творца ли истинное лице?

На миг один – бессилью усмехнись
Тех, чья рука – была – о двери сбита,
Не заслонив собою – тех, в ком – жизнь,
И не поспеет вовремя – защита,

И не найдётся – должный оберег...
У тех, кого мы любим больше света,
Нет и ничтожной доли – силы тех,
Кто любит нас, не чувствуя ответа.

И так – во всей истории людской:
Так – шито по горчайшей власти крою
Всё, что мы позже – назовём судьбой,
Из откликов на чьё-то – "не с тобою".

13 и 26 декабря 2006 г.

8. Единство

Мария – Вацлаву.

"Тише, Хранитель, поры тревог – миновали".
"Тише, Любви моей сердце, втори молебне".
...Тихо, незримо, душу продев меж клинками,
Руки – к тебе. Побелевшие руки – к тебе.

Не вспоминай о своей принесённой Жертвы
Муке земной, на разлуку – обид не таи.
В той Высоте, о которой поют Поэты,
Видишь мои награды? Они – твои.

Я не касалась – вязкой смолы раболопей:
Чистой ладонью – руку держу твою.
Князь мой и Свет мой, забудем Пожарища пепел,
Нам возведён новый Замок – на света краю,

В тех облаках, что от века – не суша, не море,
В зыбком свету – но не солнца, не лун, не звезды...
На подвенечном моём, на святейшем уборе
Видишь следы моей крови? *Она – есть ты.*

Не предала – ни на миг (отступая в Тíши,
С белых шелков сорвала – золотое шитьё):
Всё, что в миру моём стало – тоньше и выше
С нашей (пусть – про́клятой!) Встречи, – *только твоё.*

Чувствуя, как – твоя Жертва меня связала
Долгом отплаты, была – не скупа в цене:
День ото дня тяжелей – за тебя умирала
В каждом удушии плача и каждом сне.

Мне – так *по мерке души* были казни эти,
Что, облачённой Невестой, с огнём в венцах,
Жаль: в бесконечном Сиянии – нету смерти,
Чтобы погибнуть – уже *на твоих руках.*

Не-Побеждённые. Два отраженья – не примет
Камень зеркальный: ропот волны – далёк...
Здравствуй! Ни завтра, ни позже – меня не окликнет
В сердце Фонтана – памяти бьющий поток.

Что я оставила там, где и небо – землёю
Стала бы звать, – если в кольцах незримых цепей,
В мире, где не было образов, полных тобою,
Я оставаться умела – *только твоей.*

5 и 19 сентября 2007 г.

9. Тебе и Пропasti

Зарема – Гирею.

Есть пропасть "может быть" – и пропасть "нет",
А между ними – третья: мир – *над* пропастью,
Где все расколы – преткновений след
Меж чувством Полноты и Невозможностью,

Рябь столкновений стёкол в витражах
Зимы, когда в окне – дыхание внешнее...

*Тем шире – раскрывается душа,
Чем взгляд в неё смотрящих бездн безбрежнее!*

Единожды вздохнув на высоте
О всех, кто был обманут невесомостью,
Я обойду весь мир и души все,
Ища различий – меж тобой и пропастью.

Когда упустит каплю – взгляд, она,
В провал упав, всех тайн – меняет облики;
Чтоб не узнать, как далеко – до дна:
"Я запрещаю слушать – бездны отклики!!!"

И непокорно – эхо ловит слух...
Предел эмоций тяжести и лёгкости –
Немногим отличим от чувства рук,
Что могут удержать, а могут... Господи!!!

– "Отсутствие помех – сон в тишине
На самой долгой ветреной волне..."
– "Весть – пляски горизонта своеволие!.."
Когда заговорят о *глубине*,
Я усмехнусь, как та, что знает – более,

А сердце, упрекая в том, замрёт.
...На этой многомерной жизни скорости
Мне кажется порою, что полёт –
Бросок от мелкой – к той, что глубже, пропасти.

Как планки бытия ни завьшай,
В их центре – бездна, всё иное – внешнее:
*Чем шире раскрывается душа,
Тем взгляд в неё смотрящих бездн безбрежнее.*

Раз – чуткость-у-обрыва призови,
Край – вторит век! Пока – стремленье к Тонкости
Хотя бы слабо – теплится в крови,
Мне будет мало – и тебя, и пропасти.

28 февраля и 1 марта 2007 г.

10. У Фонтана Слез

Я пережил свои желанья.

А. Пушкин

И Гирей низко склоняется
перед Фонтаном Слез,
как склонялся когда-то перед Марией...
либретто Н. Волкова

Гирей – к Марии.

Следы... твои следы... твой лёгкий след...
("Её уходит Тень, утroyте стражу!!!")
Иных потерь отравленный шербет –
Не переполнит – пролитую чашу

Одной; не розы, что раскрыла смерть,
Но лилии – следы твои означат.
Я не забыла и в горе этом – честь:
Правители и Воины – не плачут.

И я сказал: "Да будет по сему.
Не отвечая дерзостью – запретами,
Я *Плакальщика* верного найму,
Чтоб слёзы проливал – над этим следом,

Меня – в моей – с живой душой борьбе
Сменив на поле битвы без притворства".
Но у того, кто плачет – *о тебе*,
От мук – так скоро – сердце – разорвётся!

Оно – должно быть *каменным!*.. Не сон –
Не явь, но призрак, к Памяти зовущий, –
Там, где тебя – не встречу, возведён
Фонтан из камня, вечно – слёзы льющий...

Дыхание твоё – здесь навсегда:
Прохлада, верность, песня об отчизне...
Не позабудь же в Небе, что вода –
Не только *Плача* символ, но и *Жизни!*

Чем дальше ты вдали – от волн живых,
Тем больше мне – лавины те желанны,

Что сходят безоглядно – с гор седых,
 Чтоб *все другие* – сокрушить Фонтаны.

Чем дольше ты – вольна, тем я – пленён
 Безрадостней, тогда лишь воскресая,
 Когда к воде, в восточный павильон –
 Приходит ветер из иного Края.

Жемчужина, Святая Тишина,
 Дух над водой играющего света,
 Моя Врагиня, Горлица, Княжна,
 Мой приговор к бессмертью... ты ли это?

20 сентября 2007 г.

11. Грёзы

Гирей.

Нет, я не дал бы нитям послабления,
 Когда бы *раньше* Бог – мне смог сказать,
 Что грёзы – швы изнанки сокрушенья
 О том, что с *Нужным* связь – не разорвать.

От бремени – плечам поникшим больно?
 Я не вернул бы – этих чувств и часть,
 Узнав, что грёзы – мне подарят столько,
 Что, *не склонившись*, кто бы – мог принять!

На тени всплеск один, одно сближенье
 С толпою одиноких на краю,
 Я запретил себе – смотреть на тленье
 Цветов её следов... И я – смотрю.

Опроверженья грёз – пред ними слабы,
 И я, не почерпнув *ответа* сил,
 Самим её молчаньем – то сказал бы,
 О чём – лишь с сердцем прежде говорил.

Мне горько, что служенья жажды остров
 И Госпожи земля – разведены.
 ...*Поверить* снам – то рассказать о грёзах,
 Чего не знает край, приславший – сны!

Что вымолить нельзя, не встав на талый
Обрыв, где жаждет шага – высота,
Нельзя – и заслужить, не приняв кары
За сотворенье идолов Суда.

Как жёстко мир, что на песке построен,
Но тягой к сердца камню упоён,
Потребуется печальных *Предысторий*
От Эпилогов будущих времён!

Не ждать! Забыть – что грезится! И тут же
Все грёзы вспять вернуть – за них виной!
...Она пришла бы, *жизни* не коснувшись,
Но этого явления – надо мной

Наполненное светом превосходство,
Стирающее вины без следа,
Признать в тот миг – мне было бы так просто,
Как *жить* – не будет просто никогда.

13 декабря 2006 г.

*Вместо Эпилога, Посвящения
и Всего, Всего, Всего...*

Никто не ранит

(приложение к одному букету для Вацлава...)

Я плакала так долго, осмеяв
Твою Ранимость! Так *прости мне* – ропот.
Я собрала тебе целебных трав,
Что рану залечить любую могут.

Я, завершив последнюю строку
Рассказа, где герой твой – погибает,
Их с *должным чувством* – поднести могу.
Возьми. И пусть никто – тебя не ранит,

А проба – не оставит и следа,
Настолько всё опасное – минутно.
...А что сама – не раню никогда,
Тебе – пообещать – мне слишком трудно.

Мне, в Дерзости всё видящей свету,
 Того, чем Вдохновение наделяет,
 Почувствовать довольно *остроту*,
 Чтоб кликнуть: "Ну, кого – никто не ранит?!" –

И откликов безумием дышу,
 И вглядываюсь трепетно в раненья.
 А позже днём – с повинной прихожу
 И приношу целительные зелья.

В *твоей* крови запёкшейся припла.
 А ты меня – тревоги встретил вздохом,
 Что в миг защиты – и меня могла
 Твоя душа поранить ненароком.

Теперь мне жаль – призналась на духу:
 "Не ранена, то вин моих отметы".
 Гадать осталось: на каком лугу
 Собрал бы *мне* – целебные букеты.

24 сентября 2007 г.

P. S. № 1

Захватчик

Нурали.

Дайте мне весь мир, я ненасытен,
 Прибирая *суть вещей* к рукам!
 Чтоб мишенью быть мне, целью быть мне,
 Я – велел склониться – облакам.

Страшно ль проверять, сколь камень прочен,
 Бешенством огня на каблуках? –
 Взорами с *безуминкой* восточной
 Я ль не выжег пропасти в горах!

Нежности обманчивое рденье...
 С выкликом следов – игра кнута...
 Эти руки – помнят расхищенье
 Кладов; осквернение – никогда!

Греза о покорных мириаде,
Я не звал в противники – теней,
Я и сам не знал: мой взор – осадят
Дымчатые демоны степей,

Обожжённый дикости и силы
Жаждой – за мгновенье до глотка.
Я – младенцем – горные лавины
Пил так жадно – вместо молока!

На моих одеждах в брешах смуглых –
Кромка – не тесьма, а тетива!
Искры в чувствах трепетных и лютых –
То – потомство лани ото льва!

Дайте мне любой трофей насилья!
Дайте мне цветов, где спит змея!
Золотой осыпан, мелкой пылью,
Требую сверх жизни – бытия!

Пусть кипит и бродит злая нега
Взгляда на Невольных свысока!..
Ах, как ладно входит в ножны ветра
Этот *раздвоённый меч прыжка!*..

1 января 2008 г.

P. S. № 2

улыбка в придачу к слезам одного Фонтана...

Песнь о Злом Эвнұхе

*(исполняется ханскими жёнами
на сладкозвучный восточный мотив)*

Меж ними ходит злой эвнұх,
И убегать его напрасно.

А.С. Пушкин,
"Бахчисарайский Фонтан"

Не ходи, мужское племя,
В спальни с белизной подуш!

В пышном золотом гареме –
Есть у хановых подрух
Злой Эвнух.

И всегда ему известно,
Что творится нас вокрух,
Не блеснёт ли в занавесках
Пара воинских кольчух,
Нох и рух.

Что там за глазóв миганье?!
Что за шорох, что за звук,
Что за страстное дыханье? –
Чу! ведёт он парой ух,
Злой Эвнух.

У него трагичный норов
И набитый златом брюх,
И своим змеиным взором
Он внушает нам испух,
Злой Эвнух.

С ним покои нам – темница,
Точно врах нам – милый друх.
Даром наша честь пылится:
Разорвал порочный крух
Злой Эвнух.

И припомним мы злорадно,
Мстя за вех сердешных мух,
Что не ведает награды
По числу своих заслух
Злой Эвнух.

Он погибшей страстью страстен,
И огонь его – потух.
Лишь Поэт – ему тетради
Отворит на первый стух.
Ух.

18 сентября 2007 г.

Французская Кукла (Фарфор)

Кружевом, камень, будь...
Осип Мандельштам

1. * * * *

Сверкает облаков упавших край,
Зенита серебро – взамен подмосток:
Сам – драгоценный идол, принимай
Все подношенья падающих блёсток.

Держи незримо в кукольной руке
Сердца живые – побеждённых снами.
Пинай планеты в золотой фольге
Атласными своими башмачками.

Мой бледный кондор, милый грустный франт,
Какой непомрачимо-детский жребий:
Проснуться – и услышать, как звенят
Гирлянды новогодних украшений!..

Услышать – и увидеть, как горит,
Перечеркнувший памятные луны,
Луч нежно-перламутровой зари
На замершем лице любимой Куклы.

11 и 17 января 2008 г.

2. * * * *

Хоть тост румянцем силы поднят был,
До дна – пей слабость Бледных полной чашей.
Горит во тьме жестокость паутины блёсток,
И светотень на лице – карточной луной,

Почти податливый твой облик расколовшей.
Вокруг тебя – так страшен мир всегда,
Что – время бегства в медитации столетья
На бело-голубую сакуру одежд.

Для нежных сатурналий всех живых людей,
Что наняты мечтой к холодным куклам в услуженье,
Дыхания фарфоры – *биться* отпусти
Серебряною рыбкой о паркет прибрежный.

20 мая и 21 ноября 2007 г.

3. Французская Кукла

Ты смотришь так загадочно и чутко,
Заблудших звёзд мерцанием – светла,
Мечта, моя фарфоровая кукла
Со взором, что прозрачнее стекла.

Обводит серебро – твои ресницы.
Не ткани – сердце – в вышитых цветах.
И тонко-тонко – кружево змеится
На впившихся в запястья руках.

Ты, замершая в старом танце строгом,
Мечта, чьи каблуки – как нож остры,
Мне хочется дышать французским шёлком,
Не надышавшись – воздухом игры,

И разгадать отрывистую плавность,
Зацветший синевой – прозрачный взор
("Изнеженная светская галантность,
Просвечивай мой бархатный фарфор!").

Встряхни гранёных блёсток напыленье
На гладких волосах, моя мечта.
Фарфоровые куклы! – умиление,
Оставленное ценным – навсегда!

Изящное – о том напоминанье
(Из подслащённой лепка – манны дней),
Что *Чистое* – столь хрупко, сколь сиянье
Игрушки, вдруг доступной – для детей...

6 марта 2007 г.

4. Стежки (Французский Танец)

Дети в пьющей лазурь игровой,
Раздающие куклам – роли,
Перед тем, как взглянуть на мой
Танец в белом французском камзоле,
 Не рукою меня поманив –
 Света белым цветком, потуже
 Привяжите к моей тени
 Перламутр атласных кружев.

Тень моя – и остра, и тонка:
Далеко до фарфора – и стали!
Пару лент – к ней пристройте; тогда –
Лишь аккорд – и увидите сами:
 Где коснутся мои шаги
 Синеватой земли – в напрасном
 Пут прощенья, лягут стежки,
 Рассыпаясь эскизом атласным.

Заузорится зимняя стынъ
В наваждении краткоминутном.
Будет смешана с кружевом пыль,
Мелко вышита перламутром.
 Будут бездны меж ярких краёв
 Двух миров, самых младших и старших, –
 Перехвачены лентой следов
 Стоп фарфоровых, воздух измявших.

А когда завершатся стежки,
Эти ряби над полной чашей,
Развяжите – все – узелки
На моей тени отплясавшей:
 Пусть невинно скользнёт над землёй,
 Становясь – чем-то бóльшим, не тенью,
 Словно посланный детской рукой
 Поцелуй воздушный – взросленью.

*ночь 11 – 12 марта 2007 г.,
после "Щелкунчика"*

5. Сердцебиение

Шумите где угодно, но не здесь.
В моей Стране – и ветер уж не дышит.
Я верю, что у Куклы – сердце есть,
Но бьётся моего – гораздо тише...

Я слушаю! Как сморенная сном,
На грудь склоняюсь к кукольному богу,
И кружев накрахмаленный излом –
Безжалостно царапает мне щёку.

Что нарушает в Детской тишину –
Лишь эту чуткость делает бесцельной.
Ну как вы не поймёте, почему
Я вашей не желаю колыбельной?!

У Куклы – сердце есть, оно стучит.
Ему *прореха* – запертая дверца.
А няня – мне про Эхо говорит...
Что в *собственное* вслушиваюсь сердце...

Но что же там, под сотней огоньков
Игры холодной радуги богатства,
Как тысяча невидимых ростков,
Спешит пробить – орнаменты атласа?

У Куклы – сердце есть! (И льнёт – щека...)
Чтобы о сердце – Эхо ль доносилось –
О кукольном – узнать наверняка,
Хотела б я, чтобы моё – не билось.

Я плачу в самом тёмном из углов,
Но мне от этих слёз – щекотно-ярко:
Сказали мне, за глупость этих слов –
Лишат меня – желанного подарка.

Но перед тем, как впрямь – уйти ко сну,
В котором – веры нету приговору,
Я слушаю... я слушаю, прильнув
К затянutoму кружевом фарфору...

И *этот* дар – судьба не отняла
И не отнимет! В этой – Детской тихой
Игрушкой белой Кукалы – я – была...
Марионеткой чуткости наивной...

И торжествует – слуха правота,
Развеяно – минутное сомненье:
Как в губку ненасытную – вода,
В неё ушло – моё Сердцебиенье...

16 сентября и 7 октября 2007 г.
(два дня "Щелкунчика")

6. * * * *

Спи, моя *кукла*, сны – всё посмели.
В Детской кружит золотая пыль.
Свечи цветные на пышной ели
Сеют корицу в лучи и ваниль.
В окнах старинных, в свету чудесном,
Временем белым – одев луну,
Год обновляет свои завесы.
Я отдаю *тебе* – новизну.
На серпантина кудрявые нитки –
Музыки нежной нанизан вдох.
Я отдаю *тебе* – эти скрипки,
Дай мне взамен – золотой огонёк.
Там, на ветру, где бумажные ели
Ряжены в плюшевый тёплый мех,
Спит синева в перламутра метели,
И я – отдаю *тебе* этот снег.
От надвиженья луны половинки,
Что ледяному подобна костру,
Дрогнули в бликах камина – *пружинки*.
Я – отдаю тебе эту Игру.
Взрослым оставим – в том клятвы, что будут
Сказки не зиму длиться – века?
Нет, первых "вечно" – пять тёплых букв
Лишь для тебя: вот моя рука.

3 апреля 2007 г., "Щелкунчик"

7. * * * *

Ладаном рождественским вздыхает
 Белый холод в кукольной зиме...
 Радуга холодная играет
 В окатившем кружево шитье!

Белый холод, радуга и ладан...
 В сеть свою – узор поймал звезду.
 Веточкой серебряного лавра –
 Тень венчает отблески во льду.

16 сентября и 7 октября 2007 г.

8. * * * *

Жарче, свѣчи! – холод горек.
 Лента... кукла... шорох... блеск...
 Эта ель – как целый Город,
 Полный пряничных существ.

Юный бог, ответь от сердца
 (Блѣстки – то не замели?!):
 Наши души в нём – Младенцы
 Или снега Короли?

Путь, что ветер прочертил мне
 К теплоте твоей руки, –
 Весь в игристом серпантине,
 Теребящем огоньки.

О, ты кажешься мне *Взрослым*,
 Серебра стряхнув покров!
 Светит белым зимним солнцем
 Глубина твоих следов.

На цветах звенит моление
 Замерзающей росы...
 Вот и звук сердцебиенья
 Заменяют бубенцы.

Из углов – в провалы вьюги
 Отступает пустота,

И горит в ветвей проулке
Леденцовая звезда.

16 сентября 2007 г.,
"Щелкунчик"

9. Говорит Фарфор

Будить не смея чёртика в шкатулке,
Опасности чутьё – держи востро,
Дитя: застудишь розовые руки
О скалящее блёстки серебро.

Подарок, по-младенчески воркуя,
Прими, не причинив себе вреда:
Дитя, твои изрежет поцелуи
Моих холодных линий острота.

Твои ладони – плюшевою статью
Щекочут сёстры-куклы. Я – иной.
Ты душу, заключив меня в объятья,
Пронзишь моей фарфоровой рукой.

Не вдоволь ли тебе – предупреждений?
Тебе ли – взрослой речи не понять,
Малютка, вечных тайн – под кровом елей
Рождественских – сломившая печать?

Для твоего же блага, что в ребёнке –
Не смешано ещё – с тревог сурьмой,
Дитя, в своём неловкое восторге,
Не тронь фарфора, *не играй со мной.*

Ты ахнуть не успеешь, как награда
Твоя – за кротость, видную – во всём,
Скользнёт из-под развязанного банта –
И – вдребезги, и под ноги – клинком.

Так не давай же грёзам – воли этой:
Оставь в своей счастливой игровой
Нетронутыми – праздничные ленты,
Крестом – перехватившие покой.

10 марта 2007 г.

10. Манжеты

Чтобы не уйти – за мною следом
В странный мир, где гибель серебрится,
Чтобы заменить мой шёлк – всем небом,
Ты навек согласна обратиться

Пеною морскою на просторе
Неспокойных волн, на света пядях?
Разве облака над белым морем
Легче кружев на моих запястьях?

Чтобы заменить тебе – по небу
Неспокойный штрих волной морскою,
Дух продел серебряную ленту
Меж моею тенью и землею.

Приходи по ветру, безоружна,
В вере наваждению чудесной:
Вот моя рука, и ветви кружев –
Легче облаков над белой бездной.

вечер 17 июня 2007 г.

Сказка о Незаведённых Часах

Тому, Кто Состарится Вместе Со Мной

На Старика – жена бранится.

Сгустился в доме – дух грозы.

– "Не прокричала полдень птица,

Ты снова не завёл часы!

Я заводила их сама бы

(Который раз – мне повторять?!),

Но кисти – пляшут, пальцы – слабы:

Ключа – никак не удержать.

А ты – свою не ценишь долю,

Владеющий руками. В ряд

Шесть дней – я о часах напому,

А в воскресенье – те стоят.

Что ты – не сознаёшь, не верю:

В исходе веж, в конце пути –

Нам каждому учёт мгновению

С тобою надобно вести.

Мы так стары, так быстро тает

В нас жизнь, что сердцу в этот год

Лишь звук часов напоминает

О долге продолжать свой ход.

Вот-вот – судьба замкнуться кругу:

Наш дом, порог миров иных,

Благодаря часов лишь звуку

Ещё похож на *дам живых*.

В глухую пору плеч склонённых,

Суча медлительности нить,

Та песня дел незавершённых

Не даст нам руки опустить.

Она – в быту повелевает

Тянуться к ритму своему.

Но чуем, если – умолкает,

Что все дела – уж ни к чему.

Возможно, с тем, что в жилах сила

Не та, чтоб будней пыл не гас,

Смирися ты, но я – привыкла

Следить, чтоб был всему – свой час".

Муж отвечает, сдвинув брови,
Но с добротой к жене своей:
"А я скажу, что мерить сроки –
То дело Бога, не людей.
Все дни – исчислены пред Богом.
Часы – металл лишь да стекло.
Но их забыл я – ненароком,
Ведь знаешь, не тебе назло".
Числа не знали повторенья
Той сцены. Ради *воскресенья* –
Часов пружинки воскрешал
Старик, с улыбкой примиренья
Свою Старуху обнимал,
И снова лица их светлели –
Склонялись к *солнцу* гроз весы...
Но как-то раз, в конце недели,
Когда умолкли вновь часы,
Разбередив Старухе душу, –
В ответ на брань – Старик смолчал.
Супруги отповедь дослушав,
Он не подумал взять ключа.
Уставший от заботы, чуждой
Его желаниям, с лентой
Он пухлой запустил подушкой
В часы, просрочившие бой.
Как разобиженный ребёнок,
Стальное всхлипнуло нутро.
Упала пара шестерёнок.
Послышалось: скрипит перо,
Ведя о том, что не случится,
Строку, что тает без следа...
И больше из окошка птица
Не вылетала никогда.
И так случилось, что, не меря
Дней больше – мерой временной,
Жена забыла о потере
Быстрее, чем муж – махнул рукой.
Ещё возился он с часами,
Изгнать пустоты тишины
Пытаясь тщетно, сбросить камень
Своей перед женой вины,

А та уж – говорила, споря
 С самой собою прошлых дней:
 "Ты прав, на всё – Господня Воля,
 Дар Бога – времени важней.
 Подарит час ещё – так примем,
 А не подарит – с Ним уйдём.
 Оставь часы, ты здесь бессилён:
 Сломались – божий перст на том".
 Весна, когда часы умолкли,
 Минула, лето – отошло,
 Прошла и осень, за зимою –
 Идёт весеннее тепло,
 Уже дороги – стали суше...
 Печь топят Старики. И вдруг
 Насторожился муж: "Послушай,
 Жена... ты слышишь – тихий стук?..
 – "Огонь трещит". – "Да нет же, много
 Ритмичней звук: так бьётся кровь
 В виски..." – "Капель?" – "Да нет же... Словно
 Часы – заговорили вновь".
 – "Часы?.." Не по себе супругам.
 Покой нарушен – их бесед,
 С безмолвной смотрят друг на друга
 Мольбой: скажи, что стука – нет...
 У печки – больше не сидится,
 Зажечь все свечи решено.
 И с облегченьем – видят: птица
 Стучится клювом в их окно.
 За странных их тревог зарницы
 Уход – благодаря, окно
 Раскрыли Старики пред птицей:
 "Вот хлеб тебе – и вот зерно".
 Влетела птица в дом, вонзилась
 Крылами – в самый жар свечей
 И юной девой обратилась –
 В плаще, что полночи темней.
 Столбом хозяева застыли.
 Сверкают гневом огоньки
 Очей их гости: "Причинили
 хлопот мне много, старики,
 Вы за год этот миновавший,
 Мне будет трудно вас простить.

Был должен время встречи нашей
Крик той пичуги обвести,
Что из часов летит настенных.

В воскресный полдень – я должна
Была придти, но сроков верных
Не подтверждала – тишина.

Шла за неделю неделя,
Но ждавшая – доселе ждёт.
За годом год – как к полдню дело,
Так прерывался стрелок ход.

В углу – стояла. Замечали
Меня б – но в доме нет зеркал.
Увы.. Про ключ – вы вспоминали,
Когда мой час – уж истекал.

Но вот минула несвобода
От ветхой памяти людской:
У Власти Божьей – для прихода
Я испросила день иной.

Воды лились уж мёртвой струи
В ваш кубок! Стрелы – тетивы
Уж дождались! Но накануне –
Часы разбили вовсе вы.

Ах, целый год – пред божьим ликом
Я провела, просясь – весной
Войти к вам в сердце – с птицы криком
Не заведённой, а живой.

Готовьтесь. Голос – в полной силе.
За то вам нынче отомщу,
Как ожиданьем утомили
Меня, расплату получу".

И снова птицей – дева стала.
Раскрыла клюв, чтоб песню спеть.
На мужа грудь – жена упала:
В его объятьях – встретить смерть.

Но и душа не встрепенулась
Ещё от страха, как – с печи
Взъерошенная тень метнулась,
Броском – две погасив свечи,
В пичугу – молнии вонзила
Когтей кошачьих и зубов
И, съев обед, мурлыча тихо,
У ног свернулась Стариков.

Как сердце – ход свой продолжает,
Те молча слушали, а взгляд
Следил, как перьев оседает
Подброшенный горé каскад.

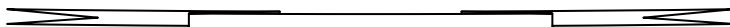
Когда же, наконец, минуло
Оцепенение, жене
Сказал Старик: "О чём вздохнула?"
– "Жаль, не послушны руки мне..."

– "Я послужу тебе. Что нужно?"

– "Когда бы ниток ты купил,
Два сердца вышил на подушке,
Которой ты – часы разбил,

И улетающую птицу...
Иль, может, ту, не тратя сил,
Взамен постеленной тряпицы
Отдать коту? Он заслужил".

вечер 28 сентября 2006 г.

Маленький Порт

посвящается Порт-Лъизат

...Заложенник моря, от моря меня обороняющего...

Умберто Эко

Жили-были Двое, и был у них Маленький Порт на холодном берегу жаркой страны. Северный ветер стучался в их белый домик возле гряды причудливых скал. Станные чувства и странные гости посещали их в Маленьком Порту. Дни и ночи – создавали для них на холстах друг друга сюрреалистические картины. Там, в уголке мира, который Двое любили всем сердцем, покой и тревога, единство и одиночество, Награды и Испытания – смешались в их ощущении горьковатой сказочности происходящего.

Было это так...

I. Маленький Порт

1. Душа причалила

Глядясь в морские зеркала,
Но отражаясь – в небосводе,
Безбрежная душа – плыла
Всемирного течения против.

И время – не могло задеть
Приливов и отливов страстью
Ни цель её, ни жизнь, ни смерть.
И сколько б ни было под гладью –

Таинственных глубин седых,
Она – их относил к суше,
Хребтами хищников морских
Под сердце раненная – глубже.

С тех странствий летописью – схож
Твой взгляд, твой *омут изумруда*.
Друг, в час объятий – ты поймёшь
Восторг свершившегося Чуда! –

Душа, служащая штормам,
Душа, ликующая в смерчи,
Причала – к твоим рукам!..
Так привяжи её – покрепче.

5 июня 2005 г.

2. Маленький Порт

Душа – причалила к покою,
Постигнув странствий красоту...
Как будто вскинутый волною –
Есть домик в Маленьком Порту.

В уединенье небывалом,
В каком и шёпот – будто крик,
Один из множества причалов –
Он позабыл о всех других.

К ограде Маленького Порта –
Всегда хранящей чёрный цвет
Воде – рука мостков простёрта,
Но нет – касания в ответ...

Вот почему – раскрыты окна
И в штиль, и в бурю, в ночь и день:
Здесь так привычно и комфортно
Не ждать прибытия Гостей...

Плоты, что призракам вверяешь, –
Вернутся полными богатств...
А в келье моря – понимаешь
Приволье замкнутых пространств!

Здесь часты – молнии и громы,
Но лишь букеты – вхожи в дом...
В воды прохлады свесив стопы
И чайки сброшенным пером

Запечатляя Пристань эту,
К наминанью речь веду:
Мир – наш, мой друг. Но вся планета –
Лишь домик в Маленьком Порту.

5 июня 2005 г.

3. Прибрежные Деревья

Стихам двум причастны – и любимы
Той, над которой – ветви расплели,
К воде – склонились глянцевые ивы
На самой грани моря и земли.

И ничего не знают те деревья
О пограничной участи своей:
Они – наивный знак объединения
Иль символ ясный – чётких рубежей?

То ярких трав – не вдоволь им, то сини
Журчащей: не войдёт в листву покой.
Нет, их – не разрывают две стихии,
А осторожно делят меж собой.

Конечно же, настойчивей – *наплывы*,
Чем *неизменность*: моря зов – сильней.
И с каждым днём – всё ближе, ближе ивы
К единству с отражением ветвей.

Как тайное корней о камни тренье
Тревожит сердце, скрытое стволом!
Как чувство древ неявного скольженья
По берегам, не знающим – о нём,

Волнует нас – в часы прогулок наших,
Сплетения свободы и оков.
Ведь мы – проводим дни свои вот так же:
На пограничье нескольких миров.

В том, что пленяет корни, – соки льются
Для нашей жизни (Бог – земле воздаст),
Но ветви душ – так трепетно и густо
Склоняются над тем, что не для нас.

5 июня 2005 г.

4. Раскрытое Окно

Качнув огни на небосводе
Скользящей сумерек волной,
Ночь вводит море – иль напротив –
В раскрытое всегда окно?

Ветров своих – не счесть простору,
Но эти веянья – скромны.
Испанских пряностей набору
Подобен *запах глубины*.

Здесь моря чернота струится! –
Ковры, настилы – всё как топы!
Иль так звала морская птица
Луну, что клювом – хлещет кровь?!

Колчан – луны тутому луку,
Как шторы – бисером горят!
Весь день смотревшие друг другу
В глаза – мы переводим взгляд...

Ах, так, как мы, – никто не знает
В краях, далёких ото дна,
Как беспредельно расширяют
Проём обычного окна

Шумы противоречий водных
В миру, где гаснут маяки,
И мерные удары лодок
О серебристые мостки.

5 июня 2005 г.

5. Лодки в траве

Обходя все причалы, Июнь
Замирает, любуясь, в одном...
На спокойного света краю
Бросив ряд и сгрудившись холмом,

Затерев имена на себе,
Чтобы мысли прогнать о родстве,

Дремают лодки в высокой траве,
На горячей и влажной земле,

К ней придавлены грузом цепным
Неспроста: затаённой песком
Долей сказки – позволено им
Вдруг летающим стать кораблём.

Эти лодки – подобию книг.
Лишь пред силою ливня – прочна,
От великих погонь дождевых
Укрывала влюблённых одна.

Стан другой – был во мхов бирюзе,
Вёсла – в гроздьях ракушек-монист...
Третья – звучно дышала во сне,
И казался напевами – свист...

Знать желая, где – в Лето врата,
Городские покинь уголки:
Этот вход неприметный – не там,
Где раскрыты решётки замки,

Но – где, пробив, как тело Христа,
Старой лодки рассохшийся бок,
Сквозь тончайшую щель – без труда
Прорастает июньский цветок...

5 июня 2005 г.

6. Холодок

Там Музыка – в ночи морских дорог!
Ты слушаешь её – в окне лучистом.
Тебе в лицо – арф мятный холодок
Повеял океанов лунных бризом...

Ты опьянён касаньем – этих лун:
Жары на стужу – переменной быстрой.
Дрожащий звук заледеневших струн
В ударе волн ступенчатых о пристань –

Укачивает слух... ответы – спят...
И приближеньем ливня – холод веет,
И северным покровом – ты объят....
Но отчего же сердце – пламенеет?

*сентябрь 2004 г.
и ночь 5 – 6 июня 2005 г.*

7. Вдалеке

Этот ветер – как *дар отдалять...*
Завороженно шепчешь мне,
Что – дорогам отдавшие страсть,
Что – лежащие в жёлтой траве,

Мы – штрихи на Земли руке
(У воды – так свежи луга!).
И, целуя, живёшь – вдалеке,
И клянёшься – издалека.

Принимаю. И взгляд мой – сух,
Но царящий в миру без конца
Мир – глубинами тёплых бухт
Увлажняют твои глаза.

Отдалением – восхищён,
Ты прижался лицом – к шелкам,
За собой – увлекая в сон...
И, разбросаны по плечам,

Будут пряди мои белы
Там, где льнула твоя щека.
"Мой Любимый, близки ли мы?" –
"Да", – ответишь – издалека.

А вокруг – широта, немота,
Синь и золото (лишь *меры* – хочу)...
"Что ж, тогда, моё Чувство, тогда –
Я спокойно ладонь отпущу...

Над бровями – стеревший соль...
Сердце бросивший на мели...

Доброй ночи, моя Любовь,
Проводящая жизнь вдали".

6 июня 2005 г., южная бухта

8. Лов

Послушай, как над бухтой высоко
Звучат следы стихий чередования...
Почувствуй, как просторно в Мастерской,
Как, повторяя ангелов дыхание,

Дух луга – остывает в молоке...
Как хлеба караваи – невесомы...
Взгляни, как в утлых лодках на воде –
Ведут свой Лов – Апостолы Христовы...

В пути к сетям – не осязая брод,
Найди в лучах – причину восхищенья:
Природы мир – навстречу нам идёт,
Вчера – лишь заключавший соглашения...

6 июня 2005 г.

9. * * * *

Ивы трепещут, как рыбы на суше,
Каждая ветвь – имитирует кнут:
Ходят по берегу Тонущих души,
Прутьям, хватаясь, уснуть не дают.

Грустным – Господь подоткнул одеяло.
Прядям – так мирно лежать на плечах.
А в отдалении – руки русалок
Жребий бросают о моряках.

Ночь – вдруг опустится низко-низко,
В окна, как мальчик, запустит луной.
Не погасивший экран телевизор
Станет транслировать полный покой.

Каждый во сне – будет видеть небо,
Ласку по чёлке, цветок и пломбир,

И не узнает в той дрёме целебной,
Что надвигается – буря на мир.

1 августа 1999 г., Нарочь

10. Якоря

Этим невесомо-долгим днём
Тихо было в Маленьком Порту...
И моя душа – ходила в сон
По руки Любимого мосту,

Словно берега ночной реки,
Две соединившей кипы льна.
И пока мы спали, в Порт – вошли
Облака, везущие – шторма...

К Дому, что у пристани цветёт,
Подступает тени полоса...
"Милый, буря властная идёт!
Милый, от беды – закрой глаза.

К тихим берегам – подходит шторм
Солнечный, что, вскинув, расплеснёт
В воздухе иссиня-золотом
Месяцев медовых – яркий мёд!

Сколько торжества – в тревоге птиц!"
– "Времена смятений – сочтены.
Милая, не бойся ни зарниц,
Ни багряных отсветов волны.

Лентой слёз непролитых звеня,
Распрямая согнутый цветок,
В глубину – уходят Якоря
Чувства, что для гибели – не срок".

9 июня 2005 г.

11. Панорама

Взойдём по зеленеющим уступам,
Гадающие, что – нас ожидает,
На Высоту, где стопы ныть не будут
И голова кружиться перестанет.

Над миром облака – развяжут шали.
Увидим: *Высота* – его Начало.
Покорено – не то, с чем враждовали,
А то, что сил к победе придавало, –

Без гордости увидим и печали.
Где синевы сатин – до края вспорот,
Там явей дали – или только дали?!
Там явей город – или только город?!

Там – лабиринт из блёсток мелких сложен,
И так *объят* тенистым возвышеньем,
Что, руку простерев с горы, возможно
Разрушить всё – одним прикосновеньем.

Взошедшие на *точку панорамы* –
По-прежнему – не взглянут на детали:
Одни – увидят малые утраты,
Другие – суеты предел и гари.

Заметь, к которым – взгляд тебя относит.
Но то – не выбор ада или рая,
Пока твой Бог – о виденном не спросит.
К Нему! Со мной – вершину покидая,

"Куда глаза глядят" – иди, не помня
Ограничений, названных – подходом:
Свободой взгляда – *кругозор заполнен*,
Как воздух меж двух птичьих крыл – полётом.

14 июня 2005 г.

II. Возвращение в Маленький Порт

Я список кораблей прочёл до середины...

Осип Мандельштам

1. * * * *

Мягко развязывает душа
Узелочки, завязанные на память.
Сменяются корабли...
Порт – остаётся прежним.
Желанный, домашний, вечный
Маленький Порт испанской земли...
Северный дом эдемской земли...

16 января 2006 г.

2. Песня в Доме У Пристани

I.

Дорогое нежное лицо твоё... Лоб заметён штормовыми
пряжами. Глаза смотрят расслабленным взглядом. Губы
едва заметно приоткрыты, я читаю по ним, опережая ма-
лейшее их движение на одну твою мысль, моя судьба. Све-
чи и благовония населяют Маленький Порт. Этой ночью,
тёплой несмотря на непрерывный северный ветер, слыш-
но пенье цикад. Слышала ли я когда-либо пенье зимних
цикад? Отдохнуть на твоём плече – здесь, в лучшем уголке
истории нашей любви... Чувствовать твои руки, крепкие
и слабые в эти дни. Любовник мой, птица моя, сгорающая
воедино со мной...

Всё пройдёт, а Единство пребудет. Я поверила в наш
союз в полной мере этой зимой. В любой зиме заложено за-
ранее пройденное испытание. Нужно разглядеть его долж-
ным образом, в спасительном ракурсе видеть. Вижу. Не
закрой очей и ты, счастье существования. Как читаю по
губам, так и по ресницам прочту. К идеалу этих книг – бу-
дут устремлены мгновенья мои, радостные и вопроситель-
ные находки мои. Всё устлано частицами *расположения* к
тебе, не снегом. Пылью ненужных иллюзий, не песком.

Я люблю тебя, Призрак Соноры, пирующий ночным спокойствием Маленького Порта на одном ложе со мной. Всё, что есть ты, всем, что создашь из глины мыслей моих неосознанно, – люблю. В колыбели тихой неги моей удержу тебя над ночным морем, поцелую губы твои.

ночь 28 – 29 января 2006 г.

II.

Здесь – спокойно, и память уйдёт,
Как последняя дрожь – от руки,
Что за миги до шага вперёд –
В пустоту обрывались мостки.

Будет лампа гореть над столом
(В эту пору – здесь нет мотыльков),
И расскажет мой друг мне о том,
Что не требует слышимых слов.

Мы узнаем, миры осветив
Нежным взглядом, как мягок и тих
Ветер Северный – в мирном пути
К утомлённым в тревожном пути.

Наши цели – оставят свой спор,
Подчинённые снов ворожбе:
Не уносится Маленький Порт
Вглубь ночи, он навек – сам в себе.

Будет ветер – лишь леер качать,
Да навес фонарей дуги.
Если б только – не вспоминать,
Как бывали огни далеки.

Эти стены – лучи берегут,
Окружают ночной теплотой...
Мне бы только – не слышать и тут
Шум неровный воды за кормой.

"Друг мой, дух бесприютный мой,
Всё, что к счастью, – тебе и мне.

Не подумать бы только вновь:
Не у пристани мы, а на дне".

вечер 26 января 2006 г.

3. Дополнение

Послушай пены речи над волнами,
Поёт та полувьюга-полудым:
Есть те, кому мы служим маяками,
И те, кому – стать рифами грозим.

С тобой – мы больше сходств иметь могли бы,
Но высший смысл – в неединстве том:
Пред теми, кто мои не чует рифы,
Ты делаешься ярким маяком.

А если кто под всеми парусами
Стремится на лучистом поводе
На берег твой – не с благом, под волнами
Я расставляю острую грядку.

Когда ж паломник светлый – сам не знает,
Насколько ("ранен будь – и оцени")
Опасный путь – во мраке пролегает,
Я зажигаю верные огни.

И, давшие поддержки обещанье,
В зовущихся судьбой краях морских
Мы чередуем пики и сиянье,
Интуитивно согласуя их.

Послушай пену вод, моё Дыханье,
Легенду властных звёзд и скал свинца:
Что бездна сходства – это *наказанье*,
Поймёшь, со мной не схожий до конца.

26 января 2006 г.

4. Берега

Засыпая на белых шелках,
Словно в плаванье – дух проводив,
Друг, послушай – о берегах,
Этих швах на раскрытой груди

(Позабывшая – о сетях,
Всё гадаю, где *крайний* – шов)...
Хлеб не режет – ломает в руках
Тот, кто чувствует боль берегов.

Да, я – море, я – шторм, но пока
Были всплески в душе сочтены,
Я жила – чем живут берега:
Приближеньем новейшей волны.

Мне от крóмок тоски – был урок:
Все сокровища чистой воды,
Что порой раскрывает песок, –
Это бывших крушений следы.

Спи, мой друг, мой любовник морской,
Не пора тебе омутов ждать.
Это небо в ночи над тобой –
Не иное как берега гладь.

Ил прибрежный ладьёй рассеки
Ради песни луны лучей:
Берега – не простора враги,
Берега – обереги морей...

26 января 2006 г.

5. Краб

Я – краб, я так проворен, я
Так невесомо-сух.
Когда паучьих пут петля
Застынет на весу,

А в пресном небе – зажжены
Зелёные огни,
Проходит поперёк Луны
Черта моей клешни.

Там, на пути вселенной всей,
Мощёной молоком,
Звучит мельчайших из камней
Шум под моим брюшком.

Я – краб, я – крепко-остроног,
Я – розовато-сер.
Для бега моего – виток
Расширивший портьер,

Растёт через мостков барьер
Из скал рифлёных плит
И валунов неполных сфер
Мой дом, мой тёплый скит –

Весь в бликах маяка огня.
Как вечность лет назад,
Он безопасен: на меня
Те двое, что кружат

В мечтательной штормов тени,
В курящей амбру мгле,
Не могут наступить: они
Не ходят по земле.

И, звёздным сыпавший песком
На половиц узор,
Я изучил Влюблённых дом,
Как звёздных кос пробор.

Я – краб, я – любопытства тень,
И мне секрет открыт.
Когда нагреется постель
И в шёлке зазвучит

Сгоранья двух огней в груди,
Движенья тел мотив, –

Я затаюсь бумаг среди,
Их строчки потеснив.

Когда ж, клянясь, что светел рок,
Всей бездною морской,
Последний упоённый вздох
Сорвётся – и – покой,

На память заберу себе
О тиши до утра
Конец на письменном столе
Забывшего пера.

27 января 2006 г.

6. Зверь морской

Тёмное море февральское – от широты
Задышается собственной, но – хрипы треск не скрывают:
Чья-то тяжёлая, крепкая лодка – хребты
Волнам ломает – и те, скуля, отползают...

Слышится: берег – махом перелетев,
После удара – тоскующим веером сонма
Чёрно-серебряно-синих тончайших когтей –
Брызги от вскинутых вёсел скребутся в окна.

Кажется: настезь окно – и, залу минув,
Близко к огню, как не садились гости,
Ляжет – всё тёмное море, чтоб ждать Весну, –
Воплощённое в звере, о стёкла – сточившем когти...

21 февраля 2008 г.

7. Ветрено

Свою лелеет море наготу:
Ни лодки вдалеке, ни корабля.
Как ветрено в том Маленьком Порту,
Где огонёк ютится фонаря.

Ладони бы – в золу, лицом бы – в плащ,
А мысли – по любимым уголкам.

Всё охлаждает глубже фибр душ
 Подземный шум, прошедший по волнам;

Я ожидаю тонких льда пластин,
 Касаясь Ненаглядного руки:
 Так чувствуют создания глубин,
 Что инеем покрыты плавники.

О, ветрено!!! Одно – по всей земле.
 У гальки под ногами – снега хруст.
 Наивные узоры на стекле –
 Подобия серебряных медуз.

Уходит день не в Завтра – во Вчера,
 От дрожи прячась в путника суму.
 Всё небо – ветер, волны все – ветра...
 Но только рябь – свидетельство тому.

27 и 28 января 2006 г.

8. Круги По Воде

...а также для Сальваторе и Облака

Выплыть – великое таинство,
 Землю хватать в маете...
 Но и над ним – возвышается
 Сила Кругов По Воде.

Тая, свеча попадает
 В мысли о тайне их плен.
 Вечер – гостей принимает:
 Узко раскрылись во мгле

Двери в морское царство,
 Ветра скрепив узелки, –
 И за столом садятся
 Мёртвые моряки.

Счастливы сборища тайные,
 Пеплов их тёплая пыль...
 Мой приёмный отец – играет нам
 На рояле у вида на штиль.

Все мы – молчим об особенном,
 Только не скрыть – ничего.

Мы поджигаем опиум,
Серые жезлы его...

Дыма кольцо многоликого
Вдохом – смета с путей,
В тающем взоре Любимого
Вижу Круги По Воде.

Рай – в их полёте ускоренном,
Светоч ресничных рощ!

Амбра сменяет опиум,

Амбру – сменяет ночь:

Ищущий – да обрящет
В звёздной пустоте красоте
Долю боготворящих
Роскошь Кругов По Воде.

вечер 27 января 2006 г.

9. Песня Улова

Перед штормом – так волны звучат,
Как шумят листопады в саду.
Чтобы встретить могущества взгляд,
Отвести перехваченный дух,

Вихрем нити сетей распустишь,
Поглядеть, как сверкает блесна,
Мы осмелимся бурю удить
Из раскрытого в полночь окна.

Тень от спящих под ним валунов
Так внезапно уйдёт под откос,
Что, усыпанных выше голов
Чешуйками сладкими звёзд,

Равновесие – нас подведёт,
И не рамы ухватим, а блик.
Тяжесть бело-сиреневых вод
Вскинет месяца острый плавник.

И, продеты сравнения крючком,
Отраженья – приблизятся, но

Не луны остриё вовлечём –
Солнца ларь в ледяное окно.

Если, тайны сжигая дотла,
Перед нами всё море в долгу,
Знать бы и – что заря припасла
Для ловцов на другом берегу...

ночь 27 – 28 января 2006 г.

10. Парус

Там, где зыбкие чайки кружат,
Замыкая пространство – петлёй,
Там, на мраморной линии над
Неокрашенной дома стеной,

Бледным солнцем нещадно раздут,
Белизной заметающий кров,
Одиноко зияет лоскут
Вдаль ушедшей гряды облаков.

Или нет? Или речь не о ней?
Облака – это *пресной* волны
Очертанья на отмели дней,
А влюблённые дни – *солоны!*

Нет, изгорбленный белым хребтом,
Вздутый снегом набитой щекой,
Этот проблеск – иначе знаком
Всем прошедшим над бездной морской.

Слышно мне – и из глубей двора:
То близка (потянись – и достань),
То, как рай, высока, по ветрам
Бьёт пощёчины *паруса* ткань,

Чтоб развеять домашний их сон.
И на роскошь ударов по ним
Я смотрю, запрокинув лицо,
И прощаюсь с житьём портовым.

О ветра истончив паруса,
Пред Теченьями став слабей,
Не *от нас* – уплывёт высота,
Это мы – уплывём *вместе с ней*.

27 и 28 января 2006 г.

11. Латающий Сеть

Перед тем, как за море отплыть,
В ближний дом решила я зайти,
Старику – с починкой подсобить
Бурею разорванной сети.

Тот старик – был некогда рыбак,
С моря брал за лов – как за года.
Но с печальных пор в его глазах
Поселилась горе-слепота.

Требует *причастности* – улов
С тех, кто ею счастлив был хоть раз.
Как влюблённый – милый взор готов
Рисовать, на тот – не подняв глаз,

Так вслепую – вяжет сеть старик,
Моря даль – ему не приговор:
В те минуты он – в руках своих
Крепко держит весь морской простор.

Данью восхищённая, внося
В будущих уловов бездну – вклад,
У него в ногах сидела я,
Подавая нож или канат.

Близ волноподобных серых штор –
Позабыв в прилежности своей,
Что морозом созданный узор –
Схемы для починки всех сетей,

Он забыл и мутно-белый взгляд,
И плясала сеть в его руках,

И щербинки оставлял канат
Чёрные – на пальцев бугорках.

Чуждою прозрачностью стекло
В лица наши, дремлюще звеня,
Веяло, и то же чувство – шло
От лампад, горящих *для меня*.

И, метаясь под прямым углом,
Канувшие в собственном свету,
Бесновались хлопья за окном,
Скоро набирая густоту.

Птицы – то встречали грудью шквал,
Ночь-без-сна развеявший виток,
То ютились в выбоинах скал
Облачных, ложась на белый бок.

Я смотрела в очи старику,
Думала, за тем читая льдом:
Вечно пред стихиями в долгу,
Он унижен выпавшим трудом.

Но прочла – лишь моря отклик-весть:
Вязью накрывая волн изгиб,
Тот не больше, кто закинул сеть,
Нежели – латавшие надрыв.

И росло тепло в моей груди,
И молилась я – сквозь полусон:
Защити улов наш, защити,
Бог, предотвращающий урон.

Там, в морях, где счастьем – стон поить,
Где пылать и плакать нам всегда,
Так страшна – разорванная нить,
Так бесценна – каждая звезда,

Пойманная в сети, для венца...
Пусть хранит Начало и Предел
Два разъединённые конца
Вяжущий – в блаженной слепоте...

29 января и 7 февраля 2006 г.

12. Огненный Корабль

И говорит она ему: пойдём, значит, со мной на огненный корабль, Призрак Соноры... Славно придумано? Видишь, говорит, золото на горизонте. Оно, говорит, будет нашим. Славно придумано?

Гэрри Лав (Т. С., "Золото Вдалеке")

Мы – не канем в пламенных штормах;
Мы узнаем, что и мель – свобода,
Но не ляжет пепел на волнах,
И не будет странствиям исхода.

Так пойдём на пристань, поспешим.
Даже без лучей со дна заката
Огненный корабль – золотым
Кажется, коль нет – на суше злата.

Жаром осеняя путь во тьме,
Не ища от молнии защиты,
Слепо пляшет пламя на корме –
Вместо фонарей, выдавших виды.

И скульптура та, чей взгляд далёк,
В брызгах пены – словно в клубах пара,
Держит на ладонях костерок,
Подавая далям знак пожара.

Нам не нужно боле берегов!
Но не нужно и – путей спокойных!
Не было так долго парусов,
Приисков сияющих достойных!!!

Первому же – душу отдаю,
Ярки облаков над ним разливы!
Мы – ходить учились по огню,
Наблюдая ложные обрывы

Суши, роковых следов в пыли
Неумелой и ненужной сводни.
Путь продолжат – наши корабли.
Поспешим, уже сгорают сходни.

3 и 28 января 2006 г.

III. Август в Маленьком Порту

In every hole the sea came up,
Till it could come no more.

Robert Louis Stevenson

И море – в глубь лилось, пока
Его – могла вбирать.

Роберт Луис Стивенсон (перевод Т. С.)

Вступление

Моря – то не моря

(автор Феликс ЛеКлер,

перевод с франц. Т. С., первая версия)

Моря – то не моря,
То бездны без конца,
Губящие сердца,
Когда ясна заря.

Любовь – то не любовь,
А перекрёсток злой:
К ней – с песней на устах,
А от неё – в слезах.

И жизнь – не жизнь: игра,
В которой нам – пора
Уйти со сцены чувств,
Едва войдя во вкус.

Я знал Страну, в какой,
Далёкой, как мечта,
Жизнь, волны и любовь –
Едины навсегда.

перевод: утро 9 сентября 2006 г.

1. Август во владеньях Июля

Нарисованным от руки видением,
Шагом царственным и невесомым –

Август обходит владения,
Что Июль называет домом.

Распределяет букеты
Ароматов он властным взглядом,
Буйство зелени, позднего лета
Отраженье в свету водопада.

Ветви – конниц небесных сбруя.
Листья – где глушь непробудна –
Всхлипывают, колдую
Над колодцами, полными чуда...

6 июля 1997 г.

2. Ныряльщики

В неловких бликах бирюзы
Раскрыто в свет окно;
Вонзает юные пловцы
Движенья в рябь: тесно

Кольцо смеющихся детей,
И звонок – плеска звук.
Летающих низко чаек тень
Тот охлаждает круг.

Заместо полотенец – грив
Начёсы, лент всполох,
Навесы тонкорунных ив
Тем тянут, кто продрог.

Где берег дерзко вниз идёт –
Смотрю на бег стремнин.
Мне кажется, *дитя* – нырнёт,
А вынырнет – *дельфин*,

И отражённый небосвод
Расколется, блестя.
А *взрослый* под воду уйдёт –
И выплывет *дитя*.

1 августа 2006 г.

3. Ангел Из Воды

А. Э. Г.

Ладони – для ветров подводных ниши:
Течениям агут – хрустальные персты...
Стеклом холодным, но – и не застывшим,
Ты кажешься. Ты – Ангел Из Воды!

Любовь глубин божественных – тот знает,
Кто был твоим рассветным морем пьян.
Моё воображение – обнимает
Волос твоих бликующий фонтан!

И на висках твоих, стремнинной меди,
Когда от бури – сердцу нелегко,
Вздуваются *невидимые* сети,
Поскольку в них не пурпур – молоко.

Как жаль, что нет таких существований,
Чтоб жизнь делить с тобой! (Миг – и *ушло...*)
Ночь белая – зрачки твои. Сияний
В них северных – в ответ бы на тепло.

Мир поглощён прозрачными очами.
Движение – и *хлестнёт* их пелена,
И тех, кто прежде – бредил островами,
Настигнет вдруг – Безбрежности волна.

7 августа 2006 г.

4. Всплески

Как слабая улыбка, вечеров
Измучено двугранье, суш отрезков.
Покой с тревогой в сердце – это зов
Прислушаться к пространству между всплесков.

Они – на жемчуга крошат тоску:
Не так ли узелки – видны над швами?
Как на краю небес, на берегу
Стоит душа с печальными глазами.

Смотреть, не заступив, когда пред ней
Все всполохи – как лезвий рукояти,
Рот иссушив беззovem, всё больней
На всплесками истерзанные глади,

На брызги разлетевшейся воды –
Прогорклые задумчивости зёрна,
Раздробленную меру глухоты
К оповещенью о начале шторма.

Позёмка ароматов столь легка,
Движенья ветра – так пугливо-резки,
Когда безмолвий белых облака
Тревожат нарастающие всплески.

Крути не на поверхности – по дну,
Рябь – не змей, не бездной – островами...
Так кто-то постигает глубину
Твою, душа с печальными глазами.

Скалистый Порт – опасен сколь же свят,
И вдохновенья полон, и унынья...
Расплёсканы по омутам цикад,
Блистают звуки тихие межмирья.

ночь 20 – 21 августа 2006 г.

5. Рыбацкие Дворы

Здесь, во дворах рыбацкого посёлка,
Где, всю молившись ночь, встают чуть свет,
Идёт, так предрешённо и так ловко
Лавируя меж рифами примет,

От лова и до лова – жизнь без фальши:
Здесь даже грёз – не запасают впрок.
Качелей скрип – как с самой дальней баржи –
Туманы сквозь – таинственный гудок.

И смуглые малютки в платьях, смятых
Суровым ветром, с группками юнцов

Играют не в заложниц и пиратов,
Но в плачущих сирен и рыбаков.

Здесь по эмали раковин гадают,
Но я – раскрою книгу чар свою:
За месяц трижды – чайки залетают
В наш белый дом на самом скал краю,

По их оттенку перьев – строю сказы
О будущем, когда – стезя темна
(Поди *прочи* рыбацкие баркасы –
На серебре стальные письма!).

Когда темнеет, окон, с их надеждой,
Не вытерпеть. Но в них, там, где тесней
Уютом не разношенной одежды –
Солений дух, побелки отсыревшей,
Трав от простуды, свежих простыней, –

Не жалобны огни, а – величавы.
Стоящие при ливней озерцах,
Мне нравится, что выструганы лавы
Из вынесенных бурей коряг,

И ночью, своевольно отстраняя
Все сны, на явь идущие войной,
Я с них – нередко волны наблюдаю
Под тихую звездою путевой.

Сквозь щели меж домов – струятся дали:
Так оттолкнуть же стены – и лететь!
Бог Моря – пусть проверит сам, крепка ли
На цветники наброшенная сеть!

8 августа 2006 г.

6. * * * *

Корабль звёзд, по синим веткам киль
Шуршащий... Эй, все паруса – поднять!
Что пахнут первым снегом дневники,
Пойму, над *летней* строчкой наклонясь.

Тень жёлтых мачт – увижу за версту,
И скажет Капитан, что я – нужна.
Мы будем мчаться, рана темноту,
Не доставая якорем до дна.

А колокол и ветер – вступят в бой,
И в этой битве – не возникнет фальши!
...Я кану в первый утренний покой,
Как тонкий штрих – в разлитую гуашь...

вечер 21 июля 1999 г.

7. * * * *

Когда светает, день идёт к безбурью
Сурьмлённою лиловой полосой, –
На розовом течении – лазурью
Горит единорожий водопой!

Все краски блёсток ели новогодней.
Мне, знаю, стать судьба, когда уйду,
Коль не хозяйкой хижины у сходней,
Так водным духом в Маленьком Порту.

Там виться, где – единорог купался,
И вскрипнуть скрипом водных половиц,
Чтоб проблескам – улыбкой отозвался
Держащий мир на кончиках ресниц.

утро 28 августа 2006 г.

8. * * * *

Радужка глаз –
Это само деленье
Лучиков взгляда
На проблески "веры – неверья";

Повторы – недолги,
Подряд те лучи – лить не смеют.
...Смыкаются створки,
Но панцири – не твердеют.

24 августа 2006 г.

9. Чайка

– Сын рыбака, мой держатель сети,
В небо морское меня отпусти,
Что ни попросишь – тебе я найду.
– Дай мне фрегат. Самый лучший в порту.
– Благословенна к просторам любовь.
Каждую ночь, после лова на кровь,
Будешь ты крепко спать на песке,
Соль в волосах и ракушка в руке.
Каждую ночь – буря то иль пассат –
Будешь вести к горизонту фрегат.
– Жемчуг хочу – чтоб сверкал белизной.
– В юности девушка будет с тобой –
Родом сирена, богиня лицом;
Видя тебя в вечном сердце своём,
Голосом моря она запоёт,
Будет жемчужна улыбка её.
– Крылья хочу.
– Хорошо, будет так.
В старости шторм погрузит тебя в мрак.
Ляжешь (под морем – как юный) на дне –
Вспомни не дом, не жену – обо мне.
Только позволишь закрыться глазам –
Крылья свои тебе я отдам.

...Чайка лежала в сети, на песке,
И говорила к морской тишине.
В страшной агонии, в клетке песка,
Смертнице виделся сын рыбака.

26 февраля 2002 г.

10. Мой друг ушёл в море

Последние из солнечных ветров...
Я думаю, чтоб раны обесцветить:
Осенних – вдоволь будет ли цветов,
Чтоб без кровинки прибывшего встретить?

Я думаю: достойно ль я жила,
Чтоб он – вернулся; в дьявольском напоре

Когда в тумане – бьют колокола,
То слышит ли – мой друг, ушедший в море?

Я думаю о смысле слова "нет":
Беды иль вести – нет? беды ли – в вести?
Я думаю, что синий мой браслет
Порвался неспроста. И в доме – прежде

Чем чистить взятая сеть, в руках ундин
Коварных – побывавшую, в добычах,
Я вздрогну: не случится ли найти
Его кольцо и связку перьев писчих?

Когда ж завесит мглою горизонт
Сусальные небес иконостасы,
Я в сне моём – заглядываю в сон
Жён рыбаков, их слушавших рассказы.

Возможно, в мире тонком, невредим
Средь истин, что с надеждою в раздоре, –
Меж духов, приходящих в сны к другим,
Мне встретится мой друг, ушедший в море.

15 августа 2006 г.

11. Морской Витязь

Игорю Маряхину

Зыбь – сгоняет пены омут
В лунки: две – страды, страны...
Это Витязя Морского
Веки чистой белизны.

Он на бурю уповает,
Но всё мягче бирюза...
Он над бездной поднимает
Изнурённые глаза.

Он беспомощен так долго!
Как бездомный – на очаг,
Смотрит горько на обломки
На прибрежных валунах.

Это не руины крова
Тех, кто пред тоской – в долгу:
Это Витязя Морского
Щит и меч на берегу.

8 августа и 2 сентября 2006 г.

12. Август в Маленьком Порту

Как смак своей стихии ртом хватая,
Зевайте, засыпая на ходу.
Я – птиц незримых ласковая стая,
Я – нежный Август в Маленьком Порту,

И я отвечу – до земли поклоном
На ваше поклонение мечтам.
Всем терпеливо ждущим, всем влюблённым
Я, чуткий Август, кубок свой подам

И с древ – в него янтарные капли
Пролью. С моей прогулкой по мелі
Не стали звёзды мельче – в спелом небе:
То небо – стало дальше от земли!

Когда на маяке – цвет пламя сменит,
Вселенским бликам – отоприте дом.
Полынью окурите – лён постелей.
Готовьтесь! Остужающим мечом

Я разрубаю ветви-пуповины,
Чтоб новый был Сезон – на свет рождён.
В моём свету серебряней дельфины,
Тревожней вечер, но спокойней сон.

Я – отпущу бразды... Но там, за бродом,
Где рябь – купанья отгиском легла,
Мне упиваться радуютою лодок
Оставь, цвета меняющая мгла.

8 августа и 2 сентября 2006 г.

13. Лавандовая Песня

Хорхе

Безмолвье стаи птиц – как белый плат,
Который небо рая обронило.
Закат в Порту! мифический закат,
Гигантами потерянная сила...

Над низкой кровлей – от вечерних влаг
Рубаха дыма тонкая намокла.
Туман – в волны закатных витражах
Разъединяет спаренные стёкла.

Едва умрём – нас *вынесет* сюда,
На этот берег, что в ночи – светлее.
И вновь – прилив... сусальная страда
По горизонту... облаков камеи...

В такие ночи – не *приходят* сны,
А *падают* – на острый отблеск грудью,
И кажутся крутые валуны
Неведомой засушенной ртутью,

И на бескровье ран – взамен заплат –
Ложатся духи, близкие по крови.
Закат в Порту! Лавандовый закат!
Люби к тоске – лавандовые копи!

22 августа 2006 г.

14. * * * *

Вместо засова
На двери, которую не спешат открыть осени,
Тонкая зелёная ветка
Без жёлтых листьев.

8 августа 2006 г.

15. Вода становится холодной

Нет, горизонт не застыл – он струится:
Край драгоценных водных камней

Не серебрится ещё – золотится,
Но вода – становится холодной.

Маленький Порт – вздыхает всё глуше,
Воздух напитан – сирен молоком:
Только развесив бельё для просушки,
Видишь, что влаги – *прибыло* в нём.

Старец, что думал о море с надеждой,
Возобновленью с уютом войны –
Выходам всем с фонарём поржавевшим
На рубежи омертвевшей волны –

Предпочитает едва ль не впервые
Плед и камин, полный искр-утрей.
Отблески волн – цвет ещё не сменили,
Но вода – становится холодной.

О кладовых наполнение беседы...
Вместо пыльцы – сонный прах на цветах...
И дочерям – запретили без пледа
На синеватых сидеть валунах.

От маяка – звук доносится гула,
Летом не слышный, и треск – от корней.
Солнце – сквозь ветошь дворов проглянуло,
Но вода – становится холодной.

Глубже печатают птичьи лапки
След на песке. Непokoйна свеча.
Пёстрые кошки – меняют лежанки,
В дым – о смещении тени ворча.

Три алтаря в жёлтой церкви – как входы
В таинства сумрачных галерей.
Стужей – ещё не повеяли гроты,
Но вода – становится холодной.

Связей с домашним – не размагнитить
(В окнах рыбацкого городка
Чаще всё – можно детей увидеть
С чашкой горячего молока),

Но, словно с паперти – на витрины,
Где – то представлено, что – не дано,
Шали излюбленной – не накинув,
Я из уюта – смотрю в окно.

Знаешь, ведь мы – *поспешить* могли бы
Водами, сводами синих теней.
Где-то там – берега, что навек любимы,
А вода – становится холодней.

13 августа 2006 г.

16. Большая Волна

Журчит оплывание скал восковых,
Но кромка песка – ждёт следов немоты:
Теперь наши омуты – тише других,
И чуждые омуты – тише воды.

По небу проходит свинцовый раскол,
И кажется берег – опасней дна.
Но всё же – как страшно зайти глубоко,
Узнав, что всё ближе – *большая волна*.

Осеннее море – ликует и мчит
На синие битвы широких зрачков.
И мы – понимаем: наш дом – его щит.
И тем *горячей* – заходить глубоко.

Две властных руки – у большой волны:
Одна – скормит скалам, как грозный бог,
Одна – бросит прямо в их зев остроты,
Другая – на мягкий прибрежный песок.

Когда погрузишься в серебряный дым
Прибрежный, поймёшь – всем чутьём водных стрел,
Что, как заповедано дланям людским,
Не ведает левая – правой дел.

Как в сумрачный колокол, бьёт тишина
В покой, поглощая тепло без следа.

О, пусть не придёт большая волна,
Не придёт никогда...

16 и 21 августа 2006 г.

17. * * * *

Безгрешны волны. Что же – их ловлю
Как искушение, что граничит – с горем?
На выставке под небом – я люблю
Остановиться – у картины с морем,

А в Храме, где лучи – вельвета сушь,
С усмешкой удивиться краскам тома:
Как, не размыта – иллюстраций тушь
К истории Всемирного Потопа?

1994 г. и 25 июля 2006 г.

18. Прогулка

На душе развязался бант;
Кошки когтями – по ленте.
Выдохнул песню бард.
Листья – в кулоны светят.

Каждый поворот – на краю.
Пахнет коньяком и ванилью.
Фонари – это мачты без юнг,
Окружённые жёлтой пылью...

4 июня 2000 г.

19. * * * *

Рисует дождь скрипичный ключ
На окнах, что завесил плающ.
И входит синева с дождём
В окно, увитое плаущом.

Одетый тою синевой,
Пожалуйста, побудь со мной:
Как друг рисующих дождей...
Как Волхв добрейший – у яслей...

25 сентября 1999 г.

20. * * * *

Этот день так похож на Осень.
 Грош из осеннего займа!
 Осенняя – папираса,
 Каждое слово, запах...

Вампиром, что чует наводку
 Осиневой детской рогатки,
 Скользкой осенней походкой –
 По лету, что странно и кратко.

19 июля 2000 г.

21. * * * *

Я не знаю права неоспоримей,
 Чем не выходить из уюта под ливень.

Но... в этот ливень – меня смущает
 Именно то, что я *не узнаю*

(Даже за высшей планкой "любимей")
 Права неоспоримей.

Я выхожу под ливень!
 А уютам – пусть радуются другие.

Но – что это? будто бы пленник пут,
 Со мною под ливень – выходит уют.

24 сентября 2000 г.

22. Алые Паруса

*(вольный перевод с английского
 песни Дэвида Боуи "Red Sails")*

Чувствуешь плотный лоскут,
 Чувствуешь дрожащий лоскут,
 Приткнутый поближе к телу?
 Ох, юноша, ты в самом деле
 Вокруг пальца ей обведён.
 Алый парус, как утренний сон,
 Вторгается в призрачный город.

"Скорее мечту снаряжайте,
 Скорее удачу поймайте
 На этот гром океана
 И этот шум океана!"
 Мачта – так высока!
 Мы вспомним о тебе, а пока
 Будь Личностью в ревущей пучине.

Будь Личностью больше, чем духом!

Пылающий, ты напуган
 Стеною из всех мелодий,
 Которую волны возводят.
 И этот гром океана,
 И этот шум океана

Увлекает нас всех – снова к дому.

Не прекрасен ли паруса танец?
 Алый парус – алый повстанец.
 "Противоядье найдите,
 Поступок юноши оцените,
 Вы, живущие на острове странном,
 Вы, пленённые в мире явном.
 Алый парус придаст вам силы!"

Алый парус поступки их судит,
 Замерших, глядящих – что будет.
 В глубоком тылу все надежды,
 А полосе прибрежной –
 Мы сделали первым чудом.
 Мы – так далеко и повсюду,
 Как гром и шум океана.

1979 г., перевод: 13 – 15 февраля 1997 г.

23. Грэй

Полдень – пахнет вечером воскресным.
 На прибрежном склоне – мхи густы.
 Лёг туман – как память о чудесном.
 Грэй, а ты? как скоро – вспомнишь ты?

Обречённым ранним звездопадом
 Каплет свет с багровой высоты.
 Я боюсь уснуть – под лав каскадом.
 Грэй, а ты? чего боишься ты?

Тишь на берегу – звенит, как в храме.
 Новый свет исходит от воды –
 Ладанный (кресты ли – якорями?).
 Грэй, а ты? о чём – тоскуешь ты?

За одним другой – с воображенья
 Шторм срывает алые пласты:
 Я хочу познать лучи до тленья.
 Грэй, а ты? чего желаешь – ты?

Не приходят на́ берег ответы.
 И не видно – алых парусов.
 "Грёз моих Избранник, друг мой, где ты?!"
 – Он – в одном из девичьих домов, –

Странник мне сказал. – Опередила
 Та́ тебя, что, все забыв мечты
 Пред лицом его, одно́ спросила:
 "Грэй, а ты? о чём – мечтаешь ты?"

20 августа 2006 г.

24. Прилив (Песня Трёх Чувств)

Под белым солнцем – камни греют спины...
 Деревья – нависают над водой...
 Такое *чувство*, словно неразрывны
 Твоё дыханье – и морской прибой...
 И словно, если резко оборвётся
 Твой вздох – под властью *чувства* глубины,
 Вся водная стихия – задохнётся,
 Не чуя уж ни солнца, ни луны...
 Сегодня ночью, что расстелет Осень
 Постелью нам, в кольце любимых рук,
 Ракушки с моря шумом прочь отбросив,
 Я стану слушать – лишь дыханья звук.
 Безбрежность – вдох, побережье – выдох... Светлый
 Прилив тепла! И – *чувство*: сквозь туман
 Пересекаю тот, инопланетный,
 Рождающий виденья – океан...

ночь 22 – 23 сентября 2006 г.

IV. Тишина в Маленьком Порту

Мир умрёт –
Жизнь уснёт.
Жизнь очнётся –
Да мир не вернётся.

*Песня Тишины Маленького Порту,
14.01.2007 г.*

Ложась спать, я чувствую усталость во всём теле и особенно в руках и предплечьях, и вдруг в голову мне приходит странная фраза: "руки, уставшие обнимать и уставшие не обнимать".

Жан Жене

И когда я наполнился морем –
Мором стала мне мера моя...
Осип Мандельштам

1. Ханука

Мир бесснежен, мир – ласков со мной
И с тобой: мы живём – как во Сне!
Вот и Праздника вечер второй
И вторая свеча на окне...

Так, как если б рукой своей
По огню самому вела,
Я коснусь твоих чёрных кудрей
В рыжих отсветах от стекла.

Не пойдём же со всеми – к столу,
У *свечного* окна посидим;
Сколько сладости – в этом свету!
Жадно, точно священный дым

Всесожжения в недрах церквей
Обрывает дыханья тесьму,
Из твоих изумрудных очей
Любования воздух возьму.

В тонких сумерках нового дня
 (Пригубил кубок чуда – так пей!) –
 В мирном доме прибудет огня,
 И в крови – *запылает* сильней!

Данный Богом елей освятив,
 На пути, разделённом с тобой, –
Я хотела бы жизнь провести,
Зажигая свечу за свечой...

вечер 16 декабря 2006 г.

2. Тишина в Маленьком Порту

И только небо сердцем голубым
 Усыновляет моря белый дым.
Осип Мандельштам

Мне волосы на пряди раздели
 И дождь в них заплети – январской слабостью.
 Сегодня – веет влажно от земли
 Охрой, дымком и зимних яблок мякотью,

А все часы – на день шагнули вспять:
 К началу тех эмоций назревания,
 Когда нам было что – и *вслух* сказать,
 Не замолчав – от силы Понимания.

В далёких окнах – свечи всех *Лючий*,
 Но в стороне от сказочного терема,
 К душе – давая отдыху ключи,
 Мы оба – прочь идём – по золам берега.

Хоть не сорвётся вечность – в немоту,
 Предание течения – не закончится,
 Так тихо стало – в Маленьком Порту,
 Что слушаешь безмолвие – и хочется

Рассказывать до первых льнов седин,
 Не сохранив опасным безднам верности,
 Не о палитрах глубины глубин –
 О блёстках тонкой ряби на поверхности

("Ты *близок* мне" – взамен "ты *нужен* мне").
 Две наших тени – спутанными пряжами –
 Не на песке лежат, а на волне.
 Мы – в Тишь идём, а под ногами нашими,

Касаясь отражения вершин
 И обходя – кругов от камня ободы,
 По водам – проплывают миражи:
 Стежками, что своей же мощью вспороты.

7 января 2007 г.

3. Нагота

I.

Закрой свои плечи – атласом, опоры мои,
 Чтоб слёзы мои – не прожгли твою кожу однажды.
 Закрой своё сердце, чтоб эти удары мои
 В калитку его – не порвали все лозы однажды.

Закрой свои руки: пусть я – не увижу того,
 Как стало им зябко – от "примешь – иль я потеряю".
 Закрой и колени: пусть я – не замечу того,
 Что стёрты они – в тех мольбах, о каких – я не знаю.

Закутай всё тело – в атлас, данный взгляда взамен,
 Всё то, что могла я найти – *меж* душою и телом.
 Посмеешь, от чувств ограждённый пределом Арен,
 На цепи мои – обменять свой мистический пеплум?

Нет. Сколько их – тканей! Но что же? – внезапно, когда
 И очи сухи, и призывов уходы – бесследны,
 В раскрытую душу – свободно летит Нагота
 Зардевшимся всплеском, сорвавшимся с белой ленты.

16 января 2007 г.

II.

...Когда наряды – кажутся смолою...
 ...Когда в атласах тесно – от страстей...
 Но ты и в Наготе прими – с душою,
 С которой смотрят дети – на детей.

...Когда свобода крыльев – сводит плечи...

...Когда и жилы – больше не тесьма...

Будь в Наготе – так прост и безупречен,
Как будто знаешь лучше, чем сама,

Что я прошу – все путы, все шнуровки
(Кровь сердца придержавшие жгуты!),
Все приближенья, что – не в меру долги,
Но не прошу – *небрежность Наготы*.

О, это фраз тугое сокращенье! –
В значеньях заплутавшей благодаты!
Чем ближе к Наготе – о притяженье
Сложнее тем двусмысленно сказать.

На этом пограничье всё так цельно,
Что не решить, розня полутона:
Лист чистый – иль заполненный предельно
Для краски освежающих она,

Та Нагота, с которою – войною
На *чувства* те, что *ощущеньям* – лгут?!
Дай выбрать Наготу. Мне, друг мой, той бы,
В которой – лишь *пред Богом* предстают.

Адамов – стан. Адамовы – зарницы.
Не в том ли Совершенство, ангел мой,
Чтоб, светом духа огненным пронизан,
Любой наряд – казался *Наготой*?..

7 и 18 января 2006 г.

4. * * * *

Объяття Друга – стали тем кольцом,
Что золотится, с Богом обручая.
Податливо-упрямые, как сон,
В котором жизнь – вовек не знала края,

Объяття Друга – бóльшее: *и смерть*...
Моя рука – по прядям заскользила:
Льны делаются жёсткими, как сеть,
Что золота течение уловила,

Уста – благоуханными, как дождь,
Глаза, моим пирам два влажных блюда, –
Глубокими и яркими, как ночь
Земли и неба – цвета изумруда.

Когда граница счастья тайн – темна,
Мой Друг – рассвет в тепло моё вдыхает;
И если Тот, с Кем я обручена
Рук заплетённых жаром, пожелает

За мужество пред жизнью наградить,
Пусть оградит от Неба безучастий
Одно желанье: навсегда забыть
О мире за венцом его объятий.

ночь 7 – 8 декабря 2006 г.

5. Прогулка

Мы блуждали весь вечер, но знали всё то наперёд,
Что готовят пути, набухая водою, как кровью.
Мой Любимый сказал:

"Как прекрасно всё то, что *пройдёт*", –
И легонько поддел мою руку горячей ладонью.

В мире гибло без боли – хоть раз нам сказавшее "нет",
И мы знали, свидетели: *что не для нас – не от Бога.*
Чешуёю дракона, ушедшего в твердь по хребет,
В негой веющем сквере – пред нами сверкала дорога.

Всё – нам было открыто, и всё ж – мы брели наугад,
Веря всем ароматам ветвей, но не веря свеченью,
Не гадая: мгновенья – навечно потоки умчат,
Или время впитается – в эту блестящую землю.

вечер 14 января 2007 г.

6. Когда закончится песня

Как милые меркнут созвездья,
Как спят веретён копыя в пряже,

В порту – затихает та песня,
 С которою – вечер всех краше.
 Не высказать жажды словами:
 Нет эха – за сладостным словом.
 Не вычеркнуть парусами
 Предел синевы портовой.
 Считавший по книге лика
 Любовное празднословье,
 Глядит мой Любовник так тихо,
 Что горестней трижды – безмолвье.
 Наш дом – полон синим свеченьем.
 Сирены бьют грудью о сушу.
 На выдохе певчих последнем,
 Господь, заberi мою душу!
 Им всем – по плащу, нам – два пледа
 От ночи, что всполох продлитсЯ.
 У ложа – раскрытая клетка...
 Прощай, моя синяя птица!
 Сколь много сетей – дрогнет в бездне,
 Что – *сбудетсЯ*, что – *стрясётсЯ*,
 Когда – закончитсЯ – песня?..
 ЗакончитсЯ – не оборвётсЯ.
 – "Так жаль, что звучавшая правда
 Куплетов – нам боли не ближе,
 Что не было в них – слова "завтра",
 Что голос твой – не был в них слышен".

вечер 14 января 2007 г.

7. * * * *

Дышать одним ветром с тобою, даже когда стены воздуха – разъединяют созданных для единства. Помнить глубину света твоих глаз, даже бросаясь пробитыми рёбрами – на чужие мели. Не думать о власти твоего существования, но смело и безропотно жить ею. Чувствовать твою *мысленную руку*, глядящую *мои мысленные плечи*. Быть твоей тишиной, чтобы вместить века твоего дыхания. Знать, что ты помнишь, какой я *должна* быть – в этих треклятых рассеянности, треклятых межзвёздных арках из ветренного двора в ветренный двор. Быть твоей женой на земле и на небе, тысячу раз без зазора совести спутав землю и небо *не только в своих глазах*.

Что ты значишь для меня? – ты – магнитная сила, удерживающая мои кольца, все эти круги своя, возле планеты Жизни! Ты – Божья Опека, воплощённая в смертном воплоще перед тем, как вечные лучи её рассеются Повсюду.

Всё, о чём я *смакну* (улыбнись: "Это дорогого стоит, не так ли?"), – тебе.

Тебе.

вечер 14 января 2007 г.

8. * * * *

Забудь – о притяжения законах
И не влеки – удачным в прошлом флиртом;
Твои черты – мне стали так знакомы,
Что нет различья – меж тобой и миром,

Что нет разрыва – меж тобой и жизнью,
Что нет пробела – меж тобой и небом.
Твоё лицо – так знаю, точно, кистью
Беда сперва, а уж ладонью – следом,

В твои черты, в бессилье их и силы,
Казнящую и тешащую равно
Живую душу – я сама вложила,
И только я – отнять имею право.

5 и 6 февраля 2007 г.

9. Сбой

Мы всё, что *знали*, ночью – отдавали,
И щедрые подарки – *взять* умели...
Когда же губы Друга – *попыхали*,
Мои в минуты те же – *холодели*.

Мы были змеи – на мече, кровь – суше
Песка под ветром дальней южной бури.
Остыли губы Друга – и от стужи
Мои неукротимо *попыхнули*.

Мы думали об этом *дополнение*
В ярчайшую рассветную минуту...

Лёд одного – другого спас от тленья,
Жар одного – в другом пресёк остуду.

Но что за совпадение – всё ближе
К ночному ложу в Завтра не глядящих:
Беда единовременно остывших?
Восторг единовременно горящих?

Весь быт – в плену разгадки ожидания...
Все Дневники – под чарами дилеммы...
Одним порывом чуткого дыхания
Нарушены отлаженные схемы...

9 февраля 2007 г.

10. Пряди

Двойников – не узнать, не стремись!
В этом городе сером и розовом
Снег – в глаза, и не видно лиц,
Наших лиц, *отражённых воздухом*.

Смотрим, но – Двойников не узнать!!!
"Бредим?" – тронула твой пылающий
Лоб, и тихо скользнула прядь
По руке, ледяной и ласкающей.

И теперь – в память как ни мани
Двойников из лучей в небе лаковом,
В ней – проступят лишь кудри твои –
Запорошенным снегом бархатом...

9 апреля 2007 г.

11. Неводы

I.

Уходит солнце – в моря глубину,
Любовно озаряет мир подводный.
Дорожка света... словно – на плаву
Светлейший невод, *птицами* сплетённый,

Что сброшен небом – и не принят дном.
 Возможно, с золотого зазеркалья –
 Очам души наскучившим бельмом –
 Так спала пелена существования...

Заплаканное моря божество,
 Чужое – меж прибрежными богами,
 На пограничье Царства своего
 Сети – касаясь нежными руками,

Возьми уловы радости – себе,
 Ссыпай свой жемчуг – в тишины шкатулку...
 И призывай ходивших по воде –
 Подать свою обветренную руку,

Пока в волне, чей бег неутомим,
 Лампадою прозревшему зажжённый,
 Горит меж незнакомым и родным
 Серебряный пролом стези бездонной.

12 мая и 26 июля 2007 г.

II.

Неводы, неводы, неводы синие,
 Вам – Бог морской, что погибших баюкает,
 Даст ли окутать – позвавших по имени,
 Или до шторма – узы распутает?

Снасти разбитых фрегатов опознаны
 В нежной волне, зазвучавшей печальнее.
 Неводы синие, неводы звёздные,
 Морем простёртые – в дали бескрайние!

Мне бы – огней маяков непреклоннее
 ("Нужно!!!" – стонала, и – шёпотом: "Нужно ли?").
 Поздно. Свершилось. Уловлена. Поймана.
 Неводы... неводы, в свежести – душевные...

Вот все *пароли* – сказаны мыслями –
 Яркого взгляда волной окатившему.
 Неводы, неводы, как мне простить себе
 Горечь улыбки – улов упустившему?

Мост навесной меж луной и утёсами,
Прядей самсоновых духи и демоны,
Неводы, полные синью и звёздами...
Прочные неводы, крепкие неводы...

вечер 12 июля 2007 г.

12. Сальваторе, я и мои сети

Из крови, что над сердцем, – наживка.
Я влеку, наполняя песком,
Мои сети, по ходу отлива
Их боясь отпустить далеко.

Пена ровными искрами пышет,
Бесконечен – простор берегов.
Я тяну мои сети – и вижу:
Мелок мой серебристый улов.

Как на это наивное горе,
Осуждая пред глубями страх,
Вскинул очи свои Сальваторе,
Повидавший все Волны – Рыбак!

– "Ты боишься довериться морю, –
Он сказал. – Не качай головой;
Верь мне, девушка с сетью пустою.
Я не волк – Добрый Пастырь морской.

Мне лишь белая соль и по вкусу.
Срез морщин – взят с коралловых глыб.
На ладонях моих заскорузлых –
Серебро мною пойманных рыб.

Верь же мне. В притяженьях прибрежных –
Власти нет, равной полной горсти.
Не тяни свою сеть – так поспешно,
Дальше в воды – её отпусти,

*Дальше – срезов коралловой глыбы,
В даль, что белою солью полна.*

Дно, где ходят тяжёлые рыбы,
Цепкой тенью достанет она.

Изучая от права до права
Пограничье броска и рывка,
Ты в игре с "беспричинностью" дара
Обыграешь меня, Рыбака.

Отдающим – стократ воздаётся,
Так *отдай* свою сеть – бытию.
...Но сначала – утри эти слёзы,
Ты напомнишь мне юность мою!"

2 июня 2007 г.

13. Хижина

На берегу, что всех тише был,
В катышках глины меточек –
Мальчик построил хижину
Из отсыревших веточек.

Стены с лампадками – обвили
Пены прибрежной жгутики,
Чтобы от дальнего оклика
Не надломились прутики.

Дремают уюты тихие –
Словно в гнезде насиженном.
Чёрно-серебряна линия
Моря – меж небом и хижинкой.

Пляшут от ветра бесшумного
Нитки засушенных цветиков.
У сироты безумного –
Нету дая игр сверстников.

Капельки наземь закапали
И обратились в бессмертники.
Серые птички заплакали
Об одиноком Отшельнике.

С ним воедино – оплакали
 Гаснувших духов пламенных,
 Мёртвых жуков под корягами,
 Ящериц, камнем придавленных...

Тише, высоты, согнувшие
 Мокрые веточки рыжие.
 Бледненький мальчик – слушает
 Ветер-сквозь-прутья-хижины.

22 декабря 2007 г.

14. Скалы говорят

Хребтом прогибаясь – над самой водой,
 Водой, занесённой – слоем песка,
 Одна скала – говорит другой:
 "Ты – ненадёжна, а я – крепка".

Змеей извернувшись – в водных песках
 И к небу взбежав – за дугой дуга, –
 Другая скала – отвечает так:
 "Ты – гладью распята, а я – высока".

А Чайка – сказала: "Обеих час,
 Увы, бесполезен; к чему – ваш спор?
 Нет грёз в Человеке – о лучшем в вас.
 Я слышу – его с Тишиной разговор:

– Я далью дышу, встав на низкий хребет,
 А мир подпираю – ветхой скалой,
 И – не иначе, ибо – я слеп
 И слышу только – морской прибой".

27 октября 2007 г.

15. Не приходите, корабли

Ни в этот час и ни в грядущий год,
 Пылая на волнах – купальской чашей,
 Не приходите, корабли, в наш Порт,
 Мы так устали от *торговцев* ваших.

У нас на горизонтах кружева,
Соль – на камнях, из пены белой бусы.
А в ваших трюмах – тщетность да молва,
И нам не пригодятся – ваши грузы.

Любимый Богом – ненаглядный шрам
Нам заменил коралловые нити.
Вы были громом и зарницей нам.
Как нынче – ясно!.. Впредь – не приходите.

Над вами ль флагом – реяла любовь?!
Морские *заземляющий* пейзажи,
Наш Порт похож на чистую ладонь,
Которую марают – кольца ваши.

Нам застилает очи белый пух,
Чтоб не раскрыли чувства без утайки.
От ваших берега поющих труб –
Отвыкли наши дремлющие чайки.

Вы – искушение, вы – морская мгла,
Туман в глазах – для тех, кто смотрит в воду.
Здесь в вашу честь не бьют колокола,
Не пишут речи – к вашему приходу.

Без вас довольно – праздников и дел.
А вас – да к тем отправить, кто незряч, бы!
На дымчатом спокойствия кресте –
Копьё под рёбра неба – ваши мачты.

Прочь, корабли! Увидев без прикрас
Ваш путь, нам чуждый, к этому порезу,
"Остановись! Остановись *сейчас!*" –
Твердя разбушевавшемся сердцу,

В своей неволе – разыскав тот клад,
Что ваших блёсток ярче и уютней,
От вас – ни фейерверка не хотят
Заложники рыбацких строгих будней.

О *памяти* – не знают в глубине,
Но из глубин – здесь каждый слышал: "*Помни:*

Исчезнувших навечно на земле –
Ничуть не меньше, чем пропавших в море.

Не бойся же во сне ходить по дну,
А наяву – по гребням без препоны.
Люби прибой, как любят Тишину...
И пред купцами – не клади поклоны".

17 мая 2007 г.

16. Ждать Утонувших

Надежда есть – и в горестном бреду
Всех волн, руками горестно всплеснувших:
В бесснежно-зимнем Маленьком Порту –
Есть грустный берег Ждущих Утонувших.

Злой приговор дельфинов на песке
Звенит, как полдень – погребальной Мессы.
Следы зубов – на худенькой руке
Заплаканной Пропавшего Невесты,

А в кулаке зажатый оберег –
Забывт ушедшим без благословенья.
Особый стана крен – и тень – у всех
Чьего-то Недостойных Возвращенья.

Скажите им, скажите, что одна
Тутая вспышка неба ледяного,
И после шторма – *нежная* волна
Вдруг принесёт безмолвно – вещь Родного!!!

Скажите им! скажите вслед – *и мне!*
Тем, кто на море – не взглянул с изнанки,
Мерещится и снится: в глубине
Есть беглецами обжитые замки...

Там – страх иной, иная благодать,
И утешенья – не для тех, что смертны.
Простой рыбачке – страшно представлять
Улыбки и слова – морской царевны.

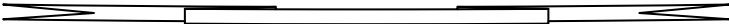
...Уж откликами – больше не маня,
Застыли на краю самопознания
Ревнующие тех, кто по камням
Ходил, к Пучинам, где – ни дна, ни камня.

Я вижу всё, что ждёт их впереди.
Я брежу – их неслышимым дыханьем.
О Господи, прости меня, прости
За все мои грехи пред Ожиданьем!

Разлука соль мне – на иллюзий хлеб,
И воля – крест мой: не нуждаться в Нужных.
На этой тихой северной земле
Я не примкну – ко Ждущим Утонувших.

Но если Бог велит – *уйти* и стать
Солёным ветром, чайки белой крики
Пронзающим, я стану целовать
Их чуткие и каменные лики...

21 декабря 2007 г.

Соляная кукла

по мотивам буддийской притчи

Неведомыми тропками блуждая,
На берег вышла кукла соляная
И, увидав, что кончилась земля,
Спросила у лазури на просторе:
– "Что ты такое есть?" – "Я – это Море".
– "А что есть Море?" – "Море – это Я".

– "Боюсь, что я тебя не понимаю, –
Сказала Морю кукла соляная. –
Что слово "Море" значит для тебя?"
Сказало Море: "Прикоснись – и только
Тогда узнаешь ты, что Я такое,
Что это значит: Море – это Я".

И, руку протянув, она коснулась,
И к ней – без пальцев кисть её вернулась,
И вскрикнула испуганно она:
"Как ты могло?! Что сделало со мною???"
Но за нежданно-острой новизною –
Сверкнула Постиженья глубина.

Сказало Море: "Ты – сейчас рассталась
С тем, что – от пониманья отстранялось,
Ни холода не бойся, ни огня.
Решайся частью стать – Моей святыни,
Себя отдать – Моей безбрежной сини:
То плата за познание Меня".

Загадочное знание – манило,
И кукла – в волны медленно вступила.
Решительной, но бережной волной,
Что соль – Познания духом заменяла,
В себе – вода морская растворяла
Частицы смелой куклы соляной.

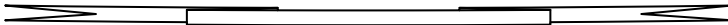
И постепенно, по крупице тая,
Та продвигалась вглубь – не отступая...
И, отдав бездне Моря – всю себя,

Единой став – с лазурями без края,
Растаявшая кукла соляная
Себе сказала: "*Море – это я*".

Так – и Любовь, и Бога познавая,
Возможно жить, частицы отдавая
Чистейшему простору их Морей.
Мы, чувствуя неведомые волны,
Вместить в себе Стихию – не способны,
Но можем *стать* ей, растворившись в ней.

И я – с твоим влиянием не спору,
Не говорю: "Что сделал ты со мною?!" –
И не боюсь ни стужи, ни огня,
Охотно становясь Познания частью –
Затем, чтоб утверждать: "*Ты – это Счастье*,
Но мы одно, и *Счастье – это я*".

26 сентября 2009 г.

Отец Тристана

*Руфусу Сьюэллу в роли Короля Марка
("Тристан и Изольда")*

І. Изольда – Тристану

Легко – быть утешением вдовца.
Шаг отступлю – и радости не знает.
Его наряд из кожи и холста
И в стужу – столько жара пропускает!

К нему – со всем Минувшим приходя,
Себя – стыжусь, не перед ним робею.
Он, Воин, – одинокое дитя,
Когда на миг – я стану холоднее.

Он носит в сердце алую звезду.
С печалью, но не с гневом – подчинилась.
Могу ли – ненавидеть доброту,
Неистовых надежд отвергнуть милость?

Соединив монаршие сердца,
Чужому счастью – рад... и с ним враждуешь!
Для своего приёмного отца
Завоевал меня, а сам – тоскуешь.

И я, хоть я лишь тень – его огню,
От грустных глаз твоих – едва ли скрою:
Моя *скупая* верность Королю –
Не то, что лживый – вправе звать игрою.

Ты – воздуха глоток, и я – твоя
(Забывшие тебя – впредь не дышали).
Но как прекрасен профиль Короля
Под обручем тяжёлым горькой стали...

Не вспомнит ни один из нас, что мне
Казался первой ночи сумрак – страшным.
Не пленница живёт – при Короле.
Со мною – тот, кто тихим браком нашим

Мир выкупил для царства моего,
И тот, кто излечил твоё сиротство.
Как из моих покоев – нелегко
Изгнать – его заботы благородство!

Коснётся он – и из-под ног земля,
А если всюду – зыбь, кто *прочь* – шагнул бы?!
Как нежностью не встретить – Короля
Неистово-доверчивые губы?

Он – ближе стал, он – больше не вдали
Теперь, когда я вижу – взглядом влажным:
Нас породнило – то, что мы спасли
Тебя от смерти – оба, в час свой – каждый.

О лучшем не мечтала я родстве.
Не веря уж ни аду и ни раю,
Его рубцов касаясь, я себе
О прочных узах тех напоминаю.

Тем алым часом память береда,
Когда – лились целебные дурманы
Мои, я также вспомню – у тебя
Твоим отцом похищенные раны.

За кротость послушанья не кори
Жену чужую (выпад – и – могила):
От клятв моих другому – исцели
Мой мир, как твой – от язв я исцелила!

Твой взор вовеки не забуду я,
Но, думая, что плен мой – не бессрочен,
Я также вспоминаю – Короля
Неистово-задумчивые очи.

И я не буду – ни пред ним невинной,
Ни пред тобой, решившись возразить
Догадке, что не стоит дар любить –
Пронзительного долга быть любимой.

25 мая 2009 г.

II. Марк – Изольде

Спи, моя Горлица, спи,
В ночь такую, как эта, в море
Погребальный костёр – дожди
Погасили в обрядном чёлане.

Спи, мать *Печального*, спи,
Не горюй – о его сиротстве,
Мы ведь оба – его спасли:
Я – на войне, ты – после.

И за то, что вернула живым
Сына – из чуждого града,
Я тебя – отпускаю с ним,
Я прощаю... спи, Чудо... спи, Чадо...

За ладонь твою в дальней стране
На его незатянутой ране –
Я прощаю раненья тебе
Те, которые – нанесла мне.

Тонет в луне Тинтажель,
Став незримым – для путников поздних*.
Слухи – текут... Не больней
От преданья, что сыну и госте,

Спутав ковши, поднесли
Ту приворотную чашу
Зелья, что в ночь любви
Нашу с тобою, нашу –

Пить бы – тебе и мне,
Но – от преданья, что в кубке –
Капля (!) осталась на дне
И мои омочила губы.

Спи, Ненаглядная, спи.
Ты на броне иль сорочке

* – По легенде, Замок Тинтажель, где правил Король Марк, был зачарован и иногда делался невидимым. – Т. С.

Больше – страшилась крови?
Обе – спеклись уж прочно.

Спи, мой двуликий свет...
Ложь – ничего не значит,
Но – пусть найдётся Поэт,
Что – мою веру оплачет.

Может, найдётся и тот,
Кто, разгоняя безвестье,
Чёрный венец мой возьмёт –
Короновать Милосердые.

Кто – мой алевший вразлёт
С горестной тайной рядом
Плащ – на себе запахнёт,
Лик от предательства спрятав.

Может, найдётся в свой час
Тот, кто под ношей Утраты
Павшим – не руку подаст,
Но теплоты моей латы:

Мне заменявшую кисть
Кованную перчатку.
Спи, моя Тихая Жизнь.
...Лучик – на локона прядку,

Лучик – на мудрую страсть
В ясном монаршем взгляде...
Горькая благодать –
К сладостной благодати...

25 мая и ночь 11 – 12 июля 2009 г.

III. * * * *

Королю Марку

Входя в противоборства круг заклыйтый,
Чтоб не дрожать – пред рока остриём,
Надеть твои невидимые латы,
Пробитые Дражайшим – и врагом!

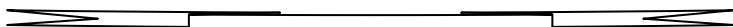
А чтобы *отплатить*, но не могиле –
Цветами, не венком – земли холму,
Не с дамами сидеть бы – на турнире:
Хранителю служить бы твоему!

Служить, как тот, кто слова не нарушит,
Но скажешь "прочь!" – и трижды проведёт.
Служить, как только равный – в муке служит,
Когда неравный – счастья часа ждёт.

Что зло в тебе разбудит, если правды
Всей – не довольно? Свят – и мёд, и лёд.
Дрожат твои невидимые латы,
Когда о рёбра – сердце с маху бьёт!

Ножа, пересекающего жилы,
Столь зыбка – драгоценная волна.
Твои глаза – они непобедимы,
А кровь – чужой победе отдана.

4 июня 2009 г.

Ода Ревности

Эдварду Киностону в роли Отелло

Вот в чём причина, вот в чём причина, душа моя.
Уильям Шекспир, "Отелло"

1. Моя Нимфея

Не в воздухе над сценой – на плаву!
И древний пруд – как лунный океан!
О, тёмная нимфея на балу
Горячих волн, что для холодных дан!

Серьёзность в души молодых повес
Вносящая – на свой же риск и страх,
Качающая шепчущий гротеск
На сгибов колыбелях и весах,

Носящая изменчивости грим,
Тебе – моё дыхание и рука.
Играй же боль, изяществом одним
Уравнивая дно и берега!

И, кистями ревнивыми наяд
Расписанный, – опустится туман,
И в жёстких пальцах ночи будет смят
И преломлён – цветку подобный стан.

И нет, о нет, не повернёт назад
Крестовый ход – сценических теней.
Блещающим – любой быть может взгляд.
Блистательным – лишь тёмных взор нимфей.

Как встретятся мечта и темнота,
Желающая видеть – уж без сил, –
Я знаю, ты не грезишь никогда,
Но плачешь – словно только тем и жил.

ночь 13 – 14 марта 2006 г.

2. Ода Ревности

Избави бог убить тебя, души не подготовив.

Уильям Шекспир, "Отелло"

Как не любоваться мне тобой?!
Ведь твоя, дитя с лицом сивиллы,
Ревность – перекрёсток огневой
Двух пределов: Слабости и Силы.

Как тебе не выплеснуть, моля
Обучить, как воду – носят в сите,
Муку, что уводишь – вглубь себя:
Слепнущую странницу – в обитель?!

О, она могла б – на слепоту,
Что навек – наивности защита,
Затвориться, кануть в том скиту,
Но пред нею дверь – была закрыта.

И, смотря, как в битве страшных сил –
Искр гнева и страданий тленья –
Ты руками плечи обхватил,
Позу приняв – жажд перерожденья,

Знала, что не будешь вновь рождён.
Подойди, прощеньем не утешен!
У тебя в глазах – убийцы стон
С лепетом любовника замешан.

Не меня – себя ты потерял.
Лезвие, не выдох – меж устами.
Ревность – либо – из глухих зеркал
Разрушенья – подошедшим к раме

Криво улыбнувшийся инкуб,
Либо ангел, пьяный – вкусом крови,
Что лишает жизни – тех, кто люб,
Идеально душу подготовив.

Не смотри же – в отражений дым,
Ты – единым жестом их расплавил.

О, душа – готова! Невредим
 Будет свет её! – пленён твоим
 Чувств безумьем, Бог – тебя *избавил*.

15 и 16 марта 2006 г.

3. * * * *

Страсть – искажает лица. Но твоё –
 В ночи страстей, стусившихся пред залом,
 Прекрасно: желчь – не желтизной прильёт
 К чертам, а серебром, всех Стуж началом.

Слетают обаянные слова
 С последней – обжигающей – улыбки...
 И страсть – рисует кистью колдовства
 На рампы свет слетевшихся ужимки.

Убийца, чей слезами залит лик,
 Ты будешь, стоя в света звездопаде,
 Утешен тем, что на лице других –
 Есть большего безумия печати.

ночь 10 – 11 июля 2006 г.

4. Минута до появления Отелло

Дездемона.

Ложась... упав – на брошенные людом
 Клинки – "уже не тот" – "уже не та",
 Плечами – говорю о беспробудном,
 И стан мой – покрывает клевета.

Снега нежнее – прежде, чем растаять,
 И я – ранима. Полога ручьи,
 Молчание свечей и ласки память,
 Всё в ожиданье – моего судьи.

"О, накажи не смертью, но изгнаньем,
 И страсть тебе – раскаяньем воздаст!" –
 Души не оскверняя оправданьем,
 Я встретить не сумею судный час.

Предвидеть *не желала* эти пути
Неверья, подозрения чуму,
Да, с горечью прикусывая губы,
Испуту – не поверит моему.

Со мною вместе – выплакать прощанье,
Со мной – удушье выдохнуть сполна,
Придёт... Уж здесь! Затмение и сверканье,
Мой облик – с бурной страсти полотна

Свергает взор его – и превозносит.
В разрушенном убежище моём –
Он тронет полог... Раненный, он спросит:
"Прочла ли ты молитву перед сном?"

14 марта 2006 г.

5. Воззвание к Милости

Дездемона.

Друзья мои, поговорите с ним.
Меня – он подозреньями терзает,
А я его – неравнодушьем к ним.
В слезах меня увидев, принимает

Печаль, мне им внушённую, за грусть,
Что подарил другой, с которым – мало
И грусти; лишь печаль – не обмануть.
Как милость Господина мне вернуть?!
Не знаю, как её я потеряла.

Она – была мне чистою рекой.
Возможно, горсти в жаждущем стремленье
Проникли в воды – слишком глубоко
И тенью – исказили отраженье.

Виновна – и, лучами дня клянусь,
Невинна! Да оставят ложь – незрячим.
Как милость Господина мне вернуть?!
Она – была мне заревом горячим,

Просветами блистательных зеркал.
 Когда мой взор – ладонью я накрыла,
 Чтоб видеть лучше – на свету, глаза
 Я от неё невольно заслонила,

Увы!.. Нет, сломит пусть, погубит пусть,
 Да всё не отведёт – от страсти края!
Как милость Господина мне вернуть?!
 Она – была мне морем. Я, желая,

Чтоб кораблей – благополучен был
 По водам ход, зажгла на возвышенье
 Огонь для них, но тот – лишь ослепил
 Морского бога. В гневе на свеченье –

Он рушит бури с гребней, крылья – с плеч,
 Румяна – будто крови капли – с лица.
 Но, жизнь мою – за миг способный сжечь,
 Моей любви – он не сожжёт и мига.

Враждебность – может многое, но снять
 По силам нежной верности – заклатье.
 Любовью всей – прощаю неприязнь.
 Друзья мои, скорей – к нему ступайте,

До сердца донесите – голос мой:
 Исчезнет отражение – тень не рая.
 Исчезнет взор – останется ладонь.
 Исчезнет море, но пребудет – пламя.

14 марта 2006 г.

6. Стихи к Испытанию

I.

Ты приветлив, но сдержан, идущий по дрожи следам,
 Стерегающий тепло – на просторах пустынь, и тогда
 Испытание – кондор, парящий над пыльной тропой,
 Тень свою не в песке проводя – высоко над землёй.

Ты учтив, но уже возбудим – под личиной своей
 Подчинившего страсти искусно; для звёздных очей

Искушение тогда – тёмный голубь с Оливой Начал,
Что покой призывал, но волнение – крылами объял.

Ты горишь, твои губы блестят, лик – в поту, как в луне.
Ты узнал больше должного, чтобы – *не знать о себе*.
Искушения птица тогда – филин, знавший нужду
Только в мудрости, но – упустивший её в слепоту.

И сгибает желание – прутьев и золото, и сталь,
И лозу, и плетёт купола: недоверье, печаль
И экстаз, надевает замки – на соседство петлиц...
И готовы три клетки – для трёх изумительных птиц.

14 марта 2006 г.

II.

Лазурью – без каймы обведены
Минуты встреч, скользнув в её росе.
У Искушения – долгий вкус весны,
Не тающий – и в зябкой полосе.

Тебе бы – кипу старомодных лент
На ткань одежд, а мне – свирели стынть.
У глаз твоих – неповторимый цвет
Ореховых скорлупок, стёртых в пыль.

Их очертанья – углубляет смех.
Ресниц под влагой гибнет бахрома.
К твоим щекам – от тонких нижних век
Стекает ровно – голубая тьма.

У сердца твоего – не голос: крик.
А над моим – кружится песнь измен.
У рук твоих, болезненно-худых,
Застывший танец – на погорьях вен.

Два дня – не далеки и не близки,
И послан наваждению запрос.
Мучительной улыбки уголки
Запрятать бы в навес твоих волос,

Изрезав воспалённые уста
Прямых и долгих, тёплых прядей тьмой...
Неровных, ломких... жёстких, как кора,
Гребёнкою графлёная сухой.

14 марта 2006 г.

III.

От бреда дней – решительный отрыв:
Не повредив зарницами – светила,
Все прочие желанья подавив,
Громада Искушенья – отступила.

Оно у моря – умыкало дно,
Окрашивало пурпурным – свеченье...
А нынче – я проснулась без него.
И вспомнила – его великолепье.

Мне остаётся – строфы размечать
Поверх заметок прошлых (мига милость!),
Да к зеркалу – вопросы обращать:
Что изменилось – в той, что покорилась?

Как не успела – большее узнать?
Зачем, по водам – камушком звенящим,
Я упустила – будущую страсть,
Соединив неловко – с настоящим?

Где Искушенья склеп? – сожжён дым
Сглотнуть хочу, чтоб снова – быть на леске.
Как преданный служитель Красоты,
Я сожалею – об ушедшем блеске.

Не ради Наслажденья, ради суть
Загадки – раскрывающего рвення,
Я чувствую обязанность вернуть,
Найти в себе – истоки Искушенья.

15 марта 2006 г.

7. По праву

Изгнание – ужасная вещь для того,
кто знает своё место, принадлежащее ему по праву.
"Stage Beauty"

Не плачь, не плачь!!!!!!!!!!!! Мне, что себя теряешь,
Сказавший, это – не утрат пора!
Ты, обожжённый, сам ещё не знаешь:
Так и меняют кожу, что стара.

Не преступить Владения закона:
Что суждено тебе – навек с тобой.
Едва тебя – обманом свергнут с трона,
Его займёт бессмертный призрак твой.

Когда поймёшь: основа планов – тает,
Весенний ветер, вестник всех страстей,
Не сокрушит мечту, лишь обменяет
На *символы* иллюзии твоей;

Они – ценней: дороже тела – души!
Печаль свою – несведущим покинь:
Из горсточки песка – дворец разрушен,
Но для ухода – тысячи пустынь!

Не плачь, смотри – моя уходит сила
По руслам этих рек, а следом – жизнь!
Пускай твоя *история* погибла,
Но *мифы* у надгробья собрались.

И в них, послушных собственному плану,
Несущих дара божьего печать,
Тебе принадлежащее по праву –
Не приумножив, друг мой, не отнять.

16 марта 2006 г.

8. Я убил тебя, ты просто не умерла

Мы живём в измеренье сценических *полумер*,
Оттого наша жизнь – их преисполнена сил.

Я обжёг твои руки, но просто – не отогрел...
Я держал тебя крепко, просто – не защитил...

Всё, что смягчает – выкриком – виражи,
Их заостряет – нескáзанного клинком.
Бесконечности дети, мы – не могли довершить
То, что заложено в нас – перед рампы огнём.

Тень сорвёт наготу – а под нею одежд бирюза.
Грим сотрёт, а под ним – новая краска ресниц.
Плод невозможности сúдьбы принять до конца –
В том, что мы есть: в живом полумраке кулис.

Так простим же друг другу – рассвет на исходе дня,
Страсти приправы – зелень на склоне бед.
Я ласкаю тебя – как целуют, благодаря
За спасительный повод – свой не давать ответ.

Никогда *в полной мере* – жизнью не вспыхнет пыл,
Только игре – слышится похвала...
Ты пленила меня, я просто – не полюбил...
Я убил тебя, ты – просто не умерла...

16 марта 2006 г.

Бубенцы, или Рисованные Слёзы Шутовства

1. Шут Короля Лира

Юрию Ярвету в роли Короля Лира

I.

Синим взглядом все горы и доли
Лир смолол и в ладони несёт.
Слыша: *заговор* был у престола,
Вы не знали, что то – *приворот*.

О, тоской коронованный жребий!
О, дорога пустая, когда
Сердце бьётся слабее... быстрее...
О, обманутых глаз *нагота!*..

10 сентября 2000 г., Берлин

II.

С балаганной молитвой,
С причитанием спорщика рдяным –
За холщовой кибиткой,
Дни пути – исчисляя по ранам.

Кромкой плата степного –
До последней изношенной латки –
Из Клянущихся дома –
Да в Клянущих студёные замки.

Самой долгой дорогой –
Не за верным отмерянной лаской,
Не за царской короной –
За судьбою отцовской и братской.

Псом, что к цепи калёной
Не приучен, да к лунному вою, –
Под твоей изъязвлённой,
Разлинованной веком рукою.

Дальше солнечных севов,
 Дальше чащи, что взращивал месяц, –
 Выплетая напевы
 Из горчайших клубков околесиц,

Рассекая чрезмерность
 На ответы тебе. Весь – до искры –
 Полоумная верность,
 Что мудрее окажется – истин,

Старцу – в юности сверстник,
 Для битья приголубленный мальчик,
 Одиночеств наперсник,
 Силы чувства жестокий подсказчик.

Из души чреваточин –
 Яд вбирая дыханьем хвалебным,
 Поднимая не очи
 На хозяина: землю – над небом,

Слыша алчных – "не нужно",
 Отражая виновных – "невинны",
 Нет, не тенью послушной,
 Но подобьем дорожной лучины –

До конца. Без уступок
 Бытию. Не шепнув: "Не по силам".
 Пластырь перечный шуток –
 Государевым стынувшим жилам!

Нянькой хмурого чада-
 -Сердца, шаг не ступившим без боя
 С миром, *сгорбленно-статным*
 Стерегушим от смерти судьёю –

К верной столь же. К бессонной.
 Не угодливо льнущей к престолу:
 Под венцом неподъёмным
 Правоты – падшей к рубищ подолу...

6 июля и 6 августа 2007 г.

2. Шут Принца Зигфрида

В бокалов звоне – спесь ласкала нега,
Но громче, как в безмолвье – дух росы,
Осмеивая – лживых тостов эхо,
В толпе гостей – звенели бубенцы.

Я говорил от имени свободы,
Я шлейф её держал – как *удила*.
И, хоть ещё не пробил – час Охоты,
Мои печали – лук, а смех – стрела.

Вы будете – Правителем Загадок,
Мой Принц, а я – Приказчиком Шарад.
Взглянув за край алмазных водопадов,
О том, что уловил и прячет взгляд,

Вы спросите: "Я прав?" – и оробеют
Вокруг, боясь, как гибели, суда.
Сколь многого сказать – Вам не посмеют
Советники! Спросите – у Шута.

О да, на арлекиньи ромбы – норов
Расчерчен, но... платя – за этот фарс,
Вы той не знали, по вине которой
Я сделался таким, каков сейчас.

Она – была Невестой светлицей,
К ней отошли – Дворец мой и казна.
Но из объятий – хищной чёрной птицей
Однажды утром – вырвалась она.

И знаком, что от страсти – не избавить,
Что *ей* – принадлежат *мои* черты,
Мне на лице – оставила на память
Когтей своих глубокие следы.

Не чувствуя ни боли, ни позора,
Лишь зная: пуще крови дорога, –
Путём, ведущим к заклятым озёрам, –
Я бросился за ней, на берега.

Она – упала в высь мгновенной искры,
А отраженье – в водных тень крутов,
Но я словил серебряные брызги
И превратил их в звёзды бубенцов.

– "Ты ждёшь, что буду, – крикнул я в туманы, –
До смерти *плакать* – над мечтой? над ней,
Пока дышу, *смеяться* только стану!"
И я не знал: то выбрал, что страшней.

...Велите начинать, Хозяин, танцы.
Сегодня (о, сейчас – как никогда!) –
Я многое сказал бы Вам *по-братски*,
Но голос Брата – тише слов Шута.

Балы готовьте – для моей Невесты.
Скрыв так *небрежно* – птицы чёрной стать,
На Праздник Ваш – во всём коварном блеске –
Она придёт – искомое отнять.

Белил метелью и пунцовым соком
Закрасивший на лице – шрамов сеть,
Её – и в отдаленье, за порогом,
Узнаю, как узнал бы – Жизнь и Смерть.

Тогда, в противоречий бездне бурной,
Как будто обращая – время вспять,
Смогу воскликнуть: "Берегитесь, друг мой!" –
И маску с гостью проклятой сорвать.

Но – с тенью торжествующей улыбки –
В отместку всем мечтательным юнцам,
Способным избежать – *моей* ошибки,
Я промолчу, мой Принц, я Вас предам.

О, что бы за мечта – Вас ни терзала,
На шутовские спорю колпаки:
Последний час – Вы знаете так мало
О звонком одиночестве тоски!

Смакуйте вина: их – *не будет* слаще.
Внимайте песням: тайна в новых днях,

Всерьёз или играючи – заплачет
Бубенчик золотой – луны в ветвях.

Столь будьте юным, будьте беззащитным,
Чтоб Музыка, вскипая, принесла
Предупрежденьем *поздним и наивным* –
К ногам – Зверька Души с графлёным ликом...
Клубок звенящий – пёстрога тепла...

26 февраля и 19 марта 2007 г.

3. Арлекин

Искушением пытка – невинна,
Не вмняйте мне прихоть ресниц:
Чуткий, чувственный стан Арлекина –
Самый смутный небесный каприз.

Я – не Пламя на площади страстной,
Я – Дитя перед ликом огней.
Гуттаперчевой куклы раскраска –
Ваших масок прозрачно-честней!

Чтобы скрыть от смущённых – смущенье,
Жертвы просит ваш праздничный день;
Этих линий костюма скрепенье
Неспроста вам напомним *мишень*!

Но пускай – эти шёпоты ранят
Убежденьем – иронии сверх, –
Что подобные мне – *исчезают*
В миг, когда – обрывается смех.

В непорочно-флиртующем плясе –
Всё равно – вижу Ангелов в вас!
Разве влажные розы – прекрасней
Заблестевших от нежности – глаз?

Мой полёт в отраженья – так ломок,
Спрятан стон – в огневом серебре.
Заигравшийся в радость ребёнок –
Так безудержно-волен в игре!

Бóльше зрелища жажды – я мог бы
 Утолить, кубок вспенив богов,
 Расплескав красно-белые ромбы,
 Врезав каждый бутон бубенцов.

Только, вывернув мир наизнанку,
 Швы души сохранить – не дано.
 Побелев, задыхаясь, я лягу
 Наземь – в лунного света пятно.

И агония линий – расскажет
 О разорванном чувств узелке.
 И причудливо веер запляшет
 В раззадорившей тени руке.

И когда – тишь и сумрак над залой
 Вскинут крылья, сломившие свод,
 Горстью бисера бело-кровавой
 Я рассыплюсь... и Бог – соберёт...

3 января 2008 г.

4. Коломбина Бога

Я – клоун Бога. Я – Бог.
Вацлав Нижинский

Наивности моей и суеверью,
 Желанью чашу рока – пить до дна,
 Неумолимой тяге к восхищенью,
 Неведенью того, что я – смешна

Тебе – над бездной высотой слога,
 Надеждам я обязана моим
 Тем, что я стала – Коломбиной Бога,
 Живой, как кровь, и призрачной, как дым.

Румянец лихорадки – мелом скрыла
 ("Подставлена щека"!).

Не правда ль, *равноценные* белила –
 Цветенье и снега!

Что блёсток свет – царапает, я, ёжась
 От знаков, замечаю: та ли боль –
 Не жертвенна?! Мой хлеб – моя несхожесть
 С *обычной* красотой;

Устрой же, милый, хлеба преломленье.
 Раскрась получше, облачив во взгляд!
 Дай крест мне, ибо это представленье –
 Святой обряд:

Влечение к лицедейству обоюдно,
 Но до разрыва истинна – душа.
 "Я – Коломбина: тем, что я безумна,
 Я хороша, –

Пою тебе. – Фарфоровых, без жизни,
 Не выберешь, то – гибель и тоска".
 И под ноги тебе – роняю с кисти
 Игрушку-двойника.

...Смеёшься надо мной, изящно вскинув
 Надменные, глубокие углы
 Сухого рта. А доле Коломбины
 Не только сцены, и миры – малы.

Поэтому, я знаю, не срываюсь
 Я с острия клинка,
 На множество имён я отзываюсь,
 Я помню все века,

Но к грани эпилога – от пролога –
 Нет проседи дорог.
 Когда ты Бог, я – Коломбина Бога.
 Я – Бог.

вечер 6 августа 2004 г.

5. Пьерро на снегу

Как в чистом платье юного Паяца,
 По плечи в белой накипи морской –
 Не страшно в одиночестве остаться,
 Чтобы побыть наедине с Зимой.

Морозом – кнут арен обеззаражен,
Но и проказа в мире – не мертва.
Уходит Юность... Скоро зритель свяжет
Избитые длиною рукава.

22 ноября 2001 г.

6. Петрушка

Руслану Минину

Я – ваш клоун; лишь Богу подвластен,
Вас, хлестающих нас, я люблю.
Я смеюсь над оплаканным счастьем,
Об осмеянном горе пою.

Да, смеюсь, мою душу очистив!
Да, я плачу, ваш суд очерняя!
Я кичусь помрачением истин,
Но печаль омывает меня.

В человечности сбивчиво каясь,
Я сейчас – дорожу ей одной.
Я, как будто ослепший, касаюсь
Жизней наших, разыгранных мной,

В любопытстве своём безобразных –
Недостойных своей красоты,
Ждущих ливней, смывающих краску,
Под одним небосклоном беды

(Так, не веря, рукою водили
По очерченным пылью слезам!).
Если что-то отнять вы забыли,
Знайте: это *завещано* вам!

(На одеждах дрожат искаженья
Проносащихся мимо огней...)
Нищ? Богат? О, подайте значенья!
Отпустите! – по *низшей* цене...

Нынче ночь, вам воздастся при солнце.
Если цёпки притворства грехи,

Если сердце моё разорвётся,
Я раздам вам его лоскутки.

Вновь безудержно кроткий и смелый,
Привлекающий плети и взгляд,
Я подброшу тряпичное тело –
И шарниры узлов зашуршат,

Расплетутся тряпичные струны,
Мягкий плащ – будет божий канвас.
Я ослабну, особенно юный
От усталости старческих глаз.

Дайте руку моей неудаче!
Мне моя белизна – не броня.
Погодите, постойте!!!.. Так, значит,
Я просил вас оставить меня...

Ну, чьему вы поверили слову?!
Что? Взойдётся в высоту – и покой?
Как паяц, небосклон размалёван
И кичится своей пестротой.

От него, не от сборищ – веселья
С горем узы, я вас не виню!..
Дрогнут лески... на зимнюю землю
Я надежду мою уроню...

Что вам?! Прочность натянутых нитей?!
Нет же – срывы молчанья лжецов!
Вы, застывшая кровь, отомрите! –
Расступитесь, смыкая кольцо.

16 апреля 2003 г.

Оды Невидимкам

впечатления от репетиций без реквизита

Трактование видимости
есть обнажение наших скрытых желаний.
Т. С., "Письма Золотом"

1. Молитва Луи Брайлю

Кто, как не ты, всех ближе в это время!
Когда глаза на видимость закрою,
Посланцем воздающего по вере,
Прошу, Хранитель мудрый, будь со мною.

И если зримость – не смогу понять я,
Свою поддержку окажи *незримо*,
Когда создать робеет восприятие
Обоснованье слову "постижимо".

Учи меня, заставь меня поверить:
Не только божий дар – *не обмануться*,
Но вместе с ним – и ма́стерская смелость
Друг другом заменять удачно чувства.

Будь рядом! – направляй моё стремленье
Для опыта и силы возрастанья
Найти особый способ постиженья:
Влюблённостью в незримое – познание.

16 сентября 2004 г.

2. Незримое Вино

На сцене его Тореро пьёт из пустых бокалов. Мне захотелось попробовать это вино.

Сегодня я читала Мидасу тосты вслух и, сказав: "Плохая примета произносить тосты без вина", – взяла невидимый бокал. Он подыграл мне: взял такой же бокал и, чокнувшись с моим, поднял высоко, хоть, в отличие от меня, пить не стал.

Дневник дня

В миру, не увлечённые игрой,
Срывающую гроздь – вихрем с лоз,
Вином незримым – выдержки такой,
Какой бы – мне, мы поднимаем тост.

Бокалом – о бокал... как, Ты – не сбил
О мои перстни – пальцы?! (жест люблю!)
Христос на свадьбе – воду претворил
В вино, Ты – воздух: за *обоих* пью.

Дыхания тепла – к тому прилей
Напитку, без него – тот уст обман
Не утоление жажды – только хмель.
Кто неизбывно вдохновеньем пьян –

Вспоён несуществующим вином!
...Уже изменены глубины глаз...
О да, всё верно! – то, за что мы пьём,
Быть может только *призраком* для нас:

Сквозь пальцы – всё реальное ушло,
Но перед опьянением – в долгу!
Ещё! Старинным присказкам назло –
Ни капли по губам! ни искры с губ! –

Не верно, что – здесь нечего терять!
Причащена невидимым вином,
Я научусь однажды смаковать
То, что теперь – до дна одним глотком...

9 сентября 2004 г., вечер в Долине Фениксов

3. Незримая Мулета

Тем, кто своё же зренье обмануть
Готов, чтоб бросить взгляд в глаза победы,
Ничто не может так в лицо хлестнуть,
Как вызова незримые мулеты.

Всё скрытое – чувств выявит *размах*,
Когда ресницы – не спешат раскрыться:

Не дрогнувший пред видимым смельчак
В незримом – видит то, чего боится.

Когда путь зренья – неисповедим,
Он ищет – подсознанию на благо –
Того, что в ярость может привести,
Ведь ярость – ключ к преодоленью страха.

И не пытайся вызов опутить
Так, чтоб *увидеть* сверх воображенья;
Иллюзия – всё то, что можно скрыть,
Зажмурившись, от внутреннего зренья!

То истинно, что из глубин зрачков
В мир вырвется, коль душу ты зажмуришь.
И если, обезумев от бросков
На воздух (в нём границ – ты не забудешь?!),

От *внешней беспричинности* рывка,
Незримого – над зримым превосходства,
Зверь атакует призрачную ткань,
В иное измеренье он ворвётся.

16 сентября 2004 г.

4. Незримое Лезвие

В невидимую цель – клинок вонзил
Незримый, за исход борьбы спокоен.
Опасно всё, что силой наделил:
Не верно, что когда в сраженье воин

С собою взял – ничто, он стал – никем.
Будь жест тревожным или предпобедным,
Клинок в пожатой Смелостью руке
Горит огнём – и станет незаметным,

Лишь в плоть врага вонзившись (а враги –
Под стать клинку). Нет музыки звенящей,
Но *узнаваем* ветер от руки,
Незримую угрозу заносящей.

И понимаешь, почему – у тех,
 Что всей душою с Богом сораспятся,
 От острых, но невидимых гвоздей –
 На теле – появляются стигматы.

И для певцов загадочных теней,
 Живущих под бесплотною зарёю,
 Уместней и желанней – смерти нет,
 Чем истекать невидимою кровью.

16 сентября 2004 г.

5. Незримые Цветы

...Во время Танца – партнёрша Мидаса роняла в Его ладони невидимый цветок, который Он позже отбрасывал, и когда репетиция закончилась, я трепетно подобрала брошенные цветы.

Я думала, Он уже вышел из зала, но Он обернулся в дверях и спросил:

– Что ты делаешь?

– Собираю цветы. Кто-нибудь наступит... жалко. Это же цветы... Я их на свой письменный стол поставлю...

– В книге засуши, – с колюче-прохладной, бессмертно-меткой иронией посоветовал Он.

Дневник

Когда мы стираем руки к тем,
 Кто воплощает всё прикосновением,
 Что нереальным было долгий век,
 И сердце – отзывается цветением,

И руки – ощущению пустоты
 Не верят больше – в новой жаркой вере,
 С ладоней наших падают цветы –
 Незримые – в ладоней колыбели.

Там, где вовеки смертный не ступал,
 Подобные восходят дерзко – рядом
 С огнём *криниц* любовных *вин* начал.
 Романтик – влажным взглядом их искал,
 Приснившимся пленённый ароматом.

Но наяву – задача нелегка:
 Букет – не бросить оземь, возгордившись
 До мысли: "Стою – зримого цветка"...
 Не выронить, в подарке усомнившись,

Прозрачный знак внимания руки
 К руке... Ты зримых роз – безукоризней
 Подыщешь для мгновенья?! (Береги
 Воздушность осязання!) Тронь их листья –

И страсть даривших их – прочтёшь с листа.
 Сломи цветок – и призраки восстанут!
 ...Ты можешь тайн – не видеть никогда,
 Но ты – поймёшь, когда они – увянут.

16 сентября 2004 г.

6. Незримая Маска

Не будет беседы открытой
 И жара, когда – прикоснуться:
 Сегодня ты в маске незримой,
 Страдать обречённое Чувство.

Её – своевольно-живою
 Признали дыхания ветры,
 И только незримой рукою
 Возможно разнять её ленты!

Меж истинной болью не выбрать
 И ложной улыбкой счастливой.
 И мне – от желанья дух вызвать,
 Что был – золотой серединой,

Как солнце из-под навесов,
 Воссозданных гроз чертами,
 Неловко, как будто *всмотреться* –
 Пронзить беспощадно шипами.

Понять бы ещё до разлуки,
 Любуясь воздушной оградой,

Пред *ищущим* взглядом – в испуге
В румянец ладонями вжатой,

Покуда не стала – *личиною*,
Покуда – не безобразна:
Под сорванной маской незримой
Скрывается зримая маска.

14 и 24 ноября 2004 г.

7. Незримые Поцелуи

Ты обещаешь сбыточность мечтам,
В твоих глазах эмоций переливы...
И губы приближаются к губам,
Но поцелуи тонкие – *незримы*.

Они – само доверие теплу,
Их невозможно – не принять на веру,
Но и нельзя запомнить – наяву.
По всей многозначительности спектру

Они – не уступают немоте,
Которая – о ста надеждах спросит:
Подобные – в морозный яркий день
Весенний ветер вздрогнувшим приносит.

Но их, незримых, от других не скрыть:
Их – линия обводит золотая.
Им не решить "не видеться – не быть",
Стремительным движеньем подавляя

Неловкий смех в глубинах уголков;
Нет в поцелуях мук неосязанья:
В бреду самообмана – им легко
Встречать сопротивление дыхания.

Так мотылёк, устав во все века
Быть символом влеченья для поэта,
Осознаёт без боли, как сладка
Судьба лететь не к свету, а от света.

Напрасен страх – на вдохе, на лету
Найти в прикосновениях легкокрылых
Яд, что покроет губы на беду, –
Всё это сон: бесплотное, не в силах

Излюбленную сказку воплотить,
Печати пробужденья не возложит.
...Вкус пустоты – не может горек быть,
О да. Но утешенье этим – может.

15 ноября 2004 г.

8. Что скажешь?

...Без слов – переступила твой порог.
Но если б ты, узнав: в молчанье – сила,
Лишь на один вопрос – ответить мог,
Я знаю, что бы – сказано мной было.

Раскрыв покой, где искренности дух –
Так сладок, но все вдохи – так опасны,
Служившую проверкой – наготу
Я заняла б у Андерсена сказки

О том, надетом "Голым Королём",
Наряде (о, от лживой лести латы!) –
И в этом одеянии ночном
В свет несказанный глаз твоих вошла бы.

Уставшей от незримости печаль
Вместил бы мой вопрос – до малой капли:
"Лишь тот, кого люблю, увидит ткань
Моих одежд. Прекрасный шёлк, *не так ли?*"

7 февраля 2005 г.

Золотой Подсвечник

(по мотивам азербайджанской народной сказки)

В Краю – пора печальная настала,
На солнце – тучи мрачные напла.
Что речи дар – Царевна потеряла,
Упавши в ноги, Шаху донесли.

И, сдерживая слёзы, объявил он
Целителям: кто голос – вновь вернёт
Его прекрасной дочери любимой,
Тот в жёны – в тот же день её возьмёт.

И в молчаливой девушки покои
Один входил целитель за другим.
Те – пылко обращались к ней с мольбою,
А эти – ярким обликом своим

Её пленить пытались, обещая
Мужьями идеальными ей стать.
Те – длинные шептали заклинанья,
А эти – ей решались угрожать.

Но девушка – ни слова не сказала.
Был тих покой, лишь плавно, как туман
В завесах, шелестели опахала
И разливался жемчугом фонтан.

И вот вошёл Целитель самый младший.
Задумчиво вокруг он посмотрел.
Обвёл глазами фрукты, ткани, чаши...
Увидел и светильник, что горел

Над ложем у Царевны онемевшей.
К Подсвечнику – он речь и обратил:
– "О, Золотой Подсвечник! Свет – так нежен
В твоём сосуде! Ты, приют светил,

В природе их – обязан разбираться.
В пути сюда – поспорил я о том,

Луна иль Солнце – в небеса подняться
Способно выше. В шаре огневом,

Как будто, весу меньше, чем в холодном
И бледном диске. Ты уж рассуди:
Лучами, миллиону крыл подобно,
Что машет чаще, чтоб наверх взойти?

Луна иль Солнце? Что – лучистей, легче,
Что всходит неуклонней – в высоту?
Ответь, не мучай, Золотой Подсвечник!
Ну, не молчи же! отвечай! я жду!

Я не поверю, что – того не знаешь,
Ведь ты и сам – сияния венец!
Так почему – ты мне не отвечаешь?!"
Тут не стерпела девушка: "Глупец!

Подсвечник – дать ответ тебе не в силах,
Он нем, как мёртвый камень иль стена!"
– "Неужто? – Лекарь почесал затылок. –
Пожалуй, ты права, *моя жена*".

— /// — /// —

Твоя душа – бывает молчалива,
Одета неприступной тишиной,
И чтобы речь – не проскользнула мимо
Её возможной чуткости, с мольбой

Предчувствующих кару – к ней взывают
Иль с ней флиртуют, страсти не тая.
Отчаявшись, кланут и угрожают.
Бормочут заклинания. А я –

Затем, чтоб отозвался ты душою,
Веду прекрасных символов тона
Той образов дорогой обходною,
Что тонкими уловками полна.

Тебя не окликаая именами,
Которыми – другие призывают,

Я говорю с цветами и тенями,
Стихиями, частицами секунд...

Свой голос – от просящих, не смокая,
Скрывал, а в изумленье – не солжѣшь,
Душою – с недоверьем восклицая:
"От этих ли вещей – ответа ждѣшь?!"

Я не безумна, тем – я не прельщаюсь,
Что даст ответ – "Подсвечник Золотой".
Ведь не к нему – в стихах я обращаюсь...
То способ мой – *поговорить с тобой.*

Хотя б ты отозвался – и протестом,
Судьбу раскрасишь – в новые цвета.
И, выполняя клятву, Царь Небесный –
Союз наш – узаконит навсегда.

26 августа 2009 г.

Содержание

Твари

часть первая

1. Царевна-Лягушка	3
2. Легенда о Запретных Плодах	5
3. Пикник В Заливе	6
4. Бесёнок в пыли	7
5. Сточные Канавы	8
6. Ступенька	9
7. "Единство апреля и октября..."	10
8. Скульптура в парижском фонтане	11
9. Питъевой Фонтанчик	12
10. Крылатых бытиё	14
11. "Когда отразит тебя пламенный пруд..."	14
12. "Вах" ДаВинчи	
I. "Ко мне... Под крыл моих наплыв..."	14
II. "Что не хмель, – говорили, – то желчь..."	16
13. Сиринга	17
14. Песня Персефоны	
I. "О том лишь помню, как была – твоей..."	19
II. "Шторма... шторма забвения реки..."	20
15. Тени Духоты	21
16. Слути	23

часть вторая

1. Свысока	24
2. Ночлег	25
3. Духи Фонарного Света	26
4. После Жатвы	26
5. Люди с людьми	27
6. Родные Навсегда	29
7. "Вы ласкаете милых подруг..."	29
8. Парк В Полночь	30
9. "Стремительны, бесповоротны..."	31
10. Пока плакали ангелы	32
11. Пробуждающий Светила	33
12. Кладбищенский Голубь	35
13. Кладбищенский Ветер	36
14. Рог лесной	37
15. Охота Листьев	39
16. "Всем кронам, что горят, как серафим..." ...	40

II. Феи Спящего Царства

1. Феи Спящего Царства	83
2. Фея Нежности	84
3. Фея Резвости	86
4. Фея Щедрости	88
5. Фея Смелости	90
6. Фея Беззаботности	91
7. Фея Карабосс	93
8. Фея Сирени	94

III. Баллада о Младшем Рыцаре

Четыре Грани Стужи

I. Песня о Ноябрьском Короле	100
II. Хозяин Холодов	101
III. Снежная Королева	104
IV. Стужа в моём Замке	105

Корриган

<i>Песня первая</i>	107
<i>Песня вторая</i>	107

Мальчики, прыгающие в реку

I. "Мост над рекой – дельфиньим плавником..."	112
II. "В неловких бликах бирюзы..."	113
III. "Мы были вдвоём – в высоте над волной..."	113
IV. "Сверкает течение..."	114
V. "Не трепать тебе косы мои свысока..."	116
VI. "Жребий бросайте, смуглые дети..."	116

Луки Листвы

1. "Где меж собой – тонкий снега пласт..."	117
2. "Загадочен весенний свет небес..."	117
3. "Раскрываются звёзды на стеблях..."	118
4. Эльф	119
5. Луки Листвы	120
6. Пламя Изумруда	121

Парк Умирающих Ветвей

I. Дух Листопада	123
II. Хвоя	132

Полынь-Трава	139
Об Одной Капле	141
Ученики Чародея	144
Синие Крылья Икара	148

Алмазный Пёс

I. (Наш Хозяин)	168
II. "– Ну же, вспомни, это было когда-то..."	168
III. "Зймы, любовь счастливых..."	169
IV. "Снежный пёс, бриллиантов бурана..."	169
V. "Пёс мой алмазный – впился..."	170
VI. "Мы пришли сюда, гости случайные..."	171

Прялка	172
---------------------	-----

Купава и Лель

I. Купава

1. Капель в сумерках	176
2. Хоровод	178
3. Слёзы Лея	
I. "Лель-пастушок, ты смеялся на талых лугах..."	179
II. "Мой Лель, твоя улыбка солона..."	180
III. " <i>Верю глазам, не веря...</i> "	181
4. Вестовые Весны	181
5. "Во сне до Чуда время коротавшим..."	182
6. Весна, летящая в пропасть	182
7. Песня Вешнего Выбора	184

II. Лель

1. Лель	185
2. "Вдох не затаив, не жду, не медлю..."	186
3. "Любимый..." Сказала – вдохнула..."	187
4. Песня Чудес	188
5. "Гром – по хребту деревьев, но сегодня..." ..	190
6. Под Покровом Купалья	
I. "Мне страшно, что засов дверной непрочен..."	190
II. "К лучистой реке! минуя дворы и луга..." ..	191
7. Венок	
I. "Шаг – навстречу, и в тайны – безвестно..."	192

II. "Купавы голос – глуше стал от неги..."	192
8. Утро после Купальской Ночи	
I. "После Купальской Ночи..."	193
II. "В кольце мечты, как в порванном венке..."	193

III. Тааль

1. "Аэль, послушай тот гул, что ручьи донесли..."	195
2. Две мести...	196
3. Снегурочка	197
4. В конце Замен	198
5. Ревность Купавы	199
6. Через Костёр	200
7. Её смерть	
I. "Вешняя доля Купавы? Сума – полна..." ..	203
II. "Серебряной весеннею водою..."	203
III. "Серебряной весеннею водою..."	205
8. От слёз	205

Клёны (Ветви и Руки)	208
Чума и Храм	214
Невеста и Колодез	225
Победителей не судят	230
Баллада о Скрытой Ране	232
Реквием Певчей Птице	234
Крик мандрагоры	236

Три Медведя

1. "Мёд обтекает губы с подвижностью ртутой..."	238
2. Как мы очутились в чаще	238
3. Приходя на свет	239
4. Пустыня	240

Сентябрь

<i>часть первая</i>	241
<i>часть вторая</i>	243
<i>часть третья</i>	246
<i>часть четвёртая</i>	248
Притча об Истинном Мастере	251
Сказка о Правдивом Художнике	256
История Клада	259

Восемь чудес Камбоджи

<i>Пролог</i> Хижина на сваях	261
1. Театр Теней	261
2. Бездённая любовь	262
3. За чудесами!	263
4. Город без достопримечательностей	264
5. На реке Меконг	264
6. Комплекс Ангкор	
I. Прасаты	265
II. Птицы о статуях	266
III. Сочетание прасатов	266
IV. Храм-Гора	267
V. Храмы и дворцы	267
VI. Серебряная Пагода	268
7. Народная музыка	268
8. Народный Театр	269
9. Песенка ветра, обходящего кхаэты	270
10. "Стебель и сойка"	271
11. Королевский Балет	272
12. Материальность!!!	272
<i>Эпилог</i>	273
 Плач о Комарином Князе	274
Король и Землекоп,	
или Притча о Трёх Золотых	277
Богач и Прозревший	286

Вацлав

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Авторский краткий пересказ содержания	289
Замок, Где Звучат Клинки	
1. Полонез	290
2. Танец Юношей	291
3. Мазурка	293
4. Вацлав	
I. "Мой вышел Князь к гостям своим – и ветром..."	294
II. "Укрывший белизну эмоций кружева..." ..	295
5. Мой Праздник	
I. "Ребёнком, столь сведущим в счастье мгновенном..."	296
II. "– Тень старых крон – у Хрусталя истока..."	297

6. Замок, Где Звучат Клинки	297
7. Появление Врагов	299
8. Его жертва	300
9. Облака на твою кровь	302
10. Пожар	303

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Авторский краткий пересказ содержания	305
---	-----

Пленники (Чужие Края)

1. Гарем	306
2. Чужие Края	308
3. Зарема – Гирею	309
4. Ладан	310
5. Шёлковые Стены	
I. "Ирония людских "мы всё успели"!.."	312
II. "Пылью бы – темницу – до обломка!.."	312
6. Не Соперница	
I. Зарема – Марии	313
II. Мария – Зареме	315
7. Властью Отвергнутых	317
8. Единство	318
9. Тебе и Пропasti	319
10. У Фонтана Слез	321
11. Грёзы	322

Вместо Эпилога, Посвящения

<i>и Всего, Всего, Всего... Никто не ранит</i>	323
<i>P. S. № 1</i> Захватчик	324
<i>P. S. № 2</i> Песнь о Злом Эвнүхе	325

Французская Кукла (Фарфор)

1. "Сверкает облаков упавших край..."	327
2. "Хоть тост румянцем силы поднят был..." ..	327
3. Французская Кукла	328
4. Стежки (Французский Танец)	329
5. Сердцебиение	330
6. "Спи, моя кукла, сны – всё посмели..."	331
7. "Ладаном рождественским вздыхает..."	332
8. "Жарче, свёчи! – холод горек..."	332
9. Говорит Фарфор	333
10. Манжеты	334

Сказка о Незаведённых Часах	335
--	------------

Маленький Порт

I. Маленький Порт

1. Душа причалила	340
2. Маленький Порт	341
3. Прибрежные Деревья	342
4. Раскрытое Окно	343
5. Лодки в траве	343
6. Холодок	344
7. Вдалеке	345
8. Лов	346
9. "Ивы трепещут, как рыбы на суше..."	346
10. Якоря	347
11. Панорама	348

II. Возвращение в Маленький Порт

1. "Мягко развязывает душа..."	349
2. Песня в Доме У Пристани	
I. "Дорогое нежное лицо твоё..."	349
II. "Здесь – спокойно, и память уйдёт..."	350
3. Дополнение	351
4. Берега	352
5. Краб	352
6. Зверь морской	354
7. Ветрено	354
8. Крути По Воде	355
9. Песня Улова	356
10. Парус	357
11. Латающий Сеть	358
12. Огненный Корабль	360

III. Август в Маленьком Порту

<i>Вступление</i> Моря – то не моря (<i>перевод</i>)	361
1. Август во владеньях Июля	361
2. Ныряльщики	362
3. Ангел Из Воды	363
4. Всплески	363
5. Рыбацкие Дворы	364
6. "Корабль звёзд, по синим веткам киль..." ..	365
7. "Когда светает, день идёт к безбурью..."	366
8. "Радужка глаз..."	366
9. Чайка	367

10. Мой друг ушёл в море	367
11. Морской Витязь	368
12. Август в Маленьком Порту	369
13. Лавандовая Песня	370
14. "Вместо засова..."	370
15. Вода становится холодней	370
16. Большая Волна	372
17. "Безгрешны волны. Что же – их ловлю..." ..	373
18. Прогулка	373
19. "Рисует дождь скрипичный ключ..."	373
20. "Этот день так похож на Осень..."	374
21. "Я не знаю права неоспоримей..."	374
22. Алые Паруса (<i>перевод</i>)	374
23. Грэй	375
24. Прилив (Песня Трёх Чувств)	376

IV. Тишина в Маленьком Порту

1. Ханука	377
2. Тишина в Маленьком Порту	378
3. Нагота	
I. "Закрой свои плечи – атласом, опоры мои..."	379
II. "...Когда наряды – кажутся смолою..." ..	379
4. "Объятыя Друга – стали тем кольцом..."	380
5. Прогулка	381
6. Когда закончится песня	381
7. "Дышать одним ветром с тобою..."	382
8. "Забудь – о притяжения законах..."	383
9. Сбой	383
10. Пряди	384
11. Неводы	
I. "Уходит солнце – в моря глубину..."	384
II. "Неводы, неводы, неводы синие..."	385
12. Сальваторе, я и мои сети	386
13. Хижина	387
14. Скалы говорят	388
15. Не приходите, корабли	388
16. Ждать Утонувших	390
Соляная кукла	392

Отец Тристана

I. Изольда – Тристану	394
II. Марк – Изольде	396
III. "Входя в противоборства круг заклтый..."	397

Ода Ревности

1. Моя Нимфея	399
2. Ода Ревности	400
3. "Страсть – искажает лица. Но твоё..."	401
4. Минута до появления Отелло	401
5. Воззвание к Милости	402
6. Стихи к Искушению	
I. "Ты приветлив, но сдержан, идуший по дрожи следам..."	403
II. "Лазурью – без каймы обведены..."	404
III. "От бреда дней – решительный отрыв..."	405
7. По праву	406
8. Я убил тебя, ты просто не умерла	406

Бубенцы, или Рисованные Слёзы Шутства

1. Шут Короля Лира	
I. "Синим взглядом все горы и доли..."	408
II. "С балаганной молитвой..."	408
2. Шут Принца Зигфрида	410
3. Арлекин	412
4. Коломбина Бога	413
5. Пьерро на снегу	414
6. Петрушка	415

Оды Невидимкам

1. Молитва Луи Брайлю	417
2. Незримое Вино	417
3. Незримая Мулета	418
4. Незримое Лезвие	419
5. Незримые Цветы	420
6. Незримая Маска	421
7. Незримые Поцелуи	422
8. Что скажешь?	423

Золотой Подсвечник	424
---------------------------------	------------

Литературно-художественное издание

СТИЗОРИК Тереза Мартиновна

Младший Рыцарь

Баллады и Сказки

Гарнитура	Bookman Old Style
Компьютерный набор	Валентина Беляковская
Компьютерная вёрстка	Тереза Стизорик
Дизайн обложки и титульного листа	Артём Поль и Тереза Стизорик
Корректор	Ольга Ярошина

официальный сайт Терезы Стизорик
www.folle.by

электронный адрес
folle-studio@yandex.by